

ЧАСТЬ 2. МОРСКАЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИЯ В ЭПОХУ ПАРУСНОГО ФЛОТА

Глава 2.1. Образование и становление Гвардейского экипажа при императоре Александре I с 1801 по 1825 гг.

В марте 1801 г. на российский престол взошел император Александр I. Он был старшим сыном цесаревича Павла (в 1796–1801 гг. — император Павел I). Вскоре после рождения Александра (в 1777 г.) заботу о воспитании внука взяла в свои руки его бабка, императрица Екатерина II. В 1800 г. часть окружения императора Павла I (П.А. Пален, Н.И. Панин и др.), недовольная его политикой, начала готовить государственный переворот. Александр, вероятно, знал о планах заговорщиков и не препятствовал им. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел был убит в своей резиденции, Михайловском замке в Санкт-Петербурге. Смерть отца, по-видимому, шокировала 23-летнего Александра, он не сразу дал согласие занять престол. В ту же ночь был написан Манифест о восшествии на престол нового монарха. В нем смерть Павла объяснялась апоплексическим ударом. Эта версия поддерживалась в официальной российской печати до начала XX века.

*Степан Шукин (1762-1828).
Портрет Александра I. Холст, масло. [21]*

В Манифесте императора Александра I [28] сообщалось: «...Мы восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом Нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по Ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх Славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим... Дан в Санктпетербурге, Марта 12 го дня, 1801 года».

Современники указывали: «Восторг был всеобщий и искренний. Общество как бы возрождалось к новой жизни». Начались великие перемены, возвращались «бабкины» времена, так ожидаемые светским обществом, особенно столичным, возобновляются грандиозные зимние

балы, на которых блистает молодой и привлекательный император. Им восхищаются светские красавицы. Летнее время заполнено военными смотрами, массовыми гуляньями, морскими прогулками, где представители высшего общества стремятся и себя показать, и других посмотреть. Посыпались десятки– освободительных указов императора. Неудобных удаляют, удобных возвращают. Сосланные Павлом возвращаются в прежние места проживания.

Вернемся к созданию морской лейб-гвардии. В очерке [5] М.Н. Лермонтов утверждает: «Со времени вступления на престол императора Павла I... едва ли которому из полков Императорской Гвардии представлялось столько случаев обращать на себя столько внимания государей, как представлялось основным частям Гвардейского экипажа и едва ли который либо из полков имел возможность быть так приближен к государям, как придворные гребцы и матросы, служившие на яхтах, сколько бы ни желалось избегнуть помещения сведений, почерпнутых из фактов... Основные части Гвардейского экипажа получили новую жизнь, новое, единственно гвардейское военное направление; приобрели более случаев явить усердие и любить, охотнее стремились к назначенной им цели». И вот тому подтверждение.

Еще с 1800 г. младший брат Александра великий князь Константин Павлович заведовал Придворной гребцовой командой и всеми ее судами. Известный мастер и любитель «фрунтовой муштры», чему не был противником и Александр Павлович, он умело и настойчиво придавал гвардейский лоск команде придворных гребцов и парусных яхт. Зачастую он был инициатором и организатором массовых красочных гуляний на воде.

Поскольку большую часть летних месяцев Государь проводил в столице на Каменном острове, то и яхты стояли там же. Император довольно часто выходил в море на смотры и прогулки, предпочитая для плаваний яхту «Симеон и Анна». Он посещал Кронштадт и корабли, там находящиеся. 30 июня 1801 г. на Кронштадтском рейде он осмотрел новый 130-пушечный корабль «Благодать», остался доволен морской и артиллерийской выучкой его экипажа. В этот период были построены и новые яхты: «Церера» и «Паллада» для Государыни Марии Федоровны, «Роченсальм» для Константина Павловича, гребная яхта «Селигер».

*Портрет великого князя Константина Павловича на фоне сражения при Нови.
Государственный Эрмитаж. [29]*

Эскадра придворных судов принимала участие в торжествах на воде, яхты входили в Неву, расцветивались флагами, производились салюты и фейерверки. Большое количество судов Невского флота – яхт и гребных, принадлежащих частным лицам, заполняли акваторию Невы. Александр Павлович с членами императорской фамилии и своим окружением часто принимал участие в праздниках. Таким образом, придворные гребцы стали самой приближенной к государю частью русского флота. Об этих спокойных годах службы для придворных гребцов и яхтенных команд более подробно узнаём из очерка [5]:

«При вступлении на престол императора Александра I парусных придворных яхт была только одна - яхта “Симеон и Анна”. Яхта эта, следуя принятому в команде правилу, по приказанию командира команды капитана 1-го ранга Клокачева в 24 день апреля 1801 года вышла с места зимовки из канала Гребной гавани и 11-го мая находилась уже против Зимнего дворца. Из журнала этой яхты видно, что фрегат “Эммануил”, находившийся в Кронштадте, состоял в зависимости командира придворных яхт, гребных судов и их команды. 21 мая император Александр Павлович с государынею императрицею Елизаветою Алексеевною изволили ездить на Каменный остров на придворном 12-весельном катере под парусами и возвратиться с острова на веслах. Командир команды капитан 1-го ранга Клокачев управлял рулем, а его высочество цесаревич и великий князь Константин Павлович последовал вскоре за их величествами на шестивесельном яле». <...>

«В эту кампанию гребной флот, состоявший из 27 иолов, двух буеров и яхты “Голубка”, 25 мая вышел на рейд в Неву реку, расположившись в линии от Зимнего дворца до Адмиралтейства и Исаакиевского моста, производил в реке Неве учения и эволюции поэскадронно.

При сильных западных ветрах, в это время господствовавших, скрывался в Малой Неве по способности. В эту же кампанию июня 13-го государь император изволил производить с гребным флотом маневры у Подзорного моста в устье реки Невы, и для этого команды с придворного фрегата “Эммануил” предварительно делала промеры в реке Неве. Гребной флот был увеличен канонерскими лодками, иолами, плавучею батареею и яхтою “Селигер”, а яхта “Симеон и Анна” перешла к Подзорному дворцу. Для этих маневров гребной флот разделен был на две части, одна стоя в галерном фарватере под прикрытием батареи под Кроншпицами, защищала галерный фарватер и порт. Другая, стоя в корабельном фарватере, должна была атаковать защищающих. Атакующий имел резерв в Черной речке. Император в сопровождении принца Мекленбургского с императрицею и значительною свитою особ обоего пола изволил прибыть в 6 часов пополудни от Зимнего дворца на двух катерах и вступил на яхту “Симеон и Анна” повелев поднять штандарт. После салютации штандарту по сигналам с яхты “Симеон и Анна”, повторяемым командирами эскадр, начались маневры. Атакующие разворачивали свою густую колонну влево, а защищавшие строили линию, прикрывая пологий берег гавани и порт. В половине 7-го часа на яхте “Симеон и Анна” сделан был сигнал атаковать неприятеля и начать бой. Атакующая линия на тихой гребле вперед открыла пальбу, а резерв её из Черной речки, выбравшись вверх по течению, быстро поворотил налево и усиленную греблю пошел во фланг атакованной линии, быстрым движением успел зайти левому флангу сзади и тем заставил всю линию защищавших отойти под защиту батареи под Кроншпицами, тогда и батарея эта открыла огонь. В исходе 8-го часа с яхты “Симеон и Анна” сделан был сигнал прекратить бой, потом сигналами изъявлено монаршее благоволение начальникам и некоторым частным командирам, а нижним чинам по рублю на человека. За сим его величество со всею свитою изволил съехать с яхты в Зимний дворец.

Вслед за тем яхта пошла к Главному Адмиралтейству, дабы в ту же ночь быть у Зимнего дворца. 10 июня по приказанию командира команды капитана 1-го ранга Клокачева перешла к Каменному острову по случаю высочайшего государя императора пребывания в Каменно-островском дворце. К этой яхте присоединилась одна канонерская лодка и гребная яхта “Селигер”. <...>

«В 28-й день июня государь оставил Каменный остров и переехал в Ораниенбаум, а яхта, пройдя мосты и Большим Невским фарватером, пошла для практического плавания к месту пребывания императора. 30 июня стояла уже против Ораниенбаумского дворца. В этот же день государь император изволил посещать Кронштадт и флот, стоявший на Кронштадтском рейде в

количестве 12 кораблей, 7 фрегатов и 2 тендеров, совершив переезд из Ораниенбаума в Кронштадт на придворном катере, в сопровождении яхты “Симеон и Анна”. На Кронштадтском рейде государь поднял на катере штандарт, изволил посещать корабли, а вступив на придворный фрегат “Эммануил”, изволил приказать перенести штандарт с катера на фрегат. По осмотре фрегата отправился на том же катере в Кронштадт. Осмотрев порт, его величество в сопровождении двух принцев Мекленбургских со всею свитою изволил возвратиться в Ораниенбаум уже на яхте “Симеон и Анна” и в 2 часа пополудни изволил съехать с яхты во дворец». <...>

«6-го июля государь император Александр I в три четверти девятого часа изволил выехать из Петергофского канала со свитою на придворном катере, а вслед за его величеством на другом катере выехала государыня императрица мать, государыня императрица царствующая, с великими княжнами Марией Павловной и Екатериной Павловной, и в 9 утра изволили прибыть на яхту, которая пошла с высочайшими особами на Кронштадтский рейд. Государь же, проехав мимо яхты на катере, изволил отправиться в Кронштадт. Почти одновременно прибыли яхта и катер на Малый Кронштадтский рейд.

Его величеству угодно было осмотреть прежде Кронштадт со всеми заведениями, яхта “Симеон и Анна” пошла с императрицами на Большой рейд и, подойдя к фрегату “Эммануил”, положила якорь.

В 11 часов государь выехал из Купеческих ворот Кронштадтских гаваней на катере под штандартом и, приняв должные почести, изволил приехать к кораблю “Ростислав”. По прибытии его величества на этот корабль всему флоту приказано сниматься с якоря, начиная с лежащих к западу, и по способности. Вслед за тем его величество изволил прибыть на яхту “Симеон и Анна” для того, чтобы перевезти всю императорскую семью и свиту на придворный фрегат “Эммануил”, с которого его величество изволил наблюдать за всеми движениями флота, яхта же пошла на Малый рейд.

В 2 часа пополудни государь император со всем двором оставил фрегат “Эммануил” и на двух придворных катерах изволил отправиться прямо в Ораниенбаум, яхта же продолжала лавировать к Петергофу. В это время на Кронштадтском рейде стоял английский военный люггер, который при отходе флота салютовал флагу русского контр-адмирала 11-ю выстрелами и получил в ответ равное количество выстрелов». <...>

«Остальную часть этой кампании яхта “Симеон и Анна” провела в переходах из Петергофа в С.-Петербург, на Каменный остров, во время же пребывания императорской фамилии в загородных дворцах яхта занимаема была практическим плаванием и, стоя на рейдах Петергофском и Ораниенбаумском, обучением нижних чинов всему, что следовало, а 2-го сентября вошла в канал Гребного порта и пройдя за стоящие у западной стороны придворные золотые яхты ошвартовалась и начала разоружаться. Об этих золотых придворных яхтах в журналах не упоминалось и в эту кампанию упоминается только в первый раз.

В 1802 году являются между яхтами галеты № 1-й и 2-й, не представившие журналов своих, а яхта “Симеон и Анна” состоит уже под начальством капитан-лейтенанта Головни 1-го. Командующий всеми придворными и гребными судами и их командами капитан 1 ранга Клокачев помещается на этой яхте, и эскадра из трех судов в 3 день июля стоит у Каменного острова. У дачи графа Строганова является собственная его яхта и следует во всем движениям и действиям придворных яхт. 11-го июля государь осматривал оба галета, объезжая их на 18-весельном катере, управляемом капитаном 1 ранга Клокачевым. Стоя у Каменного острова, яхты часто производили примерное пушечное учение, отдавали паруса и брали рифы в присутствии государя императора, а иногда государя цесаревича Константина Павловича. Император очень часто выезжал на катере под парусами и под веслами по окрестностям Каменного острова, и яхта “Симеон и Анна” вносила с точностью всё это в свой журнал.

В этом году не прежде 27 июля яхты перешли в Петергоф, там присоединился к ним гребной 20-весельный люггер, а яхта “Роченсальм” причислена в число придворных яхт. В этом же году число придворных парусных судов увеличилось “Луизою-Ульрикою”». <...>

Примечание: В справочнике [23] находим по этим яхтам:

1. Гребная яхта «Роченсальм». Имела 8 пушек. Длина 16,9 м. Ширина 5,1 м. Осадка 2,3 м. 4 банки (8 весел). Заложена на Галерной верфи в С.-Петербурге, спущена в 1795 г. Участвовала в Отечественной войне 1812 г. и в войне с Францией 1813—1814 гг. 7 июля 1812 г. в составе гребной флотилии контр-адмирала А.Ф. фон Моллера вышла из Кронштадта и 31 июля прибыла в Ригу. Участвовала в обороне города. В 1813 и 1814 гг. была брандвахтой в Свеаборге.

2. Придворная гребная яхта «Луиза-Ульрика». 8 пушек. Длина 16,5 м. Ширина 5,2 м. Осадка 2,8 м. 5 банок (10 весел). Бывший шведский бот, захваченный эскадрой адмирала В.Я. Чичагова 22 июня 1790 г. во время Выборгского сражения. Находился в личном распоряжении Чичагова. В 1802 г. после переоборудования в яхту, которая стала придворной. Разобрана в 1812 г. в С.-Петербурге.

«Императрица мать» (Мария Фёдоровна - авт.) в продолжение высочайшего пребывания своего в Петергофе изволила часто посещать галет № 1, изволила плавать на нем, и тогда все остальные суда следовали во всем движениям этого галета и действовали по сигналам его. Галет № 1 заслужил внимание всей императорской фамилии, и государь император со всем царским домом своим весьма часто посещал этот галет, маневрируя на нем, начальствуя всею эскадрою придворных парусных судов.

По возвращении на Каменный остров императорские яхты перешли также туда, и яхта «Луиза-Ульрика» стояла ниже Каменноостровского моста, устроенного тогда на флагшкотах, в линии с прочими яхтами. В этом же году 17 августа были спущены со стапелей Главного Адмиралтейства корабли «Уриил» и «Рафаил», и придворные парусные суда встретили вновь построенные корабли приветом из всех орудий.

Эскадра расположена была следующим образом: поперечную линию от левого берега реки к правому выше эллингов составляли яхты: галет № 1-й, «Симеон и Анна» и галет № 2-й. Первый у левого берега, в второй у правого, яхта же «Симеон и Анна» посередине Невы. От галета № 2 вниз по течению реки Невы спускалась другая линия перпендикулярная этой поперечной и состояла из галета № 2, яхты «Луиза-Ульрика» и яхты Морского корпуса «Ласточка». В те же сутки яхты исключая «Ласточку» перешли обратно к Каменному острову.

Плавание яхт в 1802 году окончилось крейсерством всей Придворной эскадры под начальством капитана 1 ранга Клокачева между С.-Петербургом и Кронштадтом, а в 26 день августа объявлено высочайшее повеление, причислить галеты №1-й и 2-й к придворным яхтам и наименовать: первый «Паллада», а второй «Церера». Имена эти сохранились весьма долго в числе судов, приписанных к Гвардейскому экипажу, а яхта «Паллада» считалась несколько времени яхтою императрицы Марии Федоровны.

Нельзя не упомянуть о внимании его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Константина Павловича к придворным парусным и гребным судам. Цесаревич любил по наследству морскую службу, морское дело и моряков. При его высочестве с самых юных лет его находился безотлучно капитан-лейтенант Курута.

При формировании Гвардейского экипажа это благодетельное внимание привлекло в Гвардейский экипаж лучших офицеров флота, недавно возвратившихся в Россию из Англии, по окончании службы на английском флоте, и там приобретших практические морские сведения. Это высокое внимание, одушевляя весь состав формируемого в то время экипажа, развивало ревность и усердие в каждом, начиная от старшего до младшего и, вкореняясь, перешло до позднейших времен. Государь цесаревич пожелал иметь собственно при себе особую яхту, и в 1802 году Государственная Адмиралтейств-коллегия указом объявила высочайшее повеление о назначении для его высочества яхты «Роченсальм», состоявшей при Главном командире этого порта.

Яхта эта приведена в С.-Петербург весною того же года лоц-инспектором Чекиным, а 16 июня, переменяя 8 чугунных орудий своих на медные фунтового калибра пушки, явилась под начальством лейтенанта Сухотина при 27 человеках обер и унтер-офицеров, матросов и канониров к капитан-лейтенанту Куруте. Из журналов яхты не видно, какой она была конструкции и какое имела вооружение, видно только, что носила марсели, брамсели, фок, грот и все стаксели. Сидела в грузу ахтерштевнем 7 футов 7 дюймов, форштевнем 5 футов 8 дюймов, имела дифференту на корму 1 фут 11 дюймов. 17 июня по приказанию капитан-лейтенанта Куруты, состоявшего при его высочестве государе цесаревиче, яхта «Роченсальм» подошла к Стрельне, отсалютовала кайзер-флагу, и государь цесаревич поспешил ознакомиться со своею

яхтою, осмотрел её во всей подробности, приказал облегчить её, вынув часть балласта, и перевести его и излишние тяжести на берег в устроенный нарочно для того балаган, дабы яхта стоя на глубине 8 футов 3 дюйма в ординарную высоту воды, при волнении могла стоять покойно, и яхта поднялась так, что ахтерштевень углубился на 6 футов 9 дюймов, а форштевень на 5 футов 9 дюймов. Его Высочество приказал положить на Стрельнинском рейде мертвый якорь, стоя на этом якоре, яхта пеленговала Стрельнинский дворец. Во время пребывания его высочества в Стрельне редкий день проходил без того, чтобы государь цесаревич в разное время дня не посещал своей яхты в сопровождении разных лиц и всегда с капитан-лейтенантом Курутою, генералы князь Багратион, Винценгероде и другие знаменитые в военной истории нашей лица сопровождали великого князя, и яхта при всяком посещении его высочества снималась с якоря и вступала под паруса по команде цесаревича». <...>

«“Его Императорское Высочество Государь Цесаревич и сей день как и вчерашний изволил заниматься навигациею и управлял яхтою как должно морскому офицеру”». Вот общее выражение журнала яхты “Роченсальм” после всякого посещения великого князя. Это выражение меняется только при производстве пушечном и экзерциции, тогда его высочество сам командовал артиллериею. В те же дни, когда его высочество не приезжал на яхту, она по сигналу с берега всегда снималась с якоря и маневрировала в виду дворца, производя притом пушечную экзерцицию.

Великий князь наблюдал с берега движения яхты, располагал движениями и всеми действиями, не исключая и пушечной экзерциции, делая сигналы с берега. Иногда великий князь посылал свою яхту в Кронштадт для собрания сведений о пришедших судах, и из журнала яхты “Роченсальм” узнаем, что в 1802 году 14 июля пришел на Кронштадтский рейд датский военный 64-пушечный корабль и с ним двухмачтовый катер, для собрания сведений об этих судах яхта «Роченсальм» и была посылаема по приказанию государя цесаревича, и часто в присутствии его яхта изучала Невские фарватеры и делала промеры и описи, которые и представлялись его высочеству. Иногда великий князь на своей яхте входил в Неву и нечаянно являлся против дачи какого-либо вельможи. Так государь цесаревич в сопровождении адъютантов своих Озерова и Шепинга и капитан-лейтенанта Куруты 18 июля в 8 часу пополудни посетил камергера Нарышкина, жившего на даче на Петербургской стороне на Большой Неве против Крестовского острова. Заметить должно, что журнал яхты “Роченсальм” имеет вид лог-бука, и для примера приведем внесенное в статьи лог-бука 19 июля без малейшего изменения слога», - пишется в [5]: “Его императорское высочество государь цесаревич в оба вышепрописанные рейсы, сделанные им от Стрельны прошедшего 17-го и вчерашнего 18 числа соизволил, равно как и прежде, всякой раз заниматься во всех частях мореплавания. Но в сии дни тем паче благоволил иметь своё плавание при крепких ветрах, бывших с сильными шквалами, и, будучи яхта под собственным его высочества командованием была управляема его распоряжениями так совершенно, как бы уже многие на морях опытности известны его особе и, созерцая в воздухе всякие перемены, изволил тем предусматривать непосредственные, почасту исходящие от стороны ветра, сильные шквалы. И их упреждая опущением марселей до езельгофта, часто с отданием их шкотов даже и у нижних парусов, приводя яхту к ветру. Причем она такую имела наклонность, что верхним с подветренной стороны бортом разрезывало морскую воду, которая от того разливалась по палубе да и с надветренной стороны поддавало волнением через борт во всю длину судна. Качка яхты хотя была регулярна, но весьма великая, отчего бывших с его высочеством адъютантов непривычных к морской стихии укачало, но его императорское высочество не только мог что либо из того иметь к своему беспокойству, но ещё соизволил, как выше сказано, заниматься управлением парусов и проч. Даже достаивал из своих рук бросать лаг и лот, как для узнавания первым скорости яхты в ходу, так последним и в море глубины. Сверх одного благоволил заняться проведением яхты по вышеозначенному фарватеру, обозревая положение в рассуждении на стоящего по оному тракта, которого никто из бывших на яхте не знал. Итак, кого не приведет в восхищение таковыми деятельностями его величества, с особым благоволением занимающегося по морской части, дабы о ней во всем иметь совершенное сведение и, тем более, что нарочито для сего при крепких ветрах, соизволил на таком малом судне, какова есть яхта, пускаться в морские волны. Сия государя цесаревича при нарочито крепком ветре и большом

волнении неустранимость и показываемое в мореплавании искусство привели всех нас в удивление”. Подробности этого лог-бука внесло в журнал яхты приход 27-го июля на Кронштадтский рейд английского фрегата “Латона”, на котором прибыл в Россию принц Глочестерский, посещение этого фрегата государем императором Александром I, государем цесаревичем Константином Павловичем». <...>

«2 августа великий князь переехал в Петербург, в Стрельне спустили флаг его высочества, а яхта, подняв мертвый якорь и забрав с берега все тяжести свои, поступила в состав придворных парусных судов и кончила вместе с ними кампанию» [5].

Примечание: Позже, в 1812 г., русский кораблестроитель преподаватель кораблестроения Училища корабельной архитектуры Курепанов Иван Васильевич (1775-1833 гг.) исправил и переделал придворные гребные яхты: «Паллада» (бывший галет №1), «Церера» (бывший галет № 2), «Нева», «Голубка», а также министерский галет «Торнео» и учебные суда Морского корпуса (фрегат «Малый» и бриг «Симеон и Анна»). Все эти суда были подготовлены вместе с командами для боевых действий на Балтийском море в Отечественной войне 1812 г. Плавание придворных яхт в 1812 году было кратковременным. 18 августа поступило Высочайшее повеление о вооружении яхт «Паллада» и «Церера», «Голубка» и «Нева», а также бота «Алард». Но лишь 28 сентября эти суда начали кампанию и были отправлены в Роченсальм [23].

О спокойной службе лейб-гвардии на кораблях и яхтах в это время автор [5] пишет: «В 1803 году яхта “Симеон и Анна” состояла под командою капитан-лейтенанта Головни 1-го, а яхта-галет “Паллада” под командою капитан-лейтенанта Павла Головни. Офицеры: на первой были те же лейтенант Шигорин и мичман фон Блюм, на второй лейтенанты Платен и Гамалея. Командир всех придворных парусных и гребных судов и их команды капитан 1-го ранга Клокачев произведен в капитан-командоры, и 22 апреля придворные парусные суда вышли из Галерного порта, и подошли к малому Адмиралтейству для совершенной очистки и окончательного приготовления к кампании. Яхты “Роченсальм” и яхты-галеты “Церера” журналов не нашлось, но, тем не менее, из представленных первыми двумя яхтами журналов видно, что и эти яхты в кампанию 1803 года были в составе придворной эскадры, плававшей под главным начальством капитан-командора Клокачева. 4-го мая товарищ министра морских сил вице-адмирал Чичагов осматривал яхты в Большой Неве против занимаемого им дома на Васильевском острове. После осмотра товарищ министра сам пошел на эскадре в Кронштадт и на эскадре же вернулся в Петербург.

В 1803 году мая 17-го праздновалось столетие С.-Петербурга. К сожалению, в журналах яхт не осталось ни подробностей, ни диспозиции стоявшего тогда в реке Неве флота, только из журнала яхты “Симеон и Анна” видно, что придворные яхты “Паллада”, “Церера”, “Симеон и Анна”, Морского корпуса яхта “Ласточка” и яхта графа Строганова стояли в Неве против 1-го бастиона Главного Адмиралтейства. От них тянулась линия 33-х иолов. Перед линией иолов 100-пушечный корабль «Гавриил», на котором поставлен был ботик императора Петра Великого. Ракетою от дворца со стрелки дано было знать о поднятии штандарта как на ботике, поставленном на корабле “Гавриил”, так и на самом корабле. Тогда началась салютация со всех судов в Неве стоявших по выстрелу с каждого орудия. По окончании этой салютации яхты разцветились флагами, а Петропавловская крепость и Адмиралтейские бастионы начали пальбу, когда же смолкла и эта салютация, тогда ботик Петра Великого отвечал 9-ю выстрелами. Вот всё что можно извлечь об этом торжестве из журналов яхт». <...>

«В этом же году прибыл в Петербург эрцгерцог Австрийский, палатин Венгерский. Осматривал всё с большим вниманием и пожелал видеть Кронштадт с его рейдом, крепостями, гаванями и самый флот на рейде стоящий. Для этого по высочайшему повелению была назначена яхта-галет “Паллада” и придворный катер, и палатин, воспользовавшись тем и другим, был в Кронштадте и по осмотре порта посетил адмиральский и некоторые другие корабли и Кроншлотскую крепость, и на яхте-галете “Паллада”, лавировавшей с яхтой “Симеон и Анна” на Большом рейде, палатин возвратился в Ораниенбаум.

Русский флот и яхты принимали и провожали посетителя со всеми подобающими ему почестями. С этого времени яхта-галет “Паллада” становится уже флагманскою яхтою, и капитан-командор Клокачев переходит со своим штандартом на эту яхту.

В 28-й день мая, стоя на Кронштадтском рейде вместе с флотом, яхта “Симеон и Анна” при нашедшем сильном шквале с дождем от NW успела оказать в числе прочих помощь брандвахтенному фрегату “Ревель”, потерявшему при нашествии шквала грот-мачту и крьюйстенягу. Из журналов яхт ясно видно стремление начальника эскадры придворных яхт капитан-командора Клокачева к приучению команд яхт к быстроте движений и действий в лавировке в узкостях и между судами на рейде стоящими, к находчивости, во всяком случае необходимой для морского офицера в море. Эскадра с первых чисел мая месяца была постоянно в море, и каждый день вступала под паруса, лавируя, а в штили, выкидывая вёсла, между Кронштадтом и Петербургом, потом на Кронштадтском рейде и, наконец, 2 июня пошла в крейсерство к острову Гогланду. Яхты-галеты “Паллада” и “Церера” и яхта “Симеон и Анна” продолжали крейсировать до 10 июня, непрерывно занимаясь практическим изучением морского дела во время кампании на море. Не только уменьшением и переменной парусов на ходу, но и переменной галетных стенок на всех яхтах под парусами была произведена во время крейсерства, и ни туманы, ни риф марсельные крепкие ветры не заставляли их искать якорной стоянки, только недостаток вместительности пресной воды вынудил яхты 10 июня возвратиться в Кронштадт, и там во время производившегося тогда депутатского смотра яхт продолжали лавировать до окончания смотра между флотом из 18 кораблей, 4 фрегатов, 6 тендеров, одного шведского фрегата и одного английского военного шлюпа. По окончании же смотра яхт пошли в Петербург.

С 23 июня яхта-галет «Церера» делается флагманскою по случаю перехода на эту яхту капитана-командора Клокачева со штабом, и эскадра придворных парусных судов в том же составе перешла к Каменному острову, там простояла до 18 июля, и в этот день вследствие высочайшего повеления, забрав из Зимнего дворца разные назначенные в Петергоф вещи и погрузив их на яхты, эскадра пошла к Петергофу. В Петергофе эскадра состояла из четырех судов галет яхт: “Паллада”, “Церера” и “Симеон и Анна”, и “Ласточка”, эта последняя состояла при Морском корпусе. Яхта его высочества государя цесаревича и великого князя Константина Павловича, не утратив милостивого внимания его высочества, часто присоединялась к этой эскадре, и цесаревич, бывая по-прежнему и так же часто на своей яхте, принимал всегда начальство над эскадрою, делал с эскадрою разные эволюции, делил эскадру на части и приказывал производить атаки. Вообще не проходило дня, чтобы эскадра яхт не снималась с якоря для разных практических занятий, а 31 июля императрица мать с великими княжнами Мариєю Павловною и Екатериною Павловною, прибыв на эскадру на придворном катере и приказав всем сняться с якоря, изволила лавировать около Петергофа.

1-го августа государь император со всей высочайшей фамилиею изволил посетить яхты, которые снявшись с якоря, пошли в линию к проводившемуся тогда на камелях 110-пушечному кораблю “Гавриилу”, бывшему на траверзе Петергофа, и, обойдя кругом эту плавающую громаду, изволил возвратиться в Петергоф. Вообще в кампании этого лета эскадра придворных парусных судов заслужила особое внимание всего царствующего дома. Государь император со всею своею фамилиею посещал суда, императрица мать с великими княжнами сверх того были на яхтах, предпочтительно на “Палладе”, четыре раза, государь цесаревич весьма часто соединяясь с эскадрой на своей яхте “Роченсальм”, принимал начальство над эскадрою, и наконец великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович, отдельно от прочих членов августейшего семейства, посещали яхты». <...>

«В этом 1803 году, - продолжает автор [5], - спущен со стапеля корабль “Селафаил”, и яхты встретили его при спуске на воду салютом из всех орудий. После этого спуска эскадра придворных парусных судов простояла до 12 сентября у Каменного острова, отдавая паруса, крепя их и бравши рифы по изустной команде с берега самого государя.

13 сентября яхты вошли на зимовку в Галерный порт, но и при входе в канал команды показали приобретенную ими расторопность, ловкость, живость и проворство тем, что все яхты поочередно входя в ворота канала вместе со спуском флагов, гюйсов и вымпелов спускали вдруг реи и стеньги вниз и тем заключали подробные свои журналы. Яхта же “Роченсальм” вошла уже прежде». <...>

«1804 год. В бытность придворных яхт, ныне Гвардейского экипажа, по принятому яхтами участию в церемониях, внесено, совершившееся в 1804 году, бракосочетание ее императорского высочества государыни великой княжны Марии Павловны с наследным герцогом Саксен-Веймарским. В этом году яхты “Симеон и Анна”, “Паллада” и “Церера” вышли из гавани 1-го мая. Яхта “Роченсальм”, исправлявшаяся на эллинге в одном из галерных сараев, 11 мая была спущена на воду, поставила новые мачты, вооружилась и к 1 июня была уже на рейде в совершенной готовности. Яхта “Луиза-Ульрика”, исправлявшаяся также на эллинге в Новом Адмиралтействе корабельным мастером Амосовым, спущена только 15 июля, и 22 июля в день бракосочетания великой княжны была уже в линии против Зимнего дворца вместе с другими яхтами. До этого эскадра из трёх яхт состоявшая: “Симеон и Анна”, флагманская “Паллада” и “Церера” под командою прежних командиров и под главным начальством капитан-командора Клокачева постоянно стояла против Каменноостровского дворца в линии, а яхта “Роченсальм” на рейде у Стрельны (ныне Константиновский дворец в Стрельне. – авт.), продолжая по-прежнему упражняться практически в морском деле. Государь цесаревич Константин Павлович до 22 июля был занят на больших сухопутных маневрах, в том лете бывших, и учением Гвардейской конной артиллерии с пальбою в цель, устроенную на море командою яхты. Во время этой пальбы яхта крейсировала обыкновенно вне пушечного выстрела. В это же время штурман яхты Мартюшев оградил знаками 6 футовую каменную банку, найденную им около Стрельны при промерах, деланных яхтой по приказанию великого князя в прошедшем лете, и на карту ещё тогда не нанесенную». <...>

«22 июля четыре яхты: флагманская “Паллада”, “Церера”, “Симеон и Анна”, пришедшие от Каменного острова, и “Луиза-Ульрика”, расположенные в линию против Зимнего дворца, приняли участие в торжестве бракосочетания великой княжны и по церемониалу палии из всех пушек по окончании богослужения и во время стола иллюминировались флагами, и вечером фонарями, 23-го тоже этими снова днем флагами, а вечером фонарями в другой раз, а 24 июля были уже на Петергофском рейде. 29 июля в день празднества для новобрачных в Петергофе иллюминировались снова фонарями, а с 31 июля по 16 августа каждодневно снимались с якоря и вступали под паруса. В этот же день 16 августа государыня императрица мать с новобрачными и со всей августейшей фамилией и с близкими к особе ее в 6 часов пополудни прибыла на яхту “Паллада” и как на яхте собственно ее величеству принадлежавшей, изволила сама распорядиться угощением. Между тем все четыре яхты снялись с якоря и вступили под паруса, стройными движениями, быстрою первою переменою положения в ордерах развлекали гостей императрицы матери. 17 августа ее величество с теми же особами повторила своё посещение на яхты, прибыв на “Палладу” в 1 час пополудни. Для высоких гостей приготовлен был завтрак, на яхте во время завтрака, государыня императрица приказала эскадре вступить под паруса и, построив линию, производить пушечную экзерцицию. По окончании завтрака яхты подошли к Петергофу, высадили всех гостей с должной почестью и тот же час отправились в С.-Петербург. 19 утром государь видел уже все четыре яхты в линии против дворца на Каменном острове». <...>

«Подробный лог-бук яхты “Роченсальм”, веденный штурманом Мартюшевым и дошедший до наших времен, упоминает о бывшем 21 августа того года жестоком с порывами ветре WSW с возвышением воды почти на 6 футов сверх ординарной. Яхта была в опасности на открытом Стрельнинском рейде, её подрейфовало с мертвого якоря, лопнул канат станového якоря в помощь мертвому брошенного, и только третий положенный якорь удержал яхту на месте при 40 сажнях вытравленного каната на глубине около 10 футов при обыкновенной воде. В этот день пришла на Кронштадтский рейд эскадра из 10 судов, состоящая под красным вице-адмиральским флагом, и государь цесаревич, принимая утренний рапорт о состоянии яхты от лейтенанта Сухотина, 23 августа приказал ему идти с яхтою в Кронштадт для собирания подробных сведений о пришедшей эскадре. В лог-бук яхты “Роченсальм” внесены имена кораблей и фрегатов, возвратившихся тогда в Кронштадт под флагом вице-адмирала Кроуна: корабли “Ярослав” флагманский, “Св. Петр” под брейд-вымпелом, под ординарными вымпелами: “Болеслав”, “Иануарий”, “Михаил”, “Изяслав”, “Зачатие Св. Анны”; фрегаты: “Феодосий Тотменский”, “Легкий” и “Спешный”. Эскадра эта крейсировала между Борнгольмом и Меуном, а корабль “Зачатие Св. Анны” ходил с товарищем министра Морских сил вице-адмиралом

Чичаговым в Кеге-бухту, при нём катер “Диспач”, отправленный потом в эскадру контр-адмирала Ломена, крейсирующую в Немецком море и состоящую из кораблей: “Эмгейтен”, “Архистатиг Михаил” и “Принц Карл”, фрегатов “Щасливый” и “Тихвинская Богородица”. Эта последняя эскадра отделилась от вице-адмирала Кроуна 29 июля и в середине сентября должна была возвратиться в свои порты. Всё это приводится здесь единственно для того, чтобы показать постепенное приготовление и развитие всех военных морских качеств в тех частях, из которых должен был составиться Морской Гвардейский экипаж».

Далее в своей рукописи [5] М.Н. Лермонтов отмечает: «И если мы с удовольствием читаем историю потешных села Преображенского и села Семеновского знаменитых в войне и мире полков л.-гв. Преображенского и Семеновского, простительно и наше желание обратить общее внимание на родоначальников нашего родного Морского Гвардейского экипажа.

Четыре яхты: “Паллада”, “Церера”, “Симеон и Анна” и “Луиза-Ульрика” кончили кампанию 14 и 15 сентября и вошли в гавань, а яхта “Роченсальм” во время отсутствия государя цесаревича, инспектирующего армейские кавалерийские полки, по приказанию его высочества крейсировала до 13 сентября, а в этот день вошла в Неву и по приказанию состоявшего при великом князе Константине Павловиче свиты его императорского величества по квартирмейстерской части подполковника Куруты (прежде флота капитан-лейтенанта) только 1-го октября вошла в гавань Галерного порта и разоружилась.

Только в журнале яхты-галета “Паллада” 1805 года описаны размеры её. Из этого журнала видно, что яхта эта построена в Новом Адмиралтействе корабельным мастером Лебрюном, длина между перпендикулярами 73 фута 4 дюйма, ширина мидель-шпангоута 20 футов 9 дюймов, глубина до верхней палубы 9 футов, яхта была вооружена 14-ю четырехфунтовыми медными единорогами, имела 1976 пудов 28 фунтов гнездового свинцового балласта и сидела в грузу ахтерштевнем 7 футов 10 дюймов, форштевнем 6 футов 11 дюймов, имела дифференту 9 дюймов. Командир этой яхты оставался по-прежнему капитан-лейтенант Головня. На яхте состояло: лейтенант 1, мичман 1, всего же чинов 37 человек.

Яхта-галет “Церера”, тогда же и тем же мастером построенная, имела 4-х фунтовые медные единороги, но сколько их в списках не показано, носила балласту свинцового 1807 пудов, сидела в грузу ахтерштевнем 7 футов 4 дюйма, форштевнем 7 футов 1 дюйм, дифференту имела 3 дюйма. Командиром этой яхты в 1805 году был капитан-лейтенант Кологривов, на этой яхте служили лейтенант Колзаков, ныне генерал-адъютант и адмирал, мичман Булычев, всего же всех чинов 41 человек. Эта яхта употреблялась чаще других для поездок в Кронштадт и прибрежные дворцы товарищем министра морских сил, не имевшем ещё как видно собственно при лице своём особой яхты.

Яхта “Луиза-Ульрика” была под командою лейтенанта Платена, на ней состоял лейтенант Репьев, вооружена 8-ю единорогами фунтового калибра, сидела в грузу ахтерштевнем 7 футов 7 дюймов, форштевнем 6 футов 2 дюйма, дифференту 1 фут 5 дюймов.

Яхта “Симеон и Анна”, не изменившая ничего ни в рангоуте, ни в вооружении, осталась под тем же начальством капитан-лейтенанта Головни 1-го. Экипаж её состоял из одного лейтенанта, одного мичмана, одного морской артиллерии капитан-лейтенанта и вообще из 45 человек всех чинов и званий. Яхта эта углубилась только на один дюйм кормою более против прежнего и сидела в этом году в грузу ахтерштевнем 7 футов 6 дюймов, форштевнем 6 футов 2 дюйма, дифференту имела 1 фут 4 дюйма.

В 3-й день мая яхта-галет “Паллада” и “Симеон и Анна” вытянулись на рейде, а его высочества государя цесаревича Константина Павловича яхты “Роченсальм”, “Церера” и “Луиза-Ульрика” вышли на рейд только 16 мая. Представляя в общем очерке занятия яхт, собственно при государе императоре состоявших, можно сказать, что и в лето 1805 года занятия эти не изменились ни мало, только яхта “Церера” начала кампанию плаванием в Кронштадт с товарищем министра Морских сил, а прочие яхты “Паллада”, “Симеон и Анна” и “Луиза-Ульрика”, простояв некоторое время против Зимнего дворца, перешли к Каменному острову 12 июня. Яхта-галет “Церера” присоединилась к ним 16 июня, а 18 того же месяца вместе с яхтой-галетом “Паллада” по приказу главного начальника придворных судов обе эти яхты пошли к Ораниенбауму». <...>

«20 июня государь император посещал Кронштадт, переехав туда из Ораниенбаума на катере, и эти яхты сопровождали государя. 21 июня все четыре яхты стояли в линии у Каменного острова. Простояв до 16 июля, все яхты в этот день пошли к Главному Адмиралтейству, а 17 июля встали в реке Неве выше эллингов на якорь в линии от О к W, яхта “Церера” впереди, за нею “Паллада”, “Симеон и Анна” и “Луиза-Ульрика”. В этот день спустили со стапелей этого Адмиралтейства корабли “Твердый” и “Скорый” и для Морского корпуса фрегат “Малый”. Эскадра эта приветствовала штандарт и эти корабли и фрегат каждый порознь салютом из всех орудий, потом расцветилась флагами, которые, однако ж, спустила по отъезде государя императора из Адмиралтейства и вместе с ним из Петербурга в Петергоф. Спустила для того, чтобы, воспользовавшись разведением Исаакиевского моста, эскадре можно было в тот же день быть в Петергофе.

Прибыв на этот рейд, яхты занимались, по-прежнему, каждодневно эволюциями, и при этом учением из пушек и часто ядрами в цель.

Товарищ министра Морских сил очень часто посещал яхты и делал с ними разные эволюции. В течение всей этой кампании император пребывал в Петергофе не постоянно как прежде, но приездами на короткое время.

Императрица мать по-прежнему часто посещала со всем двором яхту свою галет “Паллада”, и тогда вся эскадра снималась с якоря, вставала под паруса, маневрировала и производила пушечную экзерцицию, а 26 июля на этой яхте государыня имела обеденный стол во время самих эволюций и пушечной экзерциции. Государыня императрица Мария Федоровна со всею фамилиею посещала, особо от государя, Кронштадт и стоявший на рейде фрегат “Спешный” под командою капитана Ховрина и возвратилась на яхтах в Петергоф, государь же для смотра флота приезжал из Ораниенбаума на катере. Их высочества великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович в эту кампанию часто посещали яхты и более флагманскую “Паллада”. В журналах всех яхт упоминается о посещениях в эту кампанию яхт, Кронштадта и фрегата “Спешный” его светлости принца Фердинанда с супругою без прочих необходимых даже о нём подробностей, только в журнале яхты “Паллада” в записанном 8 августа посещении императрицы Марии с великими князьями и великими княжнами, прибавлено: и с его светлостью принцем Вюртембергским. Августа 11-го яхты перешли к Каменному острову, а 2 сентября яхты “Паллада”, “Симеон и Анна” и “Луиза-Ульрика” стояли против Таврического дворца, где имела пребывание императрица Елизавета Алексеевна, и там яхты 5 сентября в день тезоименитства царствующей государыни императрицы днем расцветились флагами, а ночью фонарями. Потом походив ещё в море и побывав с товарищем министра Морских сил несколько раз в Кронштадте, 22-го сентября все яхты вошли в Галерную гавань на зимовку.

Яхта “Роченсальм” и пред этою кампаниею 1805 года была вытащена в Галерный сарай, исправлялась, и в апреле спущена на воду. Мая 1-го была совсем готова, а 13-го по повелению государя цесаревича перешла в Стрельну. Занятия этой яхты, внимание его высочества и усердие экипажа были те же. Его высочество, занимаясь образованием конной артиллерии, не оставлял без внимания и слабую артиллерию своей яхты: и стрельба в цель на якоре, и под парусами с яхты, как в присутствии великого князя, так и по сигналам с берега с дворцового бельведера часто была производима. Можно ещё присовокупить, что в течение нынешней кампании 1805 года яхта имела счастье видеть его высочество не только в быту служебном, даже можно сказать в домашнем, потому, что цесаревич приезжал иногда со своими адъютантами и близкими к нему генералами обедать и ужинать на свою яхту и таким образом проводить свободные от занятий дни и вечера на своей яхте». <...>

«В кампанию 1806 г. яхта “Симеон и Анна” состояла под начальством капитан-лейтенанта Головни 1-го до 10 июля, а потом поступила под команду лейтенанта Колзакова (ныне генерал-адъютант и адмирал). Яхта “Паллада” была под начальством капитан-лейтенанта Головни 2-го, яхтою “Церерою” командовал капитан-лейтенант Карцов, яхтою “Луиза-Ульрика” лейтенант Тургенев, а яхтою “Роченсальм” по-прежнему лейтенант Сухотин.

Журнал яхты “Церера” в 1806 году поясняет, что она имела 10 единорогов 4-фунтового калибра и была острокильнее яхты “Паллада”. Все вообще парусные придворные суда вышли из гавани 16 апреля и были в полной готовности на рейде 12 мая, а яхта “Роченсальм” вслед за этим

отделилась от эскадры, чтобы по приказанию состоявшего при государе цесаревиче свиты его императорского величества подполковника Куруты идти к Стрельне.

Постоянное внимание всего царствующего дома к основным частям Гвардейского экипажа не ослабло и в эту кампанию. Великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович посещали яхты чаще прежнего. Что же касаясь собственно занятий, то почти весь июнь эскадра эта, исключая “Роченсальм”, простояла у Каменного острова, выходя только поочередно для крейсерства между Петербургом и Кронштадтом. При спуске 20 июля со стапелей в Новом Адмиралтействе корветов “Помона”, “Флора”, “Мельпомена” и тендеров “Жемчуг” и “Топаз” яхты приняли участие, но без пальбы и расцветивания флагами и в тот же день перешли в Петергоф. Здесь на рейде присоединился к ним Морского корпуса фрегат “Малый” с гардемаринами для того, чтобы принять участие в праздновании тезоименитства императрицы матери 22 июля, а потом под парусами маневрировать с яхтами в присутствии императрицы Марии Федоровны, плившей на яхтах и со всею августейшею фамилиею из Петергофа в Стрельну. Во время высочайшего смотра флоту государыни императрицы присутствовали на смотре с великими князьями, великими княжнами и со всем двором прибыв на рейд на яхтах вслед за императором, приехавшем в Кронштадт на придворном катере, но в Ораниенбаум возвратились все на катере. В этом году присоединен к придворным и парусным судам пришедший из Дании ботик, который в журналах наименован “Елизавета”, а вообще между командами придворных парусных и гребных судов ботик этот известен был во все времена существования под именем “Алард”. Император лично испытывал этот ботик, лавируя на нем в Большой Невке во время пребывания своём на Каменном острове. В нынешнем 1806 году 18 августа государь посетил Кронштадтский рейд, вторично переехав из Ораниенбаума на придворном катере. Посещение это имело целью произвести смотр эскадре, отправляющейся в Корфу. Яхты сопровождали катер императора и во время смотра, соблюдая правила, установленные для отдания чести штандарту, лавировали по рейду между кораблями в линии. Вся эскадра внесла в журналы свои имена кораблей, присоединивших свежие лавры к лаврам славно приобретенным уже флотом русским как бы для того чтобы имена этих кораблей сохранились навсегда в памяти флотского и Гвардейского экипажа потомства. Эта славная линия, напоминающая взятие Тенедоса 10 марта 1807 года и победу над турецким флотом в водах Лемносских того же года 19 июня, состояла из кораблей: “Рафаил”, “Мощный”, “Твердый”, “Сильный”, “Скорый”, фрегатов “Легкий” и “Спешный”, стоявших к S от катера “Стрела” и шлюпа “Шпицберген”.

При окончании плавания придворных судов они под парусами испытывали ход свой с фрегатом “Малый”, но безрезультатно, и закончили кампанию стоя у Каменного острова против дворца на якоре до 21 сентября, а 22 и 23 того же месяца поочередно вошли на зимовку в канал Галерного порта». <...>

«В журнале яхты “Роченсальм” находим, что государь цесаревич в нынешнем году любовался своей яхтой, лавировавшей под парусами против Мраморного дворца по приказанию его высочества. В этом году, вследствие на опыте дознанной необходимости, на Стрельнинском рейде переложили мертвый якорь, заменив его однолапым. Занятия яхты в эту кампанию были те же. В журнале только этой яхты внесено отплытие эскадры кораблей назначенной в Корфу 20 августа. Весь сентябрь провела яхта “Роченсальм” в крейсерстве около Стрельны, и только 1-го октября вошла в канал Галерного порта на зимовку. В этом же 1806 году ноябрь фрегат “Эммануил” был исключен из числа придворных парусных судов и по вместительности приказано употреблять этот фрегат под брандвахту в Кронштадт». <...>

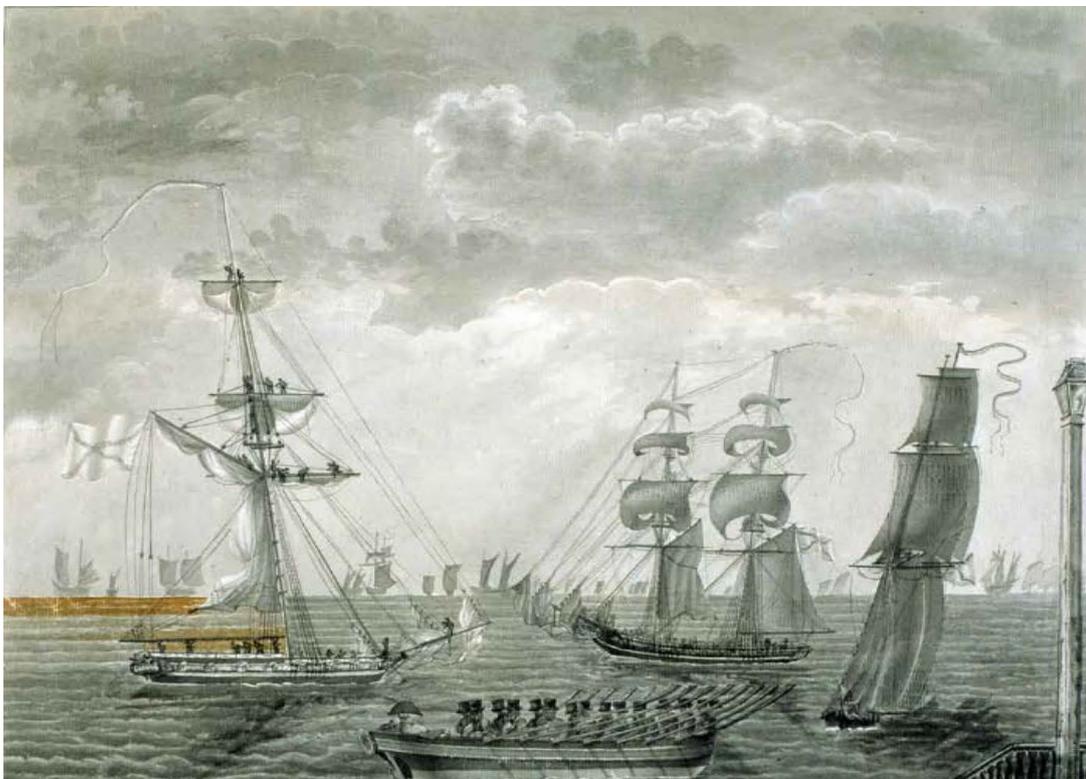
«В кампанию 1807 года вышли под начальством тех же штаб- и обер-офицеров за исключением яхты “Симеон и Анна”, которая в это лето плавала под командою К. фон Гепарта, на этой же яхте служил по-прежнему лейтенант П. Колзаков. Вытянувшись из канала Галерной гавани в ходе апреля, все четыре яхты 27 мая были уже в совершенной готовности на рейде на середине реки Большой Невы от Главного Адмиралтейства и против Зимнего дворца. 28 мая начальствующий эскадрой придворных судов капитан-командор Клокачев приказал яхте “Церера” явиться к министру Морских сил, а трём яхтам “Симеон и Анна”, “Паллада” и “Луиза-Ульрика” идти к Таврическому дворцу по случаю пребывания в этом дворце государынь

императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны с великими князьями Николаем Павловичем и Михаилом Павловичем. В 6 день июня их величества повелеть соизволили яхте “Паллада” перевезти князя Голицина со всем семейством в Стрельну и по исполнении вернуться к Таврическому дворцу. Весь июнь месяц яхты простояли в линии у Таврического дворца, 30 июня яхта “Церера” подошла к Таврическому дворцу, заняла место яхты “Паллада”, и эта последняя пошла в крейсерство между Кронштадтом и Петербургом.

4 июля стоявшие у Таврического дворца яхты “Симеон и Анна”, “Церера” и “Луиза-Ульрика” по окончании благодарственного молебна в Казанской церкви по сигналу трех ракет вместе с Петропавловскою крепостью производили пальбу из всех орудий. Через полчаса времени крепость повторила эту пальбу, сделав ещё раз по 101 выстрелу, но по какому случаю было это торжество в журналах яхт не упомянуто*». <...>

** 15 июня первое свидание императора Александра с Наполеоном на плоту на реке Неман, 27 июня подписан мир и приобретена Белостокская область (см. Военную историю Российского государства). (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«В 10 день июля яхты разделились: “Симеон и Анна” пошла к Кронштадту в крейсерство, а “Паллада” и “Луиза-Ульрика” пошли к Каменному острову. Ко дню тезоименитства государыни матери все яхты собрались на Петергофский рейд, а в 22 день июля на этом рейде образовалась эскадра из Придворных яхт “Симеон и Анна”, “Паллада”, “Церера”, “Луиза-Ульрика”, приведенного из Дании бота “Алард”, Морского корпуса фрегата “Малый”, транспортной яхты при эскадре состоявшей “Евдокия”, построенной для министра Морских сил яхты “Голубка” и яхты графа Строганова, всего же из десяти парусных судов. Отпраздновав этот день, яхты по прежнему занимались эволюциями мушкетною и пистолетною пальбою. 27 июля в 6 часов вечера их императорские величества государыни императрицы со всею фамилиею и придворными особами прогуливались по рейду на нескольких придворных катерах. Яхты же, снявшись с якоря, маневрировали в виду их величеств». <...>

Императорские яхты «Голубка» и «Торнео» [20]

«28 июля так же в 6 часов вечера эта прогулка на воде повторилась уже на яхтах. Императрица мать со всею фамилиею и со всем двором присутствовала на яхте “Паллада”, приказала

сняться с якоря, и яхты по сигналу с “Паллады” производили эволюции, пушечную пальбу и встали на якорь в 8^¼ часов. 29 июля благоприятствующая погода вызвала императрицу Марию Федоровну, всю императорскую фамилию и весь двор на яхты для подобной предшествующему дню прогулки на воде. В начале августа уже все яхты собрались к Каменному острову, и там составила эскадра из 5 придворных парусных судов и яхты графа Строганова. Остальную часть кампании 1807 года яхты поочередно выходили в море, крейсировали между Кронштадтом и Петербургом, а яхта “Симеон и Анна” выходила в крейсерство к острову Гогланду и, наконец, 2 и 3 октября все втянулись в гавань Галерного порта.

В деятельности яхты его высочества государя цесаревича не заметно ни малейшего изменения, хотя великий князь был в отсутствии, но явленное им внимание к яхте питало и усердие, и деятельность её экипажа. Журнал яхты “Роченсальм” хотя и не веден в предписанном порядке, но довольно полон и удовлетворителен. Из этого журнала узнаем об общем стремлении к обороне Кронштадта и к защите берегов, близких к столице, как бы гром орудий, шедший от зунда,* требовал ответа из самой отдаленной части Финского залива». <...>

** Бомбардирование Копенгагена. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«Из этого журнала узнаем о пальбе с исправленных Кронштадтских крепостей Цитадельской холодными ядрами, а с Рисбанка – калеными, в поставленное для цели судно, узнаем и вновь возведенных в С.-Петербурге приморских батареях, из которых также 8 сентября производилась пушечная экзерциция. Яхта “Роченсальм” как бы предвидела близость отчисления своего от Придворных парусных судов, оставив в этом журнале дефект свой, дополнивший сведения о ней. Яхта “Роченсальм” построена и спущена на воду в 1800 году в Роченсальме галерным подмастерьем Спиридоновым из соснового леса, длина её по палубе 45 футов 4 дюйма, ширина без обшивки 16 футов 8 дюймов, глубина 7 футов ½ дюйма.

В кампанию 1808 года вооружалась только одна яхта “Паллада” и ботик “Алард”, и была во всей готовности 17 мая, и под начальством капитан-лейтенанта Карцова открыла кампанию, стоя с этим ботиком у Зимнего дворца, потом перешла к Каменному острову. Яхта “Симеон и Анна” отчислена в ведение флотского в С.-Петербурге начальника, яхта “Роченсальм” состояла уже при Адмиралтействе, яхта “Луиза-Ульрика” вооружалась поздно и на короткое только время, а капитан-командор Клокачев уже не начальствовал всеми придворными парусными судами и их командами, место это занял капитан-лейтенант Карцов, при формировании Гвардейского экипажа назначенный командиром его.

Капитан-лейтенант Карцов, как начальник команды придворных судов, уведомленный гофмаршалом графом Толстым о намерении государя императора посетить Кронштадт 24 июня, оставив яхту “Палладу” у Каменного острова, поспешил с придворными катерами в Ораниенбаум для сопровождения его величества в Кронштадт.

Июля 2-го яхта “Паллада”, бот “Алард”, министерская яхта “Голубка” и три плавучие батареи, стоя в линии против Главного Адмиралтейства вместе с 29 иолами, стоявшими также в линии поперек Невы, и выше яхты под командою бывшего командира яхты “Луиза-Ульрика” капитан-лейтенанта Платена, приветствовали пушечными выстрелами вновь построенные и спущенные в высочайшем присутствии со стапелей Главного Адмиралтейства корабль “Храбрый”, фрегат “Амфитрида” и бомбардирские “Перун” и “Молния”.

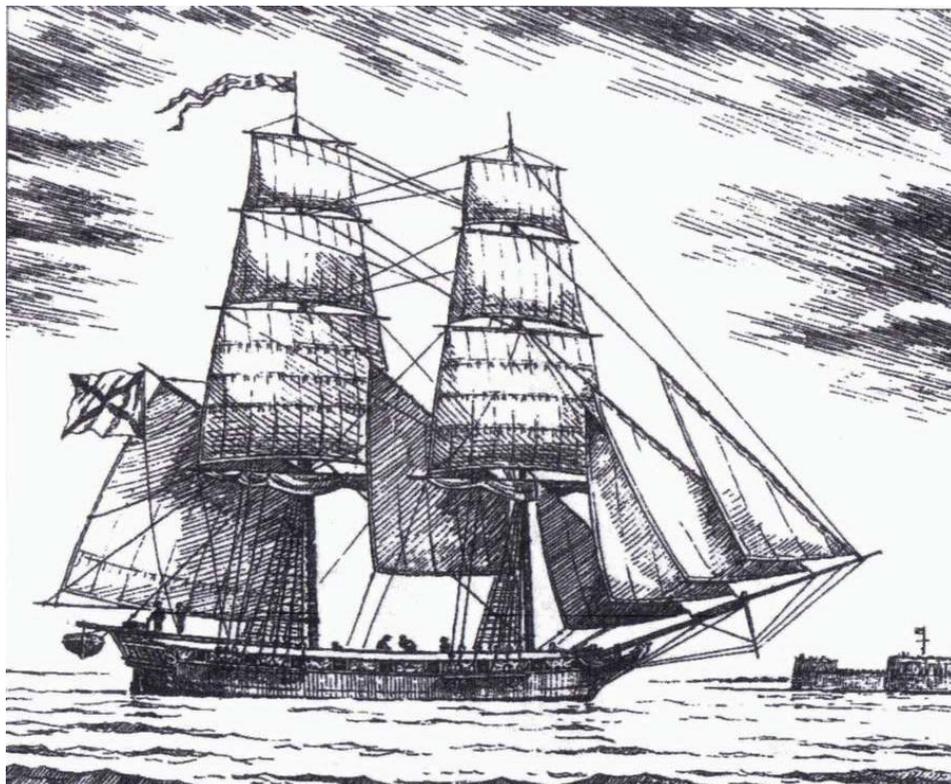
В 16 день июля во всех отношениях подобный церемониал повторился яхтою “Паллада”, присоединившимися к ней вышедшими из гавани другими яхтами, тремя плавучими батареями и 15 иолами, при спуске со стапелей Нового Адмиралтейства: корабля “Смелый”, гемамов “Бодрый”, “Свеаборг” и “Нева”, фрегата “Венера” и брига “Гонец”. В этот день собрались в реке Неве военных судов: корабль “Храбрый” и “Смелый”, фрегаты “Венера” и “Амфитрида”, бомбардирские трёхмачтовый “Перун” и двухмачтовый “Молния”, гемамы: “Бодрый”, “Петергоф”, “Свеаборг” и “Нева”, бриги “Меркурий” и “Гонец”, люггеры “Ганимед” и “Ящерица”, с Лодейного Поля приведенных военных судов 6, плавучих батарей 3, июлов 15, прибавив к этим судам яхты “Паллада”, “Луиза-Ульрика”, “Голубка” и бот “Алард”, и “придворную” небольшую шхуну - составив всего 43 вымпела». <...>

«Для празднования тезоименитства государыни императрицы Марии Федоровны яхты “Паллада”, “Луиза-Ульрика”, “Роченсальм”, бот “Алард” (все под командою капитан-лейтенанта Карцова) и яхта “Голубка” явились на Петергофском рейде. Император и весь царствующий дом в нынешнюю кампанию посещал только яхту “Голубка” в сопровождении министра Морских сил. Яхта “Роченсальм” по-прежнему стояла у Стрельны, но журнала не представила. Весь август месяц яхта “Паллада” провела у Каменного острова и, отпраздновав там 30 августа, 5 сентября расцветилась флагами днём и иллюминировалась фонарями вечером против Зимнего дворца. Но эта яхта “Роченсальм” оказывалась не только недостаточной для государя цесаревича, но даже не соответствующей ни желаниям, ни явленному его высочеством расположению и вниманию к морской службе и морскому делу, а потому с начала 1809 года окончили постройку в Новом Адмиралтействе особой яхты для великого князя Константина Павловича.

Яхту эту отделали, поставили рангоут, вооружили на стапеле и вскоре по вскрытии реки Невы в полном вооружении спустили на воду. При спуске яхта наименована “Нева” и назначен командиром наблюдавший за строением этой яхты и вооружавший её П.А. Колзаков.

Яхта носила 14-ть четырехфунтовых медных единорога, в ней были устранены все недостатки, замеченные в яхтах “Паллада” и “Церера”, а потому она сидела на воде красивее обеих яхт и в последствие оказалась во всех отношениях лучше их, отделка вообще отличалась тщательностью и современным вкусом, в особенности каюты цесаревича были по тому времени роскошны. Всюду красное дерево отлично отделанное, зеркала, ковры и шелк, тогда как на яхтах “Паллада” и “Церера” каюты были отделаны дубом довольно просто, клеенка заменяла ковры, и шелковое убранство кают соответствовало простоте их отделки. Команда с яхты “Роченсальм”, а с нею и штурман Мартюшев, переведены на яхту “Нева”, и можно кажется довольно безошибочно сказать, что Морское министерство не упустило случая явить перед его высочеством государем цесаревичем благоговение своё к вниманию, которым удостоил великий князь морскую службу», - пишет автор [5].

Примечание: Яхта «Нева». Длина 21,6 м. Ширина 5,7 м. Осадка 2 м. Парусное вооружение брига. Гвардейская яхта. Заложена в 1808 г. в Главном Адмиралтействе в С.-Петербурге, спущена 17 мая 1809 г. Строитель Г. Исаков. В 1812 г находилась в Кронштадте при корабельном флоте. В 1813 г. перешла в Выборг. В 1830 г. была брандвахтой в Риге. В 1831-1837 гг. была брандвахтой в устье Западной Двины. Разобрана в Риге в 1838 г. [23].

Яхта «Нева». Рисунок А.В. Карелова. [26].

«Через несколько дней яхта “Нева” перешла к Мраморному дворцу, а яхты “Паллада” и “Церера”, первая под командою капитан-лейтенанта Горемыкина, а вторая под командою капитан-лейтенанта Гедеонова и под главным начальством капитан-лейтенанта Карцова, 10 мая вышли также в полной готовности на рейд и встали в линию против Зимнего дворца. Кампания этих двух яхт не отличалась ничем от предшествовавших кампаний. Стояние на якоре у Каменного острова, крейсерство по очереди между Петербургом и Кронштадтом, пребывание на Петергофском рейде, сопровождение государя императора в Кронштадт при переездах туда его величества на придворном катере и, наконец, расцвечивание флагами днем и фонарями вечером в торжественные дни, всё это шло и совершалось в общепринятом яхтами порядке. Яхта “Нева”, обратившая ещё большее внимание государя цесаревича, оставила навсегда по себе память не только сослуживцев, но даже у воспитанников Морского корпуса того времени – и вот что сохранилось в памяти кадетского унтер-офицера, долго служившего по выпуске в Гвардейском экипаже. Гардемарины, окончившие теоретический курс в исходе 1809 года и выпущенные из корпуса 24 декабря того же года, оканчивали практическое учение своё, совершая в том же году последнюю кампанию на фрегате “Малый” под командою капитан-лейтенанта Де-Ливрона. Проходив день под парусами и встав на якорь на траверзе Стрельны, гардемарины отужинали, в 8 склянок по свистку разобрали уже койки, но едва начали подвешивать их, как с вахты заметили идущий от Стрельны под веслами придворный катер. По мере того как приближался этот катер успели рассмотреть несколько кавалерийских генералов и, наконец, узнали присутствие на катере великого князя. Между тем койки подвешены и гардемарины начали готовиться воспользоваться ими. Придворный катер держал прямо на фрегат, пристал к фрегату, и государь цесаревич взошел на фрегат, приняв словесный рапорт от капитана Де-Ливрона. Его высочество занялся осмотром фрегата и вместе с тем приказал ударить тревогу, в один миг койки отвязаны, свёрнуты и вынесены в сетки, и гардемарины встали на свои места по расписанию. Живость, тишина и расторопность гардемаринов понравились великому князю, и его высочество, вникнув в занятия гардемаринов, был столь милостив и внимателен к ним, что позволил им осмотреть яхту “Нева” и пригласил в Стрельне выбрать место для астрономических наблюдений на берегу. На другой день несколько унтер-офицеров и гардемаринов свезены были на яхту “Нева”, тут командир яхты лейтенант Колзаков приказал штурману Мартюшеву показать любопытным яхту во всей подробности. Командир яхты испытывал гардемаринов в теории и практике кораблевождения, расспрашивал о применении вооружения военных судов, о производстве такелажных работ и, наконец, юные посетители, получив за это завтрак, перевезены были в Стрельну. Там занялись на открытом месте астрономическими наблюдениями, установив для того свои искусственные – авт.) горизонты*». <...>

** “Хотя эпизод этот не относится к истории Гвардейского экипажа, но составляющего эту часть истории он есть приятное воспоминание безупречности былого. Простите же ему ввод этого эпизода из его юности, эпизода свято сохранившего в памяти внимание Цесаревича, почившее выше всякой лестии”.
(Примечание М.Н. Лермонтова)*

«Яхта “Нева” привлекла внимание государя, государыни и всего царствующего дома и не раз была удостоена высочайших их императорских величеств посещением, и государь цесаревич во время пребывания своего в Стрельне посещал свою яхту почти каждый день, по-прежнему, очень часто снималась с якоря, по-прежнему сам управлял яхтой под парусами и её артиллерией, знал имена не только офицеров, но даже нижних чинов, служивших на яхте, и, наконец, ознакомился и с командирами других яхт, производя часто эволюции и располагая ими как опытный адмирал. В этом году все яхты вообще очень поздно втянулись в гавань, яхта “Нева” простояла на рейде до половины октября.

В этом году оканчивается существование, послужившей основанием Гвардейскому экипажу, команды придворных парусных и гребных судов, и так как виды и формы одежды до вступления на престол императора Александра I уже описаны, то не лишним будет бросить взгляд на

изменение в одежде придворных матросов при императоре Александре I до формирования Морского Гвардейского экипажа.

До 1802 года форма и покрой мундиров для унтер-офицеров оставались те же, но в этом году сукно отпускалось, как и для гвардии тонкое ныне гвардейское темно-зеленое, к мундирам двое панталон того же сукна, к этим панталонам прибавлялись ещё летние панталоны из белого тонкого канифасу, шляпы прежней формы без галуна, шинели прежней формы такого же как и прежде сукна и также на два года.

Матросам вообще, как гребцам, так и на яхтах служащим, шили двубортные куртки темно-зеленого гвардейского сукна по одной на каждого. Куртки эти доходили до бедра, одевали весь стан, имели широкие борта и застегивались на два борта часто насаженными медными пуговицами малого образца, именовавшимися тогда офицерскими камзольными. Камзолы белые суконные с рукавами несколько короче курток и также с медными пуговицами, одинаковыми с мундирными, к курткам двое брюк такого же зеленого сукна, шляпа круглая пуховая.

Сверх того матросы получали на лето куртку и брюки из английского полосатого тика, цветные полосы зеленые, шинель или плащ с рукавами и, наконец, все рабочее платье, какое полагалось для флота.

Оклады, жалования и производство столовых денег в команде придворных парусных и гребных судов оставались в той же мере, как и при императоре Павле I, до самого формирования Гвардейского экипажа. Команда эта была расположена в казармах Галерной гавани, снесенных впоследствии бывшим в 1824 году наводнением. И часть команды жила в вольнонаемном доме, проживала по обывательским квартирам на постое», - уточняется в [5].

В эти годы в России меняется система государственного управления, по образцу Западной Европы вводится система министерского управления. Перемены коснулись в том числе военной и морской среды. Учреждается Министерство морских сил во главе с министром, который непосредственно подчиняется императору. На флоте начались изменения, как считали, в лучшую сторону. Отменены уставы Павла I, их как будто и не было: и армия, и флот вновь стали жить по петровским уставам. Отменен прусский мундир, букли, прежняя напряженная муштра. Вскоре и военные, и гражданские чины будут блистать еще ярче, чем «при бабке».

С большой помпой прошли грандиозные торжества, посвященные 100-летию основания Санкт-Петербурга. Празднование происходило на Сенатской площади 16 мая 1803 г., где вокруг конной статуи Петра I были выстроены войска численностью 20 тысяч человек. Они церемониальным маршем прошли мимо памятника. Парадом командовал лично император. На Неве напротив памятника стоял новый 110-пушечный корабль «Гавриил». Придворные гребцы взяли в Петропавловской крепости ботик, доставили его на борт корабля и поставили на специальный постамент. Ликованию народа не было предела.

А через два с небольшим месяца, 26 июля 1803 г., из Кронштадта торжественно провожали первую русскую кругосветную экспедицию капитан-лейтенантов И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского на шлюпах «Надежда» и «Нева». Провожал их лично император Александр I. И это только начало российских кругосветных плаваний. Российский флот выходил в мировой океан.

Но, по видимому, Франция по части торжеств опережала Россию. 6 мая 1804 г. Франция провозглашена империей, а генерал Бонапарт провозглашен императором Наполеоном I. Это дает очередной толчок Франции к борьбе за расширение своих территорий, имперские амбиции Наполеона возрастают.

В марте 1805 г. началась война с Францией третьей коалиции государств, в которую вошли Россия, Англия, Пруссия и другие. Но эти военные события проходят далеко от территории России, они обсуждаются в обществе, но никакого беспокойства ни у кого не вызывают. Славные победы русской армии и флота в последнюю четверть ушедшего века, закрепление навсегда на берегах Балтийского и Черного морей, превращение России в великую державу вселили в сознание великого русского народа, особенно в сознание власть предержащих, убежденность в своей непогрешимости, неприкасаемости и непобедимости.

25 августа 1805 г. император Александр I снова в Кронштадте. Он провожал в Средиземное море эскадру вице-адмирала Д.Н. Сенявина. Император пожаловал всем уходящим в плавание полугодное жалование. Начиналась Вторая Архипелагская экспедиция русского флота.

Тем временем европейская ситуация из года в год для России ухудшалась. Постепенно в войнах с коалициями государств, создававшимися и разваливающимися, Франция подчинила себе страны Западной Европы. Катастрофа под Аустерлицем в ноябре 1805 г. (на фоне Трафальгарской победы Нельсона 9 октября) и поражение под Фридландом (сейчас г. Правдинск, Калининградской обл.) в июне 1807 г. вынудили российского императора отказаться от ведения войны и пойти на личные переговоры с Наполеоном. Кстати, здесь уместно будет упомянуть, что правители европейских государств, став на путь соглашательства, заключили с Наполеоном договоры на условиях, которые превратили их самих во французских вассалов, а их армии в часть французских вооруженных сил. В частности, на бывших российских владениях в Польше было организовано подвассальное Франции герцогство Варшавское, российская граница с которым, то есть с Францией, проходила по реке Неман.

Но не все так плохо, российский флот выше всяческих похвал. В июле-августе 1806 г. Кронштадт торжественно встречал первых российских кругосветных мореплавателей И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского.

18 января 1805 г. вице-адмирал Д.Н. Сенявин со своей эскадрой прибыл к острову Корфу, принял под командование все русские силы на Ионических островах и вступил в борьбу с французами. В следующем году он организовал защиту от противника берегов Балканского полуострова в Адриатическом море. Перейдя в Эгейское море, 10-11 июня 1807 г. в Дарданелльском сражении разбил турецкую эскадру, а 19 июня в Афонском сражении окончательно разгромил турецкий флот. Действия Д.Н. Сенявина значительно ослабили французов, не пустив их в Средиземное море и на Балканы.

25 июля в Кронштадте вновь торжество: флот провожает в кругосветное плавание лейтенанта В.М. Головнина на шлюпе «Диана».

При таких условиях и произошла 25 июня 1807 г. встреча русского и французского императоров. Они в течение двух недель общались, обсуждая разные политические, военные, территориальные вопросы, что и привело к заключению русско-французского договора, который не разрешил существующих противоречий и был крайне унизителен для России. Так начался короткий период, вошедший в историю под названием «Тильзитский мир», и который вызвал войну Англии с Россией. В отличие от других европейских правителей, император Александр I не стал вассалом Наполеона, а Россия не стала вассалом Франции.

*Прощание Наполеона с Александром I в Тильзите. Государственный Эрмитаж. [21].
Копия с картины Серанжели. Прощание Наполеона I и Александра I в Тильзите 9 июля 1807 г. 1807-1810. Версаль.*

В своём очерке [5] адмирал М.Н. Лермонтов пишет об этой встрече в Тильзите так: «Пусть думают, что формирование экипажа было подражание Франции, якобы русские, не довольствуясь тем, что Наполеона I перевозили на плот для свидания с императором Александром I матросы французской морской гвардии, а императора русского перевозили казаки, формирование экипажа считать собственно волей наших государей, устраивающих все к лучшему. И смело говорить, что соединением придворных гребцов с командою придворных яхт император Павел I положил уже основание к формированию Морской гвардии, а император Александр I довершил это формирование в 1810 году».

Занявшись организационными преобразованиями в отечественном флоте, император Александр I 16 февраля 1810 года утвердил «Доклад Комитета, учрежденного для разделения команд Морского ведомства.– Об учреждения Гвардейского Морского экипажа и при нем артиллерийской команды. С приложением штата и табелей» [30]. Начинается доклад так: «Ваше императорское величество высочайше повелеть соизволили, чтобы флотские, портовые и все прочие команды ведомства Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента разделены были для соблюдения в них большей сообразности с порядком службы на экипажи, роты и другие команды, наименовав их по номерам». Далее в нем уточняется: «Купно с сим угодно также было вашему императорскому величеству повелеть, чтобы составлен был один особый Гвардейский экипаж для парусных и гребных придворных судов, и чтобы офицеры и нижние чины сего экипажа имели всё обмундирование по образцу вашим величеством утвержденному». В этом же докладе, объясняя действия свои и выводы, Комитет представляет собственно о Гвардейском экипаже, что он «...вошел предварительно в рассуждение о составлении Гвардейского экипажа, и по соображению наличного числа парусных и гребных придворных судов, положил составить экипаж сей из 360 человек матросов с соразмерным числом офицеров и других званий, и сверх того сформировать артиллерийскую при экипаже команду из такого числа офицеров и нижних чинов, какое по мере надобности в них на судах признается нужным» [30].

Доклад и приложенный к нему штат экипажа были одобрены и утверждены государем, который повелел: «Придворную яхтенную и гребецкую команду переформировать в особый экипаж, причислив его к гвардии и назвав “Морской Гвардейский экипаж”». Учредив Морской Гвардейский экипаж, Александр I создал новую полноценную воинскую часть императорской гвардии.

Первым командиром Гвардейского экипажа назначен капитан 2 ранга Карцов Иван Петрович, который уже длительное время служил в придворной команде. Он был с 1806 года командиром яхты «Церера», а с 1808 года – яхты «Паллада».

Морской Гвардейский экипаж был сформирован по штату гвардейского батальона и включал 4 строевые роты, музыкантский хор и артиллерийскую команду общей строевой численностью 434 человека. Он предназначался для комплектования команд придворных яхт и гребных судов, для их обслуживания, то есть нес службу морскую. Но, входя в состав Гвардейского корпуса, он исполнял и сухопутную придворную службу: дворцовые и гарнизонные караулы, разводы, смотры и парады. Гвардейскому экипажу, как вновь сформированному подразделению, было пожаловано знамя сухопутного образца.

При этом докладе высочайше утвержден и штат одному Гвардейскому экипажу для гребных и парусных судов, состоящему из 4 рот. Таблица штатов приводится из [30].

Таблица VI. Одному Гвардейскому экипажу для Гребных и Парусных судов, состоящему из 4-х рот.

Звание чинов	Число людей	Окладного жалования с прибавочным в год одному	
Командир экипажа Жалование получает по чину, какой имеет, окладного с прибавочным, капитан 1 ранга 1390 руб.,	1		

ежели капитан 2 ранга, то 1155 руб.			
Капитан-лейтенантов	2	825	
Лейтенантов	5	580	
Мичманов	5	400	
Боцманов	4	97	
Боцманматов	4	57	
Квартирмейстеров	12	48	
Клерк классный офицерского чина Жалования получает по чину, какой имеет окладного с прибавочным старший 400 руб., ежели младший то 300 руб.	1		
Матрос, из коих тем, кои состоят на старшем окладе, включая именные по 3 руб. в год	160	25	
А тем, кои состоят на младшем окладе, включая именные по 3 руб. же в год	200	16	50
Младших юнг	24	10	
Клерк унтер-офицерского чина	1	97	
Шкипер классный офицерского чина Жалования получает по чину, какой имеет окладного с прибавочным старший 600 руб., ежели же младший то 500 руб.	1		
Шхиперский помощник классный офицерского чина	1	400	
Шхиперский помощник унтер-офицерского чина	3	140	
Комиссар	1	400	
Баталер	1	97	
Унтер-баталер	1	48	
Повар	2	30	
Лекарь старший	1	1200	
Младший	1	800	
Фельдшер	2	97	

Артиллерийской команды			
Лейтенант	1	580	
Унтер лейтенант	1	400	
Унтер офицер Старший	1	97	
Младший	7	57	
Бомбардир	20	25	
Канонир	20	16	50
Слесарь	1	48	
Денщиков полагается: экипажному командиру по чину 6 или 4, капитан-лейтенантам по 3, лейтенантам флотским, равно и артиллерийским по 2, мичманам, унтер-лейтенанту и нестроевым в классных офицерских чинах состоящим, по 1: каждому жалования 6 руб. 30 коп.	34	6	30
Итого на жалованье	518	23 956	

23 февраля 1810 г. была утверждена табель мундирным и прочим вещам Гвардейского экипажа. Ввиду несения моряками-гвардейцами двойной службы, они имели форму одежды летнюю морскую, отличающуюся от флотской, и зимнюю пехотную – гвардейскую. Нижние чины получили полное пехотное боевое снаряжение: ружье пехотного образца, егерскую с медным якорем суму на 60 зарядов с прикрепленными к ней штыковыми ножами, ранец, манерку и шанцевый инструмент. Инструкторами в экипаж были назначены наиболее подготовленные унтер-офицеры л.-гв. Финляндского батальона.

Вскоре в морской мундир были внесены значительные изменения, в частности, учрежден герб Гвардейского экипажа, который представлял собой двуглавого орла под царской короной с двумя перекрещенными за спиной орла адмиралтейскими якорями. Этот герб вначале медной, а затем латунной чеканки все чины экипажа стали носить на своих киверах.

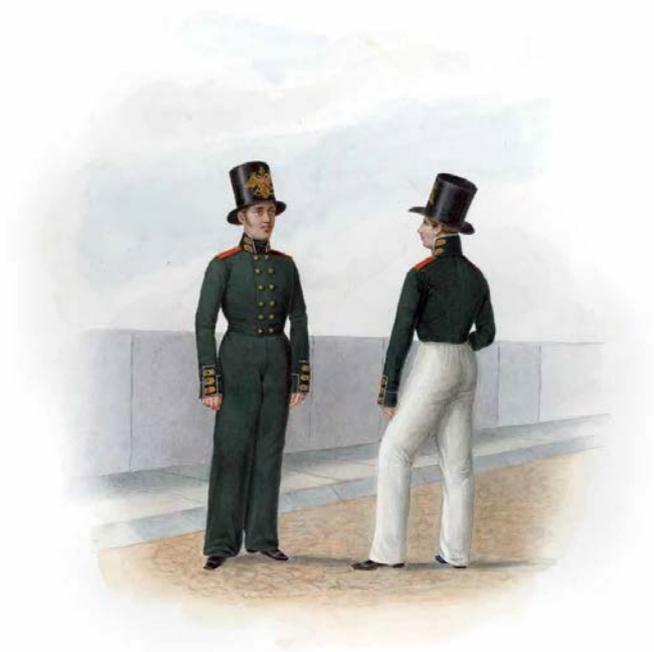
В очерке [5] пишется: «Гвардейскому экипажу даны были шляпы круглые с медными, по образу гвардейских полков, чеканенными государственными гербами с двумя якорями за двуглавым орлом крестообразно сложенными, штоки кверху, а лапы к низу*».

** ”Эта подробность для того вносится, что к государственному гербу на печатях морского ведомства до того времени прибавляется четыре якоря: по одному в каждом клюве и в каждой лапе орла”. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

Автор [5] подробно описывает форму нижних чинов в этот период: «Шинели серого сукна однобортные с шестью медными пуговицами по борту с темно-зеленым стоячим воротником и белой по воротнику выпушкой с погонами красного сукна, пристегнутыми по плечу у воротника такими же пуговицами, и с двумя такими же пуговицами для застежки клапанов сзади шинели по стану. У всех нижних чинов мундиры заменены двух бортными куртками, одевавшими весь стан до бедра, темно-зеленого сукна. На каждом борте по 6 плоских медных пуговиц, со стоячими воротниками того же темно-зеленого сукна с белой суконною по воротнику выпушкой. Воротники на куртках, как и у шинелей скошенные, и на воротниках у курток по две на каждом конце тесьмяные шерстяные петлицы желтого цвета. Обшлага у курточных рукавов одного с курткой цвета с белой выпушкой, и сверх обшлагов небольшие клапаны того же темно-зеленого сукна с белой же по трем наружным сторонам выпушкой и с тремя на каждом клапане желтыми шерстяными петлицами. Клапаны пристегивались тремя пуговицами каждый. Погоны по плечам красные, унтер-офицерам дан по воротнику и обшлагам золотой массивный галун по образцу полков л.-гв. Преображенского, Семеновского и Измайловского.

Нижние чины артиллерийской команды получили форму обмундирования ту же что и матросы, с изменением только того, что к гербам прибавлены две крестообразно сложенные пушки под орлом. Воротники на куртках и шинелях, обшлага и клапаны на рукавах курток черные плисовые и тесаки на черных кожаных лакированных перевязях по образцу Гвардейской артиллерии. Галун унтер-офицерам так же по образцу 1 Гвардейской артиллерийской бригады.

Наконец, всем вообще нижним чинам брюки одного с куртками сукна, жилеты без рукавов темно-зеленого сукна с обтяжными пуговицами. Для лета камзолы с брюками из белого тика, всё рабочее платье по положению во флоте, фуражные шапки темно-зеленого сукна с красною по околышу выпушкой, а у артиллеристов с плисовым околышем. Унтер-офицерам каждому по паре замшевых перчаток». <...>

Матросы
(в строевой форме).
1810 г.

Матросы (в строевой форме). 1810 год. Акварель [19]

Матросы
1810 г.
(в летней повседневной форме).

Матрос в летней повседневной форме. 1810 г. Акварель [19]

«Со времени соединения придворных гребцов с командою придворных яхт вся эта команда, состоя под начальством одного общего начальника, состояла вместе с тем в полной зависимости от флотского в С.-Петербурге начальника, потому что каждый чин их числился в составе гребного флота, и перед формированием экипажа морской министр адмирал маркиз де Траверсе обратил особое внимание на эту команду и поручил начальствовавшему всеми морскими полками генерал-майору Широкову подготовить и самое формирование экипажа, поэтому уже 13 февраля по команде последовало расписание на 4 роты. 1-ю роту принял командир команды капитан-лейтенант Карцов, 4-ю роту поручил старшему по себе капитан-лейтенанту Гепгарту*, 3-ю лейтенанту Геононову, 2-ю капитан-лейтенанту Горемыкину». <...>

* «Впоследствии командир 1-го гребного экипажа». (Примечание М.Н. Лермонтова)

«А по высочайшем утверждении штата Гвардейскому экипажу, морской министр 17 числа осмотрел сам основные части экипажа и с этого времени началось деятельное формирование Морского Гвардейского экипажа. В новый и настоящий состав этого экипажа поступили нижние чины:

- а) придворные гребцы;
- б) команды яхт “Голубка”, “Нева”, “Луиза-Ульрика”, “Паллада”, “Церера” и бота “Алард”;
- в) выбранные из команд всех кораблей и судов в Петербурге находившихся;
- г) выбранные в Кронштадте из всех там находящихся корабельных и судовых команд;
- д) выбранные из адмиральских и капитанских гребцов
- е) выбранные и присланные из Черноморского флота.

Из них поступило:

из команды придворных гребцов: шхипер унтер-офицерского чина - 1, боцманматов - 3, квартирмейстеров - 2, матросов 1 статьи - 105, 2 статьи - 5;

с яхты “Голубка”: матросов 1 статьи - 8, 2 статьи - 7, юнгов - 5;

с яхты “Нева”: шхиперский помощник унтер-офицерского чина - 1, боцманматов - 1, квартирмейстеров - 1, матросов 1 статьи - 12, старших юнгов - 1;

с яхты “Луиза-Ульрика”: матросов 1 статьи - 9, 2 статьи - 1, младших юнгов - 3;

с яхты “Паллада”: клерк унтер-офицерского чина - 1, матросов 1 статьи - 11, 2 статьи - 1, старших юнгов - 4, унтер-баталер - 1, плотник - 1.

с яхты “Церера”: шхиперский помощник унтер-офицерского чина - 1, матросов 1 статьи - 17, 2 статьи - 2, младших юнгов - 4, баталер - 1, плотник - 1;

с бота “Алард”: квартирмейстер - 1, матросов 2 статьи - 4, старший юнга - 1.

Из морских команд, в Петербурге находившихся:

с яхты “Симеон и Анна”: боцман - 1, квартирмейстеров - 1, матросов 1 статьи - 16, матросов 2 статьи - 4, младших юнгов - 3, повар - 1;

из прочих команд: боцман - 2, квартирмейстеров - 4, матросов - 55;

из морских команд в Кронштадте матросов - 84;

из адмиральских и капитанских гребцов матросов - 38;

Из Черноморского флота: квартирмейстер - 1, матросов - 20, морской артиллерии младший унтер-офицер - 1, бомбардиров - 4, канониров - 4.

Всего же в состав Гвардейского экипажа поступило: шхиперских помощников унтер-офицерского чина - 3, боцманов - 3, боцманматов - 2, квартирмейстеров - 10, матросов - 394, старших юнгов - 11, младших юнгов - 10, клерк унтер-офицерского чина - 1, баталер - 1, унтер-баталер - 1, поваров - 2, плотник - 1. Морской артиллерии: младший унтер-офицер - 1, бомбардиров - 4, канониров - 4.

Итого всех: 448 чел.» - уточняется в [5]. <...>

«Экипаж пополнялся отборными матросами из флота с требованием, «чтобы люди были рослые и чистые лицом», а офицеров переводили в экипаж за отличие и, как правило, по протекции. Перевод, как офицеров, так и матросов, производился по повелению самого государя.

В Морской Гвардейский экипаж, как уже самостоятельную морскую часть, были включены девять императорских яхт, в их числе “Симеон и Анна”, “Луиза-Ульрика”, “Паллада”, “Нева”,

“Голубка” и “Торнео”, а также 24 гребных судна. Все вместе они составили первую эскадру Гвардейского экипажа. Артиллерийская команда дополнялась впоследствии.

Вся эта выбранная команда считалась окончательно выбранной не прежде как после удостоверения на службу в гвардию самим императором после высочайшего смотра каждой прибывающей партии, а потом уже распределялась в роты Гвардейского экипажа. Ротами же назначены командовать: 1-ю лейтенант Титов, в роту поступил мичман Наумов и к ней причислены все нестроевые офицеры экипажа, переводятся в Гвардейский экипаж с назначением в адъютанты к морскому министру; 2-ю капитан-лейтенант Горемыкин, к нему назначены лейтенант Хрущев и мичман Валуев; 3-ею ротою лейтенант Колзаков, при роте мичман Римский-Корсаков; 4-ою ротою капитан-лейтенант Геононов с лейтенантом Фон Принцом и мичманом Дириным. Капитан-лейтенант Гепгарт назначен командиром 1-го гребного экипажа, а корпуса морской артиллерии капитан-лейтенант Махов отослан в распоряжение генерал-цейхмейстера, артиллерийскую же команду Гвардейского экипажа начал формировать артиллерии лейтенант Лист при унтер-лейтенанте Киселеве». <...>

«Приведение в порядок и в тот вид, какой требовало назначение этой вновь сформированной части, изучение службы до того времени чуждой матросам заняло все весенние месяцы, так что не прежде 1 мая можно было отдать по Гвардейскому экипажу приказ о вооружении яхт. Этим приказом капитан-лейтенант Геононов назначен командиром на яхту “Паллада” и к нему лейтенант Титов, мичмана Наумов и Римский-Корсаков. Капитан-лейтенанту Горемыкину поручено командовать яхтой “Церера”, к нему назначены лейтенант Хрущев и мичмана Дирин и Валуев. Яхта же “Нева” и бот “Алард” по-прежнему остались под начальством лейтенанта Колзакова. Переведенный в Гвардейский экипаж мичман Ушаков написан на яхту “Паллада”, равно как и морской артиллерии лейтенант Лист и унтер-лейтенант Киселев на яхту “Церера”. Морского министра яхта “Голубка” и галет “Торнео” укомплектованы также Гвардейским экипажем. Яхта “Луиза-Ульрика” сдана за ветхостью к порту». <...>

«Кампания яхт 1810 года началась 15 мая, она не представляет ничего особого. То же общее усердие, то же соревнование сделаться достойными назначения в число императорской гвардии.

Милостивое внимание создавшего этот экипаж питало то и другое, а так как списочное состояние Гвардейского экипажа превосходило потребность в нижних чинах на придворных гребных судах и на яхтах, оставшихся при берегу занимали беспрестанно обучением фронту. На яхтах к пушечной экзерциции и морскому делу присоединили фронт, словом усердно стремились к тому, чтобы стать наряду прочих полков гвардии, соответствовать увеличившемуся вниманию государя цесаревича Константина Павловича к сформированному Гвардейскому экипажу. Все яхты кончили кампанию 6 октября, и весь экипаж собрался вместе в казармах Галерной гавани.

В этом году поступил на короткое время в Гвардейский экипаж гемам “Свеаборг”, и 4 октября принят на законном основании содержателями этого экипажа. Морской министр, против дома которого стоял этот гемам на Невском рейде, сам приспособлял Гвардейский экипаж к службе на этом гемаме, и 7 октября весь экипаж был собран на это судно и нижние чины были расписаны по местам на случай тревоги, и с того времени часто производили на гемаме в присутствии морского министра пушечную экзерцицию. В ноябре 18 числа последовало высочайшее повеление о поступлении экипажа под начальство государя цесаревича Константина Павловича, на донесении о том адмирал маркиз де Траверсей 20 ноября уведомил его высокопревосходительство о принятии экипажа в своё заведование, при этом отношении приложен о состоянии Гвардейского экипажа его высочеством подписанный строевой рапорт, по которому 20 ноября в экипаже состояло по списку: штаб-офицеров - 4, обер-офицеров - 15, унтер-офицеров - 27, рядовых - 385, юнг - 20, музыкантов - 18, нестроевых - 18. Против штата недоставало: рядовых - 15, юнг - 4». <...>

«В Гвардейском экипаже сохранилось предписания цесаревича о приеме в экипаж из Санкт-Петербургского арсенала, при посредничестве л.-гв. Финляндского батальона 410 ружей, тесаков с португепями, сум егерских с черными глянцевыми перевязями, подсумков для артиллеристов, ранцев с черными глянцевыми ремнями, ремней шинельных черных глянцевых, барабанов и флейт с прибором и черными глянцевыми ремнями, и о дополнении штата Гвардейского экипажа

потребным числом барабанщиков и флейтчиков, которые и были, вслед за тем, переведены из других полков гвардии *». <...>

** “Ныне служащий боцманом в ластовой полуроте Гвардейского экипажа Сергей Безин переведен из лейб-гвардии Преображенского полка”. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«На крыши патронных сумм Гвардейского экипажа для отличия от прочих полков гвардии даны были якоря вместо блях. Всему экипажу приказано иметь кивера с этишкетами и суконным репейком темно зеленого цвета, а унтер-офицерам с репейком по гвардейскому для них положению и всем вообще с подвязными ремнями и чешуею.

Офицерам Гвардейского экипажа приказано подобно прочим полкам гвардии носить по два золотых эполета по чинам и тем изменилось общее положение во флоте, по которому мичмана и капитан-лейтенанты носили по одному эполету на левом плече так же по чинам.

Сверх того приказано было офицерам взамен панталон носить брюки, постройка которых для всех офицеров возложена была на портного мастера Зеленкова, и, наконец, с отменой шпаг и кортиков офицерам даны были сабли на черных лакированных перевязях сверху мундира и под эполет. Эти сабли приспособлялись его высочеством для службы на море и на сухом пути, и полувекковое существование этого ручного оружия служит ему достаточным предстательством.

Эти сабли цесаревич при высочайшем их утверждении приказал заказать одному известному мастеру в числе 21 и, заплатив за них по пятьдесят рублей за каждую, всего же тысячу пятьдесят рублей из своих сумм, пожаловал офицерам как знак особого милостивого внимания своего к вновь сформированному Гвардейскому экипажу. Между тем его высочество изволил осмотреть во всех отношениях эту новую Гвардию. Входил во все подробности устройства, многих из выбранных приказал возвратить во флот, многих выбрал вновь и, представив государю императору на смотре двух офицеров, одного в новой полной парадной форме, а другого в обыкновенной, и несколько нижних чинов во всех одеяниях, начиная от полной походной и парадной до рабочего платья. Занялся обучением экипажа ружейным приемам и строю по строевому уставу, прикомандировав для того наставников от л.-гв. Финляндского батальона и поручив наблюдение за этим командиру того батальона полковнику Крыжановскому. Всё это снабжение окончилось выдачей экипажу шанцевого инструмента и походных артельных котлов», пишет автор [5].

«Такая попечительность государя цесаревича о Гвардейском экипаже развивала в каждом усердие, все одинаково стремились к исполнению всякого желания его высочества, все одинаково стремились к тому, чтобы обратить милостивое внимание великого князя, достойно поддержать это внимание. 26 ноября в день Кавалерского Праздника ордена Св. Георгия, нижние чины Гвардейского экипажа, имеющие знаки отличия Военного ордена, в числе 23 человек, в первый раз представились государю в составе Кавалеров Гвардейских полков и получили на равных с ними по рублю на человека. Успехи Гвардейского экипажа и милости к нему государя императора и государя цесаревича и не только что офицеры, но и нижние чины увлекались желанием служить в составе экипажа, и в этом увлечении являлись с просьбами о переводе. Так, 4 декабря поступил в Гвардейский экипаж только что возвратившийся в числе прочих в Россию из эскадры вице-адмирала Сенявина 4-го корабельного экипажа лейтенант Колзаков 2-й, а 44-го корабельного экипажа матрос 1 статьи Емельян Яковлев нашел случай лично утруждать просьбою великого князя о переводе его в Гвардейский экипаж и был переведен. Таковое общее стремление, развивая успехи экипажа на совершенно новом и чуждом до того поприще, доставило возможность представить государю императору эту вновь сформированную часть его Гвардии на смотр поротно и каждую роту отдельно 15, 16, 17 и 18 декабря и получить всемилостивейшую награду по рублю на человека, всего же в четыре дни 393 рубля». <...>

«В 1811 году деятельность Гвардейского экипажа увеличилась, и он уже наряду с прочими полками Гвардии начал исполнять обязанности гарнизонной службы в столице, а 6 января участвовал уже в общем Крещенском параде в полном составе, и нижние чины 383 человека удостоились получить по 10 рублей ассигнациями на человека, всего 3830 рублей. Командир Экипажа капитан 2 ранга Карцов награжден орденом Св. Владимира 4 степени, капитан-

лейтенанты Генонов и Горемыкин, лейтенанты Колзаков 1-й, Титов, фон Принц и адъютант Экипажа мичман Наумов удостоены ордена Св. Анны 3-го класса /что ныне 4-й / за скорое доведение Гвардейского экипажа к познанию фронтовой службы.

Внимание и попечительность его высочества к вновь сформированной и устроенной им Гвардии простиралась до того, что заболевших нижних чинов Гвардейского экипажа приказано было отправлять не в Морскую госпиталь, а в Конногвардейскую, и великий князь собственно от своего имени отдавал по экипажу письменные приказы относительно внутреннего устройства и содержания в должном порядке оружия и амуниции.

В этом 1811 году жилеты без рукавов со стоячим воротником и обтяжными пуговицами и камзолы из белого тика для лета отменены и вместо их назначены мундиры с рукавами как и зимние из того же темно зеленого сукна и совершенно одинаковой формы, только несколько короче, и к этим мундирам летние брюки из фламандского полотна, круглые шляпы с введением киверов уничтожились сами собой». <...>

Обер-офицеръ
Артиллерійской Команды
Унтер-офицеръ
(строевой)
1811 г.

Обер-офицер артиллерийской команды. Унтер-офицер (строевой). 1811 г. Акварель. [19]

Флейтишко и Музыканты.
1811 г.

Флейтищик и музыкант (строевая форма). 1811 г. Акварель. [19]

«В этом 1811 году генерал-инспектор всей кавалерии государь цесаревич Константин Павлович предписал 23 апреля Гвардейскому экипажу, вследствие высочайшего повеления, о приготовлении яхт к предстоящей кампании.

В начале мая яхты были уже на рейде во всей готовности, начали кампанию, продолжили её и кончили подобно предшествовавшим. Оставшиеся при берегу офицеры и нижние чины занимались изучением строевой службы. Нельзя не упомянуть, что в этом 1811 году его высочество принял под своё начальство и 1-й Гребной экипаж, которому также розданы были ружья и вся егерская амуниция, даны были кивера, но без этишкетов с якорем на перевязи, подобный тому какой имел Гвардейский экипаж на патронных сумах. Нельзя не упомянуть об этом, потому что великий князь обращал и на этот экипаж такое же внимание, как и на Гвардейский, и 4 апреля представил вновь обученный экипаж на смотр государю императору в общем строю всех войск в С.-Петербурге стоявших, за который нижние чины 1-го Гребного экипажа по пяти рублей ассигнациями на человека награды, и наконец, потому что этот экипаж делался как бы резервом для Гвардейского, и из этого экипажа, находившегося в кампании 1811 года на гребном флоте в шхерах между Боирко-зундом и Свеаборгом, следовательно, в отсутствии его, в море переведены были офицеры и нижние чины, известные его высочеству, на

открывшиеся в Гвардейском экипаже вакансии. Так на место лейтенанта Колзакова 1-го, произведенного в капитан-лейтенанты, и уволенных от службы лейтенантов Дирина и Хрущова, переведены из 1-го Гребного экипажа адъютант экипажа мичман Лермонтов 2-й и лейтенант Чиханов, и эти оба офицера, как переведенные по выбору цесаревича, получили от его высочества каждый по сабле, а по недостаточному состоянию первого великий князь пожаловал ему пособие на обмундировку». <...>

«В этом же году экипаж переведен в Литовский замок, что ныне городская тюрьма. Этот 1811 год окончился переводом из Гвардейского экипажа за неспособностью в разные команды нескольких нижних чинов, замещением их вакансий вытребованными из 1-го Гребного экипажа и, наконец, переводом 31 декабря из этого же экипажа в Гвардейский мичмана Дубровина.

Здание Литовского замка, в котором последующие 9 лет размещался экипаж, было построено в Петербурге ещё в 1787 г. во время царствования Екатерины II по проекту архитектора И. Е. Старова. Это было приземистое в два этажа здание с семью круглыми башнями по углам, из-за которых первоначальное название замка было «Семибашенный». Участок под замком представлял собой неправильный пятиугольник, расположенный между набережными реки Мойки и Крюкова канала, Офицерской улицей и Матвеевым переулком. Долгое время после постройки замок пустовал. Затем в нём расквартировали Литовский мушкетерский полк, от которого и произошло название замка», - пишет М.Н. Лермонтов в [5].

Наступил 1812 год. В феврале этого года Наполеон заключил для войны с Россией военный союз с Пруссией, а в марте с Австрией. Войска всех европейских стран включались в состав французской армии, что составляло около 600 тысяч человек. Россия также начала сосредоточение армии к границе; она имела примерно такое же количество войск, но большая часть их была расквартирована на юге.

«Этот знаменитый год, - говорится в очерке [5], - застал Морскую Гвардию в мирных занятиях гарнизонною службою и производстве строевых учений. Боевые военные отголоски Гвардейских полков, вооруженные легионы почти всей Европы, собиравшиеся на западе под знамена завоевателя, приобретшего известность и славу, развивали в Гвардейском экипаже усердие и ревность к службе, с которою он только что познакомился, но слабость боевой единицы экипажа затмевала надежду его на участие в боях вместе с Гвардейским корпусом, к которому он принадлежал.

В этих мирных занятиях прошел весь январь без малейших приготовлений к походу и без надежды участвовать с Гвардейским корпусом в кампании, если бы она открылась. Приходил к концу и февраль, и даже приказ Цесаревича 18 февраля о снабжении нижних чинов экипажа излишнею парюю сапог, эту заботливость начальства, не смели отнести к предварительному приготовлению к выступлению в поход с Гвардией, считая её только уравнением с другими полками. Но, когда Его Высочество в предписании от 28 февраля 1812 года объявил Гвардейскому экипажу Высочайшее повеление о немедленном принятии обоза в экипаж, а 29 февраля предписал экипажу также по высочайшей воле в следующую субботу марта 2 числа выступить в поход к Вильно по маршруту и состоять под начальством командира Лейб-Гвардии Егерского полка полковника Бистрома, тогда только Гвардейский экипаж начал готовиться к сухопутному походу.

Поспешность, с какою экипаж приготовился, и исправность, яснее всего являют усердие его и доказывают, что все без различия чинов, званий и должностей устремлены к тому, чтобы содействовать распоряжениям командира Гвардейского экипажа 2 ранга Карцова, относившимся к этому приготовлению, в экипаже успели принять обоз, лошадей, сбрую и приспособить Гвардейских ластовых матросов к уходу за лошадьми, к управлению ими обозами. Экипажный адъютант лейтенант Наумов* и шкипер 12 класса Рыбаков усердно и точно исполнили это поручение командира экипажа». <...>

* «Впоследствии и скоро поступивший в штаб Гвардейского корпуса. На место же его по воле его высочества государя цесаревича Константина Павловича адъютантом был назначен Лермонтов 2-ой». (Примечание М.Н. Лермонтова)

«Заботы ротных командиров с их офицерским составом в заготовлении десятидневного провианта для рот, укладки его в фураж; ротным командирам надобно было предупредить потребности людей в ротах в походе и уложить патроны в ящики; все это было морякам ново и незнакомо, но усердие и ревность превзошли всё. Экипажный медик надворный советник Кернер должен был озаботиться походной аптекой, а для неё принять хирургические инструменты, походные воспалительные потребности и медикаменты Гвардейского Экипажа, относившимся к этому приготовлению.

Оставалось около двух суток в распоряжении экипажа. Наконец, вступая на новое поприще военной деятельности, надобно было собрать все положения и порядки довольствия в сухопутном походе. И классные чины экипажа клерк 14-го класса Иванов с комиссаром 12-го класса Быковым не отставали от прочих офицеров. Между тем требовалось откомандировать по Высочайшему повелению артиллерийскую команду, и она откомандирована на всю кампанию в состав Гвардейской артиллерии, и получила два легких орудия. Усердием офицеров Гвардейский экипаж 1-го марта уже не походил на тот мирный состав, коим он был за два дня, и явился пред монархом Александром I, марта 3-го в 10 часов утра на левом фланге егерей со всем военным обозом в совершенной исправности», - вспоминает участник этих событий М.Н. Лермонтов.

Примечание: Второго марта в полной готовности со своим обозом Гвардейский экипаж вместе с Лейб-гвардии Егерским и Финляндским полками, составлявшими 2-ю Гвардейскую бригаду, предстали на высочайшем смотре перед императором на Семеновском поле.

Далее автор [5] пишет: «После церемониального марша, Гвардия, под командованием Александра I, отправилась к Московской заставе. Не доходя до заставы, его величество изволил остановиться и, пропуская перед собой эшелон, изволил удостоить каждый батальон прощальным приветствием*: “Прощайте ребята, надеюсь, что не ошибся, взяв вас с собой, и вы покажете мне вашу службу», - сказал государь Гвардейскому экипажу и единодушное восторженное: “Рады стараться ваше императорские величество!”, - было ответом». <...>

** Из современных записок офицера, служившего тогда в экипаже и выступившего с ним в этот поход. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«Его императорское высочество государь цесаревич и великий князь Константин Павлович, сформировавший Гвардейский экипаж и даровавший ему военный дух и жизнь, расстался с батальонами за заставою, прощаясь с каждым батальоном в самых лестных выражениях, приказывая командиру экипажа: “беречь матросов”», - пишется в [5].

«Гвардейский экипаж отправился по дороге на Царское Село, Гатчину, Лугу, Порхов, Великие Луки, Видзы к Вильно.

Экипаж был в совершенном комплекте, рассчитан на 6 взводов по 20 рядов в каждом по прилагаемой строевой записке». <...>

Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Нестроевых	Итого всего	Лошадей
2	10	20	32	360	24	448	52
Экипаж рассчитан на 6 взводов по 20 рядов в каждом							

«Очень незадолго до выступления в поход экипажа один из самых деятельных образователей его при формировании капитан-лейтенант Колзаков 1-й назначен адъютантом к его императорскому высочеству государю цесаревичу Константину Павловичу.

С экипажем же выступили:* командир экипажа капитан-лейтенант И.П.Карцов (1), капитан-лейтенант Г.К.Горемыкин (2). Обер-офицеры: лейтенанты Наумов (3), Титов (4), Чихачев (5), Валуев (6), Дубровин (7), мичмана: Римский Корсаков (8), Лермонтов 2-й (9), Хмелев (10), Ушаков (11), Константинов (12). В скором времени присоединился к Экипажу оставшийся из-за

болезни в С.-Петербурге лейтенант Колзаков 2-й (13), а потом и капитан-лейтенант фон Принц (14), который при начале отступления должен был возвратиться в Петербург по болезни.

** “(1) умер на службе контр-адмиралом, (2) убит под Бауценом в 1813 году мая 9 дня, (3) умер на службе на Кавказе, (4) ранен под Кульмом и умер капитаном 1 ранга и командиром 15 флотского экипажа, (5) умер в отставке, (6) умер в отставке, (7) ранен под Кульмом и умер в отставке, (8) ранен под Кульмом и умер вице-адмиралом и директором Морского корпуса, (9) ранен под Кульмом и Ножаном состоит на службе, (10) ранен под Кульмом и умер в отставке, (11) ранен под Кульмом и умер в отставке, (12) убит под Кульмом, (13) убит под Бауценом, (14) умер на службе по Корпусу Путей сообщения”. (Примечание М.Н.Лермонтова)*

Нестроевые классные чины, с экипажем выступившие, были: доктор надворный советник Б.Г.Кернер, комиссар 12-го класса Быков, клерк 14-го класса Иванов и шкипер 12-го класса Романов, назначенный начальником обоза и всей нестроевой команды и, тяжело раненый под Кульмом». <...>

«Военный министр в тот же день 2 марта объявил в приказе своем высочайшее государя императора благоволение его высочеству, командирам Л.Гв. Егерскому и Финляндского полков и Гвардейского экипажа и всем штаб- и обер-офицерам, за совершенную исправность в каковой эти полки и экипаж 2 марта выступили. А нижним чином Государь пожаловал по фунту рыбы, по чарке вина и по рублю на человека. Военный министр заключил этот приказ следующими словами: “Его Величество остается в полной уверенности, что войска эти ни в каком случае не забудут того звания, которое на себе носят, и как отборные послужат примером прочим войскам во всех блистательных на поле чести подвигах и тем вящее усугубят к себе благоволение Всемиловейшего своего Монарха. Сверх этого всем выступившим штаб- и обер-офицерам Всемиловейше пожаловано третнее жалование не в зачет”». <...>

«Морской Гвардейский экипаж присоединился к русской армии вместе с гвардией в Вильно, где располагалась уже Главная квартира. Он был зачислен в 1-ю Дивизию 5-го Гвардейского корпуса, которым командовал великий князь Константин Павлович» [5].

Примечание: Для более ясного представления формы одежды и вооружения матросов и офицеров Гвардейского экипажа в Отечественной войне 1812 года ниже приведены сведения из статьи И.А.Виноградского [1]:

«Обер-офицеры (лейтенанты и мичманы) носили темно-зелёный двубортный мундир с белой выпушкой по борту; пуговицы – золотые, так как и у всей гвардейской пехоты; золотое шитьё на стоячем без скосов воротнике и рукавных клапанах изображало якорь, перевитый канатом и верёвками; края воротника, обшлагов и рукавных клапанов были обшиты золотым канатом. Эполеты были как у всех гвардейских обер-офицеров, с красной опушкой. При зимней форме полагались длинные зелёного сукна брюки, а при летней – такие же полотняные.

Вне службы носился двубортный, тёмно-зелёного сукна, виц-мундир со стоячим воротником и шитыми золотыми петлицами на воротнике и клапанах обшлагов. Шинель была, как и в армии, но с тёмно-зелёным воротником. Головной убор составляла треугольная шляпа без султана; в конце 1812 г. шляпа была заменена в строю и на парадах кивером. Оружие состояло при виц-мундире из кортика с белой костяной ручкой, золотым прибором, на черной поясной, с золотым прибором, португеей; в строю же и парадах носилась полусабля с вызолоченным эфесом, в ножнах из черной лакированной кожи, с вызолоченным крючком и наконечником; полусабля носилась на перевязи из черной лакированной кожи, через плечо, поверх мундира. Походная форма дополнялась парой пистолетов, подсумком для зарядов и гетрами.

Штаб-офицеры (капитан-лейтенанты, капитаны 2 и 1 ранга) отличались от обер-офицеров только бахромой у эполет, и в походе полагалась им верховая лошадь, темно-зелёного сукна чапрак и чушка; чапрак обшит был двумя рядами золотого галуна и был с серебряными общего гвардейского образца звездами.

Офицеры артиллерийской команды отличались только чёрным цветом воротников обшлагов.

Строевые рядовые (матросы и юнги) носили двубортную куртку, тёмно-зелёного сукна, с белой суконной выпушкой у воротника, обшлагов и рукавных клапанов, с вышивкой из клетчатого гвардейского басона на воротнике и клапанах; погоны были из красного сукна; пуговицы – медные; зимние брюки были тёмно-зелёного сукна, а летние из фламского полотна; галстук и сапоги полагались общепехотного образца. Шинель - серого сукна пехотного покроя, с красными погонями и воротником, медными пуговицами. Головной убор состоял из пехотного кивера, с медным гербом гвардейского образца, к которому были добавлены два накрест положенные якоря, с белым этикетом и тёмно-зелёным репейком. Оружие состояло из ружья пехотного образца, егерской с медным якорем на крышке сумы на 60 зарядов и накрещенником с 12 кремнями; к суме приделаны были штыковые ножны. Пехотного образца ранец с ремнями и егерскими пряжками, манерка с ремнём и шанцевый инструмент дополняли

вооружение матроса в походе. В ранце полагалось хранить две холщевые рубахи, теплые и нитяные носки, портянки, рукавицы, первосрочную обмундировку и обувь, запасные части оружия.

Строевые унтер-офицеры (боцманы, боцманматы, квартирмейстеры) отличались золотым галуном на воротнике и обшлагах куртки и тесаками с унтер-офицерским темляком.

Нестроевые чины, унтер-баталер и повара имели обмундирование как строевые рядовые, а баталер, фельдшер, клерк и шкиперские помощники – как строевые унтер-офицеры.

Артиллерийская команда обмундирована была подобно строевым матросам, но воротники и обшлага вместо темно-зеленого цвета имели черные, у кивера в гербе имелись две накрест лежащие пушки, красные этикетки и репейник. Как канониры, так и бомбардиры имели тесаки и сумы на перевязи с протравниками на них. Бомбардиры отличались золотым галуном на обшлагах. Артиллерийские унтер-офицеры имели золотой галун, нашитый на воротниках и обшлагах.

При нахождении команд экипажа в плавании на судах им полагалась летняя и зимняя голландские рубахи с брюками и матросские шляпы.

Ружья, которыми были вооружены матросы, были кремнёво-ударные пехотного образца, 7-го линейного калибра; длина со штыком - 5 футов 3 дюйма (160,02 см), штык - 1 фут 3 дюйма (38,1 см); весило ружьё со штыком - 10 фунтов 29 золотников (4 кг 623 г); заряд равнялся 2 золотникам (8,52 г) пороха; свинцовая пуля весила 5 золотников (21,3 г). Каждый нижний чин имел в патронной суме 30 зарядов и 12 кремней; заряды были засыпаны в бумажные патроны; дальность полёта пули от 150 до 200 шагов.

Пистолеты были кремнёвые, одного калибра с ружьями, весили - 3 фунта 24 золотника (1 кг 458 г); дальность полёта пули – от 30 до 60 шагов; вес заряда равнялся 1,5 золотника (6,39 г), а пули – 5 золотников (21,3 г); заряды хранились в сумке в числе 10 штук; пистолеты носились на поясном ремне, на котором носилась и патронная сумка.

Два орудия, при которых состояла артиллерийская команда экипажа, были 6-ти фунтовые легкие полевые пушки 3-х дюймового калибра (76,2 мм), длиною в 17 калибров (1295, 4 мм); орудие весило 22 пуда (352 кг), его лафет – 20 пудов (320 кг) и передок с 20 зарядами – 16,5 пудов (264 кг). Стреляли из этих орудий ядрами, гранатами и картечью. В дальней картечи было 41-а, а в ближней – 99-ть чугунных пуль в жестяной оболочке. Ядрами и гранатами стреляли на дистанцию 400-450 сажень (852-959 м), а картечью: ближней – на 250 (533 м), дальней – на 350 сажень (746 м). На каждое орудие полагалось по 90 ядер и 30 картечей, из них 20 дальних и 10 ближних; при каждом орудии имелось по два двухколёсных зарядных ящика с 50 зарядами в каждом. Зарядный ящик весил 44 пуда (704 кг). Вес заряда равнялся 2,5 фунта (1125 г), вес ядра – 7 фунтов 12 золотников (3201,12 г), гранаты – 5 фунтов 41 золотник (2424,7 г), картечи дальней – 11 фунтов 65 золотников (5226,9 г), ближней – 11 фунтов 37 золотников (5107,6 г). Запряжка состояла в орудии из 4 лошадей, в зарядном ящике – из 3 лошадей; прислуги при орудии было 12 человек, а при зарядном ящике – двое.

Джорж Доу. Константин Павлович. Военная галерея портретов Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. 1826 г. Государственный Эрмитаж. [32]

*Штаб-офицер Гвардейского экипажа в походе.
Оловянная миниатюра А.Н.Курунова. Коллекция Л.А.Малышева.*

Матрос Гвардейского экипажа в походной строевой зимней форме в шинели (анфас). Оловянная миниатюра А.Н. Курунова. Коллекция Л.А. Малышева. 2014.

Унтер-офицер Гвардейского экипажа в бою. Оловянная миниатюра А.Н. Курунова. Коллекция Л.А. Малышева. 2014.

М.Н.Лермонтов - участник этого первого перехода морской лейб-гвардии из Санкт-Петербурга до Вильно (ныне Вильнюс) вспоминает в своём очерке [5]: «Легко и скоро втянулся Гвардейский Экипаж в походную жизнь сухопутного войска. Весело, бодро и без малейших происшествий достиг он до Видзы, так как там была назначена корпусная квартира для Его Высочества Государя Цесаревича, то экипаж был перемещен в местечко Тверичи. Простояв в этом местечке довольно продолжительное время и постоянно занимаясь изучением всех подробностей службы, экипаж двинулся к Вильно, куда прибыл и государь император, и весь Гвардейский корпус явился на смотр перед Монархом-вождем на Погулянках.

С момента выступления из С.-Петербурга до самой Вильны экипаж не оставил в лазаретах ни одного больного. Попечительность медика надворного советника Б.Е.Кернера о заболевавших предупреждала о болезнях, между тем на походе не проходило дневки без каких-либо занятий по предстоявшим экипажу военным действиям. Главным предметом занятий была стрельба в цель, развитие проворства и стрельба в цель не только на ходу, но и на бегу. При всем этом слабый строевой состав был причиной, что Гвардейский экипаж не был употребляем в 1812 году в линии в делах с неприятелем, как того желалось каждому, зато этот экипаж был везде, где надо было устроить сообщения, сделать, иногда и в виду неприятеля, переправу, проложить новую или исправить проселочную дорогу. Подобными действиями открылась для Гвардейского экипажа и кампания 1812 года.

Гвардейский экипаж после смотра на Погулянке был расположен в крепостях Вильны: там в самых первых числах июня было получено приказание откомандировать одну роту для устройства проселочных дорог, удобными для проезда военных снарядов и тяжестей, для проложения вновь путей и для сделания переправ на р. Вилия. Вторая рота под командою капитан лейтенанта Г.К. Гремыкина при лейтенанте Валуеве и мичмане Лермонтове 2-м, была откомандирована на этот предмет».

Высочайший приказ императора Александра I армиям был издан с началом войны 1812 года. Читая этот приказ, воодушевлявший русских воинов на борьбу с врагами Отечества, прочувствуем высокий стиль адмирала А.С. Шишкова - Государственного секретаря того времени. Вот этот приказ из [5]:

“Приказ Армиям.

С давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оныя. Наконец, видя безпрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь ещё примирением, оставались в пределах Нашей Империи, не нарушая мира и быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нам спокойствия. Французский Император нападением на войска Наши при Ковно, открыл первым войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды Всемогущего Творца Небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Нужно Мне напомнить вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь Славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу, Я с вами на зачинающего Бога!”

В ночь с 11 на 12 июня 1812 г. Наполеон без объявления войны с 250-тысячным войском перешел пограничную реку Неман и уже 15 июня занял город Вильно. Быструю переправу войск обеспечил французский батальон гвардейских моряков численностью около 1000 человек. Он уже имел подобный опыт в войнах с Испанией, Австрией и других. Именно в соперничестве с ним придется решать нашим гвардейцам-морякам одинаковые для своих армий задачи, но с диаметрально противоположными целями, на одних и тех же реках, озерах и дорогах войны.

Русская 127-тысячная армия не препятствовала переправе войск противника, она отходила вглубь России, ведя арьергардные бои. Началась Отечественная война русского народа.

С первых дней боевых действий Гвардейскому экипажу были поручены работы по устройству переправ, строительству мостов, возведению укреплений. Моряки исправляли дороги для

обеспечения отхода армии, уничтожали мосты и портили дороги перед наступающим противником. Поэтому зачастую ситуация складывалась так, что одна часть экипажа, будучи в авангарде отступающей армии, мосты наводила, а другая, замыкая арьергард, их разрушала, чем существенно сковывала действия противника. Ротам Гвардейского экипажа приходилось трудиться вместе с понтонными и пионерными ротами армии. От их работы во многом зависели скорость движения войск, порядок и организованность их отхода. Моряки действовали быстро, проявляли находчивость и сообразительность.

При отходе армии из укрепленного Дрисского лагеря, где русское командование предполагало дать генеральное сражение Наполеону, и куда он не пошел, Гвардейский экипаж обеспечил переправу через широкую и полноводную Западную Двину 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. Эту задачу успешно выполнили 60 матросов под руководством офицеров-моряков А. Д. Валуева и М. Н. Лермонтова. Быстро, за несколько часов, ими был наведен плавучий мост для русской кавалерии, а когда она переправилась, моряки уничтожили переправу.

Моряки-гвардейцы навели несколько мостов через реки в районе Витебска, по которым отходила армия Барклая-де-Толли. Уничтожая за собой переправы, продовольствие, фураж и все остальное, что противник мог использовать, часто под артиллерийским и ружейным огнем, Гвардейский экипаж следом за Гвардейским корпусом отходил к Смоленску. В 25 верстах ниже города по Днепру моряки быстро и искусно навели переправу для армии Багратиона. Рассыпавшись в стрелковую цепь на правом берегу реки, они сдерживали приближающиеся разьезды противника.

Двигаясь и работая под палящими лучами солнца, задыхаясь в дорожной пыли или после дождей утопая в грязи, они на руках тащили тяжелые повозки с понтонами и принадлежностями к ним. Прямо на марше моряки чинили шлюпки, понтоны, плоты. Такие героические действия моряков-гвардейцев создавали необходимые условия для оперативного отступления русской армии через бесчисленные водные преграды от западных границ России до Москвы. За свою примерную работу и боевую службу моряки-гвардейцы неоднократно получали благодарности от Барклая-де-Толли, Кутузова, Багратиона и других полководцев.

Однако Гвардейский Экипаж был не только инженерной частью, свою работу он выполнял с боями, под обстрелом. Но настоящее боевое крещение на поле брани, как пехотный гвардейский батальон, Экипаж получил в Бородинском сражении. Вот что об этом пишет участник этого сражения М.Н. Лермонтов в очерке [5]:

«Перед Бородинскою битвою 25 августа экипаж был у Семеновского, а 26-го за Князьковым к вечеру отодвинут ещё дальше назад и ближе к большой Московской дороге. 26-го рано утром было получено приказание * послать от Гвардейского экипажа на наш правый фланг ко 2-му батальону Л. Гв. Егерского полка, состоявшему под командою полковника Макарова, до 20 человек расторопных нижних чинов при офицере, для приготовления к уничтожению моста, лежавшего через реку Колочу за егерями, и наконец, для совершенного уничтожения моста, когда два орудия, бывшие на позиции при егерях, и егеря перейдут мост. По предварительном осмотре местности оказалось достаточным 15 человек, потому что мост был неширок, недлинен и не очень прочен, вследствие этого выбрано 15 человек охотников при унтер-офицере Павлове. Эту команду поручили офицеру **, взявшемуся на то и отправили её к позициям егерей ещё до рассвета, а с донесением об этом поехал в Главную квартиру Главнокомандующего мичман Римский-Корсаков, который и оставался при Главнокомандующем весь день 26 августа. Прибежав к мосту с командою, мичман Лермонтов 2-й явился к полковнику Макарову и, сообразив намерения его с обстоятельствами, приготовил мост к уничтожению так, что после перевоза орудий нижние чины, стоя под концами моста в мелкой воде, могли удобно и скоро сталкивать в воду оставленную для пехоты легкую настилку со всего моста, выбить главные перекладыны и перебраться на другую сторону по жердям, врубленным в подрубы мостовых столбов». <...>

* «От кого было получено это приказание, словесное или письменное сведений об этом не сохранилось по случаю потери обоза под Кульмом в 1813 году»; (Примечание М.Н. Лермонтова)

«Скоро после восхода солнца началось наступление на наш правый фланг, началась перестрелка, вскоре и артиллерия наша после нескольких выстрелов, уступая превосходству, переехала по мосту безопасно, после чего мостовая настилка была ещё более разобрана и, вслед затем, началось отступление егерей. Охотники Гвардейского экипажа, скрытые берегами и стоя почти по колени в воде, ожидали приказа разрушить мост, но молодцы егеря, не заметив матросов под мостом, не дождавшись приказа, сами начали разрушать мост и, подвергаясь опасности, помогали морякам. Таким образом, мост был скоро разрушен, а моряки, перебравшись на другую сторону, отошли к своим ружьям и, накинув ранцы, пошли на соединение с Гвардейским экипажем.

Затем во всё продолжение славной Бородинской битвы Гвардейский экипаж оставался в резерве и по малочисленности своей не был введен в дело. Артиллерия же Гвардейского экипажа во весь день Бородинской битвы была там, где принимала участие Гвардейская артиллерия», - вспоминает автор [5].

Примечания: 1. Ранним утром 26 августа 1812 года начался бой за село Бородино, расположенное на правом фланге русской армии. И.А.Виноградский в статье [1] поясняет диспозицию у Бородино так: «Рядом у села протекала р. Колоча, которая из-за сильной жары заметно обмелела. Через это село проходила новая Московско-Смоленская дорога, на которой через р. Колочу был деревянный мост. От Смоленска до Бородино эта дорога шла по левому берегу р. Колочи, а дальше по правому. По этой же дороге в версте от Бородинского моста в сторону к Москве расположено с. Горки, где находился Главнокомандующий Русской армией М.И.Кутузов со своим штабом. Село Бородино было занято 2-м батальоном Л.Гв. Егерского полка при 2-х орудиях, для уничтожения моста через р. Колочу, на случай, если бы неприятель выбил егерей из села».

2. За сутки до этих событий, 25-го августа, Наполеон осматривал позиции и расставлял войска. Он перевел свои главные силы в с. Шавардино, где находилась в резерве его молодая и старая гвардия, а в центре (напротив с. Бородино) встали 13, 14 и 15 пехотные дивизии генералов А.Ж.Дельзона, Ж. Б. Брусье и графа Д.Пино, которые входили в IV армейский (итальянский) корпус вице-короля Италии принца Е.Р.Богарне.

3. 26-го августа в 4-30 утра, благодаря густому туману, дивизия генерала Дельзона подошла незаметно к Бородино и неожиданно напала на лейб-егерей. Накануне же, с вечера 25-го августа, ввиду спокойной позиции, у лейб-егерей шла помывка нижних чинов в банях села, которая затянулась до утра 26-го. Егеря, однако, не растерялись, а быстро построились и 3/4 часа под командованием полковника Макарова выдерживали натиск многократно превосходящего противника, но, потеряв почти половину офицеров и нижних чинов, отступили за мост. Вслед за егерями ринулся в атаку 106-ой линейный полк дивизии Дельзона и перешел мост.

Под сильным неприятельским огнём лейб-егерям и гвардейцам-матросам удалось разобрать настил моста. 106-ой полк оказался в ловушке на русской стороне и был практически полностью ликвидирован. Своевременным уничтожением моста правый фланг нашей позиции при Бородино был защищен от наступления французов и неприятель не затевал там более атак. Произведенная Наполеоном атака на наш правый фланг была сделана только для того, чтобы отвлечь внимание от центра и левого фланга, на которые он направил позже почти все свои силы. И.А. Виноградский называет такие потери нижних чинов Гвардейского экипажа у моста: "При этом деле четыре человека матросов было убито и семь сильно изранены, из коих двое через несколько дней умерли" [1].

5. На тему боя у Бородинского моста 26 августа 1812 года два художника писали картины. Так к 200-летию Юбилею Гвардейского экипажа сын Ильи Репина – Юрий подготовил в 1910 году картину «Бой на мосту», а в 1955 году художник В. Келлерман изобразил «Атаку гвардейских егерей и матросов». Однако обе картины имеют множество неточностей и вымыслов, лишенных исторических реалий, что, видимо, не позволило признать их ценителями живописи.

6. Спустя 100 лет на месте этого сражения у моста через реку Колоча был установлен памятник по проекту архитектора С. Прохорова «Лейб-гвардии Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа». На западной стороне памятника табличка с надписью: «Лейб-егеря достойным предкам и их боевым товарищам чинам Гвардейского экипажа. 1912 г.». Лицевая сторона памятника (север): Кульмский крест с вензелями Александра I и Николая II.

*Памятник лейб-егерям и чинам Гвардейского экипажа у реки Колочи.
Установлен в 1910 г. Бородинское поле. Сентябрь 2006 г. Архив автора.*

Артиллерийская команда Гвардейского экипажа с 2-мя орудиями в составе 1-й артиллерийской легкой пешей роты была под командой капитана Вильяминова. Но после его гибели от ядра, роту повел в бой штабс-капитан Лодыгин. Действия этой роты И.А.Виноградский в [1] описывает так: «Дойдя под жесточайшим неприятельским огнем до с. Семеновское, рота расположилась на небольшой возвышенности... Левым флангом рота примкнула к каре измайловцев и начала своим картечным огнем отбивать то лихие атаки французских кирасир, то ядрами и гранатами действовать по французским батареям, наносившим нашим нам сильный вред. Как дождем роту засыпало картечью и гранатами; у орудий Гвардейского экипажа замертво пал контуженный в грудь унтер-лейтенант Киселев, а вскоре за ним получил контузию и лейтенант Лист; нижних чинов было убито четверо и семеро изранено... Рота пробыла четыре с лишком часа под губительным огнем 30-орудийной французской батареи и снялась с позиции только лишь тогда, когда заметила, что атаки кирасир на измайловцев прекратились. В 9 часов вечера штабс-капитан Лодыгин, приведя из 14 орудий роты 6 орудий в порядок (в том числе одно орудие Гвардейского экипажа, лейтенанта Листа), опять явился к с. Семеновскому и в момент, когда финлядцы отбивали атаку французской пехоты, сделал по ней, впотьмах уже, несколько выстрелов. Это были последние артиллерийские выстрелы Бородинского боя. И так, Гвардейскому экипажу выпала доля, не принимая всем экипажем участия в бою, иметь своих представителей в числе первых войск, начавших славный Бородинский бой, и в числе последних, закончивших его».

В своём первом сражении экипаж потерял убитыми и ранеными 24 матроса и одного офицера. В начале октября, во время стоянки в с. Овчинникове, за боевые подвиги при Бородино и другие заслуги 12 моряков-гвардейцев были награждены «Знаками отличия Военного Ордена», а 17 офицеров экипажа – орденами.

В очерке [5] М.Н. Лермонтов продолжает писать о дальнейшем участии экипажа в Отечественной войне 1812 года следующее: «27 августа при общем отступлении от Бородинских полей к Москве Морская Гвардия была неразлучно с Гвардейским корпусом, скорбя о том, что стоя на поле битвы не пришлось ей слить кровь свою с кровью сражавшихся. Исполняя должность пионеров и понтонеров, эта горсть воинов имела случай сильнее чувствовать отечественную скорбь и горечь потому, что Гвардейскому экипажу от самого Смоленска до Москвы и, наконец, до реки Протвы часто приходилось быть в командировках для исправления дорог и мостов, приходилось часто видеть горечь сельских жителей, покидавших деревни и села, спасаясь от приближающегося неприятеля. Но не панический страх действовал на русских, достойную кару заносчивой дерзости врага готовило самоотречение сынов России, и, перенося лишения всех родов, Гвардейский экипаж сохранил дух и бодрость, достойные русских воинов, даже при проходе сквозь оставленную во власть неприятелю нашу древнюю столицу с её святынею и пробираясь между обозами жителей, покидавших мирные сёлы, и покидавших Москву.

Так отступление из Бородино, оставление Москвы, фланговое движение армии за Москвою на Калужскую дорогу совершено Гвардейским экипажем в составе Гвардейского корпуса. После Тарутинского дела экипаж немедленно послан в село Спас Лыковщина на реку Протву, дабы там через эту реку сколь возможно поспешнее сделать переправы через эту реку. В Гвардейском экипаже знали о движении неприятеля на Малый Ярославец, понимали цель этого движения, и потому понимали важность поручения и необходимость его спешности, и напрасно не теряли время. Прибежав как можно сказать к назначенному месту, экипаж не нашел никаких средств к устройству мостов, а по местности и по обстоятельствам надо было строить мосты на плотках, раскопать спуски и уравнивать их. Тогда пришлось по необходимости раскатывать крестьянские дворы и избы, и экипаж в короткое время успел построить два моста: один для пехоты из мелких бревен, а другой для кавалерии и артиллерии из толстых бревен, и оба с настилкою досок. Но едва начали строить третий мост, как подошла к переправе армия, и приехал Главнокомандующий». <...>

«Из Спаса Лыковщины экипаж пошел на Медынь, оставив сделанные им мосты не разрушенными, вскоре после того соединился с двумя понтонными ротами и в продолжение всего преследования неприятеля до самой Вильны составлял этот понтонный отряд, который впрочем ни разу не был употреблен в действие. Под Вильно экипаж соединился с Гвардейским корпусом и вместе с ним вступил в Вильно. Переход от Медыни до Вильно с понтонами при всех тягостях и многих лишениях способствовали экипажу к сохранению здоровья нижних чинов. Экипаж не оставил ни одного больного офицера и весьма мало и только трудных заболевших нижних чинов, а перевозил их с собой и часто с помощью понтонов, а потому в Вильно ввезено было много больных. Здесь офицеры получили в оставленных жителями пустых домах просторные квартиры. Соединившись вместе на двух или трех квартирах, офицеры предоставили все остальные свои помещения для устройства временных лазаретов поротно».

Действительно, 2 сентября Гвардейский экипаж вступил в Москву и обеспечивал переправу армии, направляющейся на Рязанскую дорогу, через реку Москву и Язу, а затем 4 сентября после прохода войск уничтожил переправы (в этом деле у Боровской переправы были смертельно ранены три матроса). Через месяц сидения врага в Москве началось его отступление. 11-12 октября экипажем были срочно построены три моста на реке Протва, по которым переправился весь корпус генерала Дохтурова и проследовал спешно к Малоярославцу, помешав французам укрепиться и устроить там переправу. После кровопролитного сражения под Малоярославцем отступление французов было направлено по Смоленской дороге. В сражении при Красном участвовала только артиллерийская команда экипажа.

11 ноября в местечке Копысе на Днепре и 14 ноября в городе Борисове на Березине матросы экипажа наводили переправы в морозную погоду, стоя по пояс в ледяной воде и при ледоходе.

Бывали также случаи, когда ледяные массы под действием течения ломали почти законченную переправу, и матросам приходилось делать всё заново. Многие из них заболели после этого тифом и умерли по пути следования в г. Вильно.

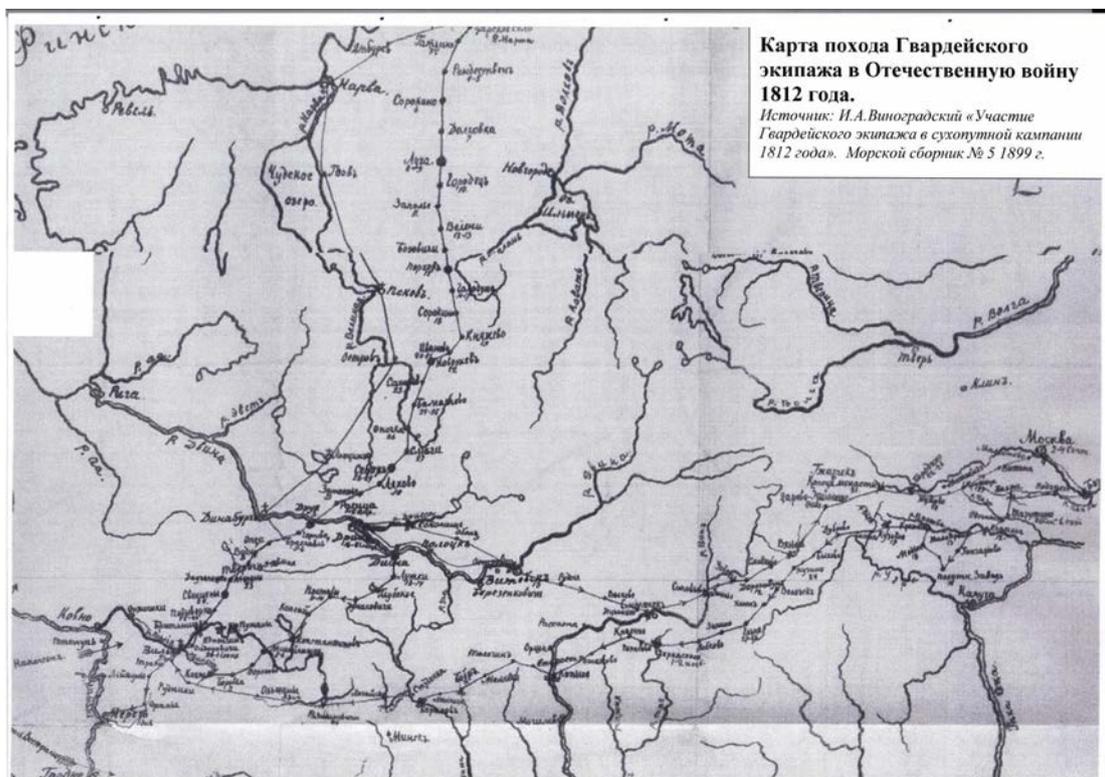
«После прибытия в Вильно 5 декабря в строю экипажа находилось: 12 офицеров и 355 нижних чинов. Потери гвардейцев-моряков за истекший период составили: убитыми – 16, умершими от ран и болезней – 26, без вести пропавшими – 8. Артиллерийская команда тоже понесла потери: убитыми – 6 и умершими от ран и болезней – 5 человек. Всего, после выхода из Петербурга, потери экипажа составили 53 человека. 96 нижних чинов были награждены «Знаками отличия Военного Ордена», - отмечает автор [1].

Из Вильно Гвардейский экипаж выступил в составе Гвардейского корпуса и, отслужив молебен, 1 января 1813 года вместе с Гвардией перешел Неман в местечке Меречь по льду.

В кампанию 1812 года все офицеры Гвардейского экипажа имели счастье получить награды орденами в порядке старшинства. Адьютант же его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича Гвардейского экипажа капитан-лейтенант Колзаков 1-й, за отличие в сражении 24 и 26 августа произведен в капитаны 2 ранга, а унтер-офицер артиллерийской команды Экипажа Никитин за отличие в сражениях произведен в подпоручики в 1-ю Артиллерийскую бригаду.

«Так закончился для Морской Гвардии этот знаменитый 1812 год. В истории он оставил память о Гвардейских матросах переправами и проложением новых дорог при соединении 1-й Действующей армии, в особенности переправу 4-го Корпуса, который считали на короткое время отрезанным и для которого переправа устроена была уже не в назначенном прежде месте, и сверх того проложены новые для Корпуса дороги. Переправа армии через реку Протву у села Спаса в Лыковщине в самые решительные минуты битвы перед Малым Ярославцем дает право Гвардейскому экипажу считать и себя в числе деятельно способствовавших к исполнению предназначений Главнокомандующего», - заключает автор [5].

Примечание: Здесь уместно привести карту боевого похода Гвардейского экипажа со всеми населенными пунктами и водными преградами, где храбро сражалась с неприятелем в стычках и особенно отличилась при строительстве мостов морская лейб-гвардия во время Отечественной войны 1812 года. Карта была составлена лейтенантом Гвардейского экипажа И.А.Виноградским позже, по совокупности архивных документов [1].

Карта похода Гвардейского Экипажа в 1812 году [1].

Карта

25 декабря 1812 г. в России был опубликован Манифест об окончании Отечественной войны. 1 января 1813 г. русская армия во главе с Императором Александром I, преследуя отступающих французов, перешла по льду реку Неман. Начался заграничный поход русской армии. Теперь европейские вассалы Наполеона по мере продвижения русской армии становились союзниками России. Гвардейский экипаж переправился через Неман 3 января в составе 1-й гвардейской дивизии и вступил на территорию Польши. Но 165 его чинов остались в России для продолжения лечения.

5 февраля 1813 года вышел императорский Указ о пожаловании участникам освобождения русской земли от нашествия Наполеона наградной медали «В память отечественной войны 1812 года». Император Александр I написал в этом Указе:

«Воины! славный и достопамятный год, в который неслыханным и примерным образом поразили и наказали вы дерзнувшего вступить в Отечество ваше лютаго и сильного врага, славный год сей минул, но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкия дела и подвиги ваши: вы кровию своею спасли Отечество от многих совокупившихся против него народов и Царств. Вы трудами, терпением и ранами своими приобрели благодарность от своей и уважение от чуждых Держав. Вы мужеством и храбростью своею показали свету, что где Бог и вера в сердцах народных, там хотя бы вражеския силы подобны были волнам Окияна, но все они, как о твердую непоколебимую гору, разсыплются и сокрушатся. Из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели. Воины! в ознаменование сих незабвенных подвигов ваших повелели Мы выбити и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшаго, столь достопамятного 1812 года, долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый щит Отечества, грудь вашу. Всяк из вас достоин носить на себе сей достопамятный знак, сие свидетельство трудов, храбрости и участия в славе; ибо все вы одинакую несли тяготу и единодушным мужеством дышали. Вы по справедливости можете гордиться сим знаком. Он являет в вас благословляемых Богом истинных сынов Отечества. Враги ваши, видя его на груди вашей, да вострепещут, ведая, что под ним пылает храбрость, не на страхе или корыстолюбии основанная, но на любви к вере и Отечеству и, следовательно, ничем непобедимая» [4].

С 25 января по 16 марта экипаж построил большой и очень важный для движения войск мост через Вислу в городе Плоцке, а затем руководил его охраной до 5 апреля, после чего был направлен на соединение со своей дивизией.

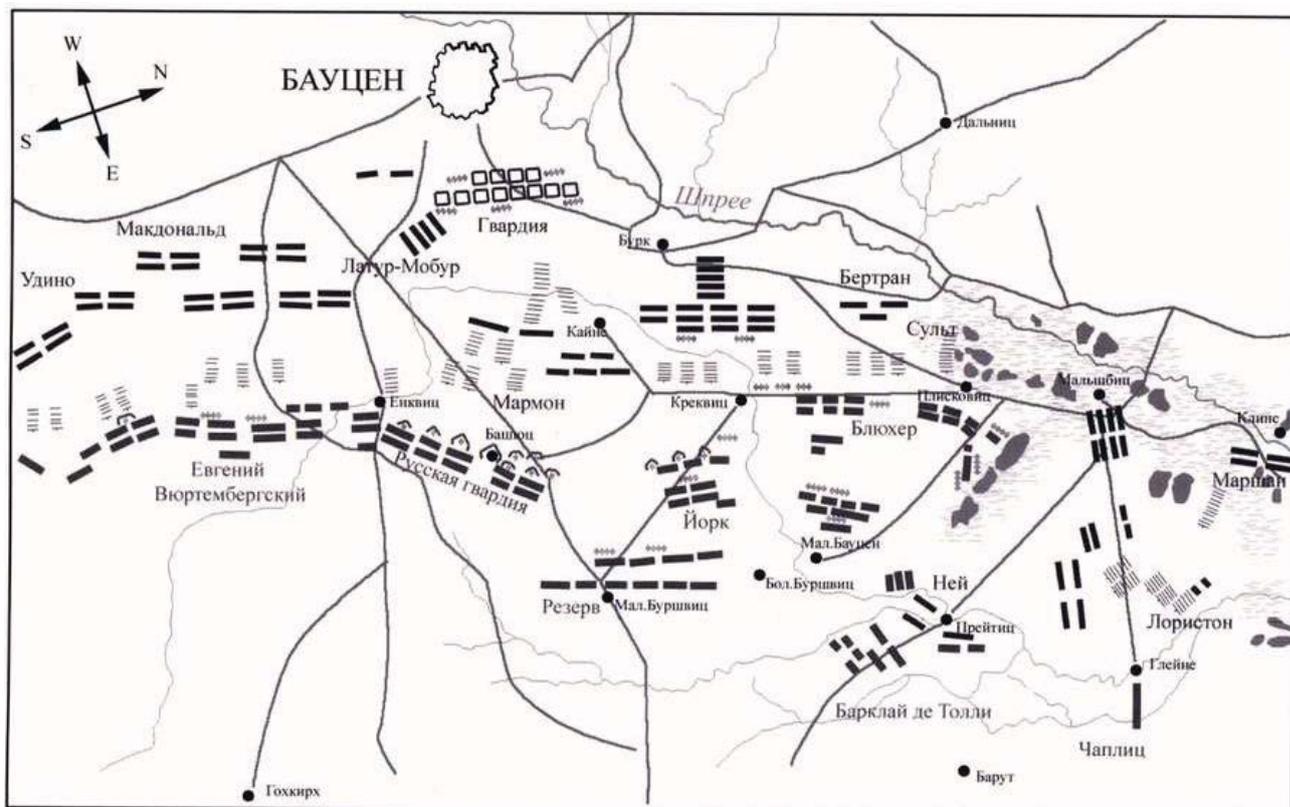
«Но жажда экипажа не была удовлетворена, - отмечает М.Н.Лермонтов в своём очерке [5], - ему не удалось быть в бою в линии с прочими войсками и, хотя свист неприятельских пуль и ядер ему уже был известен, но как говорили матросы: “ещё не нюхали они вблизи неприятельского пороху, ещё не поработали они штыком”. Храбрым и усердным морякам оставалась надежда на наступающую кампанию 1813 года и надежда не обманула их. 1813 год был боевым годом для Гвардейского экипажа и неприятель узнал стойкость моряков 9-го мая в сражении в Саксонии под Бауценом и неустрашимость их 10-го мая на отступлении, узнал и хладнокровную храбрость их 16-го, 17-го и 18-го августа в Богемии под Кульмом».

В конце апреля экипаж присоединился к армии, а 9-10 мая 1813 года морякам-гвардейцам пришлось с оружием в руках участвовать в сражении при Бауцене в Саксонии. Наполеон, оправившись от поражения в России, собрал 100 тысячное войско и решил остановить дальнейшее продвижение объединенных союзных армий на Запад. [33].

О сражении при Бауцене М.Н.Лермонтов пишет в [5] так: «9 мая Гвардейский Экипаж (в день своего праздника - Святого Николая Чудотворца, авт.), назначен в главную квартиру государя императора Александра I. Вступив в караул до рассвета, Экипаж расположился в саду замка, занятого императорскою квартирою, развел часовых и принял все предосторожности. С рассветом подвели к подъезду замка верховых лошадей государя. Экипаж встал в ружьё, его величество сел на лошадь и подъехал к фронту. “Здорово матросы, - сказал государь, - поздравляю вас с праздником, сего дня Ваш праздник и я хочу потешить Вас для праздника,

идите в дело и я буду смотреть на вас”. Единодушное “Ура!”, единодушное “Рады стараться!”,- было ответом на этот желанный привет монарха и вождя.

В шестом часу утра началось сражение, Гвардейский экипаж поставлен в линию между Малым и Большим Бауценом, имея Креквице перед собою». <...>

Ход сражения 09 мая 1813 года под Бауценом. [4].

«Наполеон, показывая намерение прорвать центр, вскоре объяснил план свой. Войска его потянулись на наши фланги и, в особенности на левый, надо было подкрепить их, и Гвардейский экипаж с двумя батальонами гренадер под командою генерал-лейтенанта Чоглокова перевели на наш правый фланг. Здесь эти три батальона выдвинуты в переднюю линию. Прусская артиллерия, защищавшая оконечность этого фланга, должна была уступить превосходству позиции неприятельской артиллерии, стоявшей на высоте, командовавшей нашею позициею, и отъехать, а этот трехбатальонный отряд, беспрепятственно поражаемый французскою артиллериею, не мог ничего предпринять против неприятеля. Ему приказано не терять места до повеления, и Гвардейский экипаж, стоя на правом фланге этого отряда, стоя в колонне к атаке, был поражаем ядрами и гранатами с фронта и фланга. Государь император, стоя на возвышении, смотрел на эти три батальона и присылал несколько раз к отряду похвалу его стойкости и, наконец, генерал-адъютант Ожаровский приехал собственно к Гвардейскому экипажу и от имени его величества благодарил экипаж, объявив при том, что Государь оценивает хладнокровную храбрость матросов. Все в батальонах и в экипаже просились вперед в глазах генерал-адъютанта Ожаровского. Музыканты Гвардейского экипажа снимали с убитых патронные суммы, брали их ружья и занимали места убитых в колонне. Неприятель тщетно употреблял все усилия, чтобы артиллерией своей сбить эти три батальона с позиции. Пехота его не посмела спуститься с возвышения и приблизиться к отряду, а местность не позволяла действовать кавалерии. Около пятого часу пополудни убит капитан-лейтенант Горемыкин, за ним скоро смертельно ранен лейтенант Колзаков 2^й и тяжело ранен мичман Хмелев. Экипаж видел отступление наших войск, вышедших на большую дорогу, выдел отступление центра, и не прежде сошел с места как получил на то приказание. Это приказание достигло до отряда вечером часу в восьмом, когда весеннее солнце склонилось уже к вершинам возвышенностей занятых неприятелем. Гренадеры двинулись с места, начиная с батальона, стоявшего на левом фланге отряда, Морская Гвардия

прикрывала их отступление. Неприятель не переставал поражать колонны и при отступлении, и ядра, и гранаты следили за отступавшими», - пишет автор [5].

«Генерал-лейтенант Чоглоков, ехавший подле Морской Гвардии в самом начале отступления, получил контузию, лошадь взвилась под ним и он упал. “Стой!”,- раздалось в колонне Гвардейского экипажа, и несколько офицеров и нижних чинов бросились к лежащему генералу, а колонна повернулась лицом к неприятелю. Генерала подняли, посадили на лошадь и повели в голове колонны, знаменитый Ермолов заменил храброго Чоглокова, густая пыль, поднявшаяся на пахотном поле, по которому отступали колонны, закрыла неприятеля, она закрыла и свет солнца, являвшегося сквозь эту пыль в кровавом виде». <...>

«Пыль эта ясно означала путь отступления колонн. Вышедши на большую дорогу около деревни Глейне и построив отделения, отряд, проведя весь день в огне, надеялся освежиться колодезною водою и потому, останавливаясь у колодцев внутри деревни, стал наполнять свои манерки водой, несмотря на свист ядер и шипение гранат. Но когда очередь дошла до Гвардейского экипажа, то гранаты уже успели зажечь деревню, и матросы должны были оставить деревню, не запасаясь водой. Поздно уже затихла пальба, и отряд, пройдя деревню к ручью, получил приказание остановиться тут на всю ночь, соблюсти всю военную осторожность, не разводить огня и не оставлять своих мест.

Так кончилось для Гвардейского экипажа Бауценское сражение, первый опыт его стойкости. Таков был пир Гвардейским матросам в день их праздника 9 мая, тот славный день присоединил новый и свежий лавр к лаврам, кровью добытым моряками, и доказал, что моряк по образу службы своей способен к самоотвержению, а высочайшие похвалы, приобретенные Морскою Гвардиею, доказывают, что экипаж достойно носит это почетное звание», - заключает описание этого сражения М.Н. Лермонтов в [5].

10 мая с утра снова разгорелся бой с превосходящими силами противника, экипаж с честью сражался и в этот день. Участник сражения М.Н.Лермонтов вспоминает: «Последовавшие действия нашего знаменитого генерала А.П.Ермолова, принявшего после получившего контузию генерала Чоглокова начальство над отрядом гренадер и Гвардейским экипажем, ведут к заключению, что наш левый фланг под командою генерала графа Милорадовича в день сражения 9-го мая при отступлении не мог выйти в тот день на дорогу к Рейханбаху, и что до того времени надобно было удерживать неприятеля». <...>

«10 мая перед восходом солнца отряд начал в порядке отступать. Неприятель, казалось, не замечал этого движения, и отряд спокойно перешел на избранную генералом Ермоловым позицию. Генерал объехал ряды отряда и, выхваляя стойкость русских, коротко объяснил необходимость удержать за собой место до соединения графа Милорадовича, долженствовавшего выйти с левой стороны сзади отряда на большую дорогу. “Вот там влево от нас, где вы видите на лугу дерево, тут убит шведский король Густав Адольф, славно шведы дрались тогда, постоим и мы не хуже их!” - говорил генерал, и отряд, одушевленный присутствием, словами, доходившими до сердца солдат, и славным именем генерала, готов был лечь костями на месте, но не уступить его неприятелю, начинавшего уже показываться в отдалении. Передовые посты его легкой кавалерии медленно приближались, за легкой его кавалерией двигалась пехота. Весеннее утреннее солнце осветило позицию под гребнем возвышенности, скат который перед отрядом оканчивался зеленою ложиною, за нею поднималась другая несколько меньшая возвышенность, предоставленная неприятелю. Перед полуднем колонны неприятельские стали сгущаться, кавалерия усиливалась, и генерал Ермолов привел к отряду русских гусар. С позиции занятой русскими можно было сосчитать неприятеля, выславшего часть своей кавалерии на наш левый фланг, занятый одним гренадерским батальоном. Наши гусары спустились в ложбину, встретили неприятеля и прогнали его, в ложбине остались одни удалые фланкёры. Они разогнали французских наездников, гарцевали по ложбине около нашего левого фланга и левее его, как бы вызывая на бой неприятеля. Противу русского отряда появилась французская артиллерия и засвистали по отряду ядра, но с отрядом был любимый русскими солдатами и Гвардейскими матросами бесстрашный генерал Ермолов, и отряд стоял как вкопанный, но вот и за отрядом взвилась густая пыль на дороге и быстро приближалась к позиции русской, стоя ниже гребня возвышенности, матросы не прежде могли

разгадать причину густой пыли, как услышав наверху русскую команду: “Стой! С передков долой!”, - не прежде как увидели орудий наших и около их нашего генерала. В это время густые французские колонны начали спускаться на наш правый фланг, кавалерия французская поддержанная своею пехотою, выезжала на наш левый фланг, а артиллерия сыпала в отряд картечь и ядра. Отряд изготовился принять неприятеля, а артиллерия наша, направляемая отрядным генералом, остановила движение колонн. Французская кавалерия не смогла идти далее и, наконец, наши пушки усмирили на время и неприятельскую артиллерию. Между тем приметно увеличилось войско на позиции, занятой неприятелем, и новые атаки поведены им на отряд, но отряд бодро отстаивал занятое им место. Отстаивал, пока не показались в левой от отряда стороне, извивавшаяся длинной изогнутой линией, блестящей стальными штыками, часть армии, сражавшаяся под Бауценом на левом фланге. Эта линия штыков одним видом усмирила французов, а отряд выждал вступления её на Большую дорогу, дал ей время встать в боевой порядок и, прикрываемый артиллериею и кавалериею, начал отступление левым своим флангом. Гвардейские же матросы не покидали своих орудий, пока не прошли линии графа Милорадовича, и пока не приказано было экипажу идти к городу Гёрлицу. Отступление от Бауцена произведено в таком порядке, что не оставлено неприятелю никаких трофеев, и Наполеон, не приобретя в этом сражении никаких выгод, с неудовольствием сказал: “Как после такой резни нет последствий! Нет пленных! Эти люди не оставят мне и гвоздя!”, - пишет М.Н. Лермонтов в [5].

За два дня сражения при Бауцене экипаж понёс значительные потери. Погиб исполняющий обязанности командира Гвардейского экипажа капитан-лейтенант Г. К. Горемыкин, смертельно ранен лейтенант П.А. Колзаков 2-й. Погибли также 17 матросов и были ранены 2 офицера и 44 матроса. Четыре матроса экипажа были награждены «знаками отличия Военного Ордена».

После сражения при Бауцене обе стороны хотели сделать передышку, поэтому было заключено перемирие и на короткое время боевые действия прекратились. Экипаж был размещен в городе Бриге на Одере для пополнения запасов и отдыха, а раненые отправлены на лечение в Прагу. В этот период было получено предписание великого князя Константина Павловича о сформировании в Петербурге резервного Гвардейского экипажа под общим началом капитана 1 ранга И. П. Карцова.

По окончании перемирия союзные войска 14-15 августа атаковали французов у Дрездена, но эти атаки были отбиты и союзники были вынуждены отступить в Богемию к городу Теплице. Союзные войска, опасаясь быть окруженными, в ночь с 15 на 16 августа начали отходить от Дрездена в Богемию. Наполеон направил 1-й армейский корпус маршала Вандама, находившийся в Чехии, на путь отхода союзников. Против 35-ти тысячного корпуса маршала Вандама был направлен 10-ти тысячный сводный отряд русской армии под общим командованием генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого. Отряд состоял: из 1-й Гвардейской Дивизии генерал-лейтенанта Ермолова, в которую входили лейб-гвардии Преображенский, Семёновский, Измайловский, Егерский полки, Морской Гвардейский экипаж, и 2-го армейского корпуса, изрядно поредевшего в недавних боях с Вандамом, под командованием генерал-лейтенанта принца Вюртембергского [33].

Русское командование решило остановить корпус Вандама у города Кульм. Гвардейская дивизия закрепились на позиции, имея в центре деревню Пристен, правый фланг – у селения Карвица, левый- у селения Страдень. 2-й армейский корпус занял Кульм. Этим самым позиция русских войск закрывала дорогу корпусу Вандама на спуске с гор и на выходе из ущелья. Это была очень удачная позиция, поскольку корпус Вандама из-за тесноты ущелья не мог воспользоваться своим численным перевесом.

М.Н.Лермонтов вспоминает об этом бое так [5]: «Генерал Ермолов, объезжая полки своей гвардии и, указывая на важность позиции, призвал: “Честь и слава гвардии Императора Русского обязывает каждого из нас лечь костью на этом месте, не уступая ни шагу”. В ответ было восторженное “Ура!”».

С 10-ти часов 17 августа 1813 г. французы начали спускаться в долину, а около полудня стали многократно и ожесточённо штурмовать позиции русских, обстреливая их с господствующих над долиной высот своей артиллерией. Деревни Пристен и Страден были атакованы корпусом

Вандама одновременно, но измайловцы и егеря отбросили французов от Страдена, а в центре позиции у Пристени, их отбили преображенцы, семеновцы и моряки.

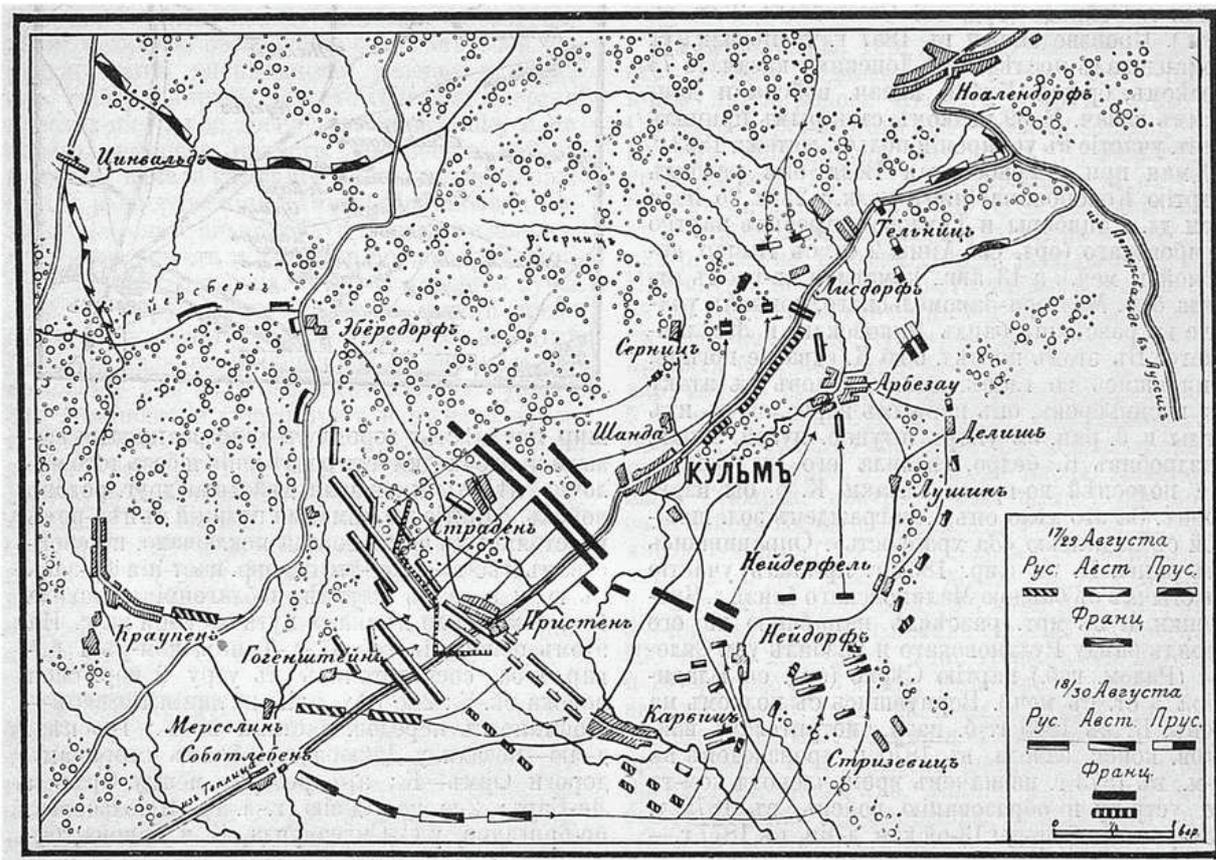
Два часа русская гвардия стойко отражала последующие, казалось бесконечные, атаки французов. Жаркий, кровопролитный бой разгорелся по всей линии фронта. Французы и русские перемешались, часто бой велся в штыки». <...>

«Растерялся в соображениях Вандам, атакованный на двух пунктах – принцем Вюртембергским и Ермоловым, но добиваясь жезла фельдмаршала, обещанного ему Наполеоном, когда пробьется с корпусом в Теплиц, и, выставя противу 2-го корпуса достаточные силы, устремился сам к Кольберг.

Генерал Ермолов потребовал к себе л.-гв. Измайловский полк, а полки л.гв. Преображенский, Семеновский и Гвардейский экипаж отступили к Гигегюбелю правым флангом. Подойдя к этой деревне, л.гв. Преображенский, шедший в голове отступающей колонны, нашел путь к Гигегюбелю занятым французами при нескольких орудиях, и штыки преображенцев очистили дорогу. Гренадеры этого полка бросились на высоты влево от дороги, они казались гигантами, готовившимися погребсти под обломками скал мелких французов, и только поспешное удаление и спасло их от смерти. Спокойно пошли преображенцы к Гишюбелю, а за ними и семеновцы, а Гвардейский экипаж весь совершенно рассыпался в стрелки влево от дороги, и параллельно ей к экипажу примкнул батальон ея высочества великой княгини Екатерины Павловны. Дождь и сырость в воздухе препятствовали успехам перестрелки, зато работали штыки, и шедшие в цепи стрелки не раз сбились в кучи и штыками отгоняли французов. Здесь сильно надоедали матросам и стрелкам великой княгини Екатерины Павловны французские вольтижеры, отличавшиеся желтыми выпушками, и были славно наказываемы. Влево от дороги к Гишюбелю, по направлению дороги и невдалеке от нее протекал ручей, он пересекал дорогу в этом селении, и высокой деревянный мост был перекинут через этот ручей; переправа по этому мосту должна была приостановить движение колонны, но подошли полки Л.Гв.Измайловский и Егерский. Первый прошел за цепью Гвардейского экипажа, а гвардейские егеря помогли совершенно сбить французских вольтижеров. Голова колонны пробилась на штыках, а егери и моряки, взбегая на высоты, доканчивали поражение вольтижеров. Нравственная и физическая сила первой Гвардейской пехотной дивизии разрушила первую попытку французов перерезать ей путь отступления и Гвардейская дивизия, а за нею и сильно пострадавшие войска принца Вюртембергского, пошли к Гелендорфу, преследуемые неприятелем не только в тылу, но и с обеих сторон дороги, проложенной между гор, и каждому из батальонов первой Гвардейской пехотной дивизии, и не один раз, а часто, приходилось выбивать заходивших по сторонам неприятелей. Французы между тем по ближайшей дороге от Кенигштейна успели предупредить дивизию в Гелендорфе. Раздался голос Ермолова, и по слову его штыки русские очистили путь отступления. Здесь штыки семеновцев работали славно, и семеновцы явились во всей своей славе, и 1-я Гвардейская дивизия, уничтожив второе сильное покушения неприятеля стать на операционной её линии, спокойно дошла к вечеру 16 августа до Петерсвальде. Прошла это селение и остановилась на ночь на открытом месте около опушки леса, а сильно пострадавший 2-й Корпус остановился около Петерсвальде. Гвардейский экипаж, следуя примеру Л.Г. Егерского полка, не отставал от него и, смешавшись с ним, удерживал на отступлении натиск неприятеля». <...>

«Ночь с 16 на 17 августа проведена под ружьем, и только пламенное усердие согревало воинов в сырую и холодную весеннюю ночь в горах, даже генералы наши не разводили для себя огня, и далеко еще до рассвета, без малейшего шума первая Гвардейская дивизия двинулась через Геллендорф к Кульму на избранную генералом Ермоловым позицию. Перед рассветом в горах плавал туман, а небо начинало понемногу очищаться от туч, и восходящее солнце многие дни скрытое облаками, проникая сквозь туман, предвещало ясный день. 17-го августа прояснились и мысли Вандама, узнавшего как малочисленно войско русское, упорно удерживающее его, и вырывающее у него из рук обещанный Наполеоном маршальский жезл. Наши немногочисленные войска отступали от Петерсвальде к Геллендорфу и первая Гвардейская дивизия без тревоги миновала это селение; озлобленный Вандам стянув к оставленному нами Геллендорфу все свои войска, воспользовавшись опадавшим густым туманом, со всеми силами напал неожиданно на

слабый арьергард 2-го Корпуса обхватив его с флангов и фронта, на груди его дошел до Ноллендорфа и употребил все усилия и способы и, заняв две дороги, расходящиеся от этого селения, пробиться на Теплиц. Но принц Виртембергский потребовал от Гвардии помощь и полки Л.Гв. Измайловский и Егерский укротили запальчивость французов. И Гвардия, не тревожимая более, прошла Кульм, заняла избранную генералом Ермоловым позицию, расположив центр за Кульмом у деревни Пристень, правый фланг к селению Карвиц, а левый к селению Страденъ. Эта позиция сближала левый фланг с нашею армиею, шедшею в горах, а правый фланг мог и во время действий наблюдать, чтобы неприятель, принявший влево от Ноллендорфа, не обошел наше правое крыло». <...>

Карта сражения при Кульме 17-18 августа 1813 года. [4].

«Первая Гвардейская пехотная дивизия построилась в две линии в колоннах к атаке, пересекая большую Теплицкую дорогу и упираясь левым флангом в горы, покрытые редким лесом. Дивизионы кавалерии поставлены на правом фланге к селению Карвицу. Часть войск 2-го корпуса оставлена для обороны Кульма, остальные же войска этого корпуса заняли Пристень, Гвардейский экипаж поставлен в резерв левее дороги, а Л.Гв. Егерский полк и несколько армейских егерей, пройдя перед нашим левым флангом, заняли Гейерсберг, через который отходившая от Дрездена армия, и император Александр должны были выходить, чтобы выйти на Теплицкую дорогу.

Путь армии от Дрездена на Дипподисвальде и Альтенберг, испорченный продолжительными дождями, был загроможден артиллериею и тяжестями. Пехота и кавалерия пробирались по тропинкам, наши генералы под Кульмом знали это, и Ермолов объезжая гвардейские батальоны, с достоинством русского вождя объяснил долг каждого не уступать далее ни шагу: “Честь и слава Гвардии императора русского обязывает каждого из нас лечь костями на этом месте”, - сказал генерал и громкое: “Ура!”, - было ответом». <...>

«Уверенность императора в стойкости и храбрости Гвардии Его была так основательно велика, что его величество располагал уже 18 августа дать решительное сражение, когда первая Гвардейская пехотная дивизия удержит Вандама под Кульмом, и Александр не ошибся, с его

Гвардией был генерал Ермолов. Прусский король Фридрих Вильгельм прислал своего флигель-адъютанта к графу Остерману, просить его держаться сколько можно долее.

Гвардейский экипаж недолго стоял в резерве. Командир экипажа и офицеры, устраивая ряды, просчитывая стрелков, с трудом сдерживали храбрость и рвение матросов, все без исключения рвались вперед, музыканты просили ружей и патронов, между тем всякий был уверен в том, что экипажу придется быть впереди. Для этого сочли нужным для сохранения своего места на позиции назначить своим сборным пунктом стоявшее на лугу фруктовое дерево с тем, чтобы далее этого дерева морякам не отступать, но сформировавшись под деревом, идти снова вперед. И вот в 10 часу утра при солнечном сиянии заблестали штыки и оружие французов, раздался гром орудий в ущельях гор. Цепь французских стрелков начала спускаться с гор, колонны неприятеля шли за цепью, Пристенъ и Страденъ атакованы в одно время. Гвардейские егеря притянуты к Страдену, французы сгущались, сильно атаковали наш центр и левый фланг, и загорелось сражение, и всё пришло в движение. Измайловцы подкрепили Страденъ, Гвардейский экипаж занял их место в линии левее семеновских.

Измайловцы и егеря прогнали французов от Страдена. В центре французы прогнаны преображенцами, семеновцами и Гвардейским экипажем. При этом случае команда гвардейских моряков попала в столь сильной перекрестный огонь французских вольтижеров, что ей надобно было дойти до них и штыками выкалывать их. Тут капитан-лейтенант Титов ранен в левый пах и вынесен из дела». <...>

«Стихли на минуту французы и батальоны наши отошли на позицию, и морская Гвардия рассыпалась в стрелки. Но ненадолго смолкли французы, войска их выстроились на возвышениях в лесу и уже колоннами начли спускаться с гор. Сомкнулись и моряки, и на левом фланге семеновских встретили неприятеля, преображенцы приняли вправо, обхватили неприятеля слева и вся линия ударила в штыки. Непродолжителен был рукопашный бой - прорвавшихся французов встретили гвардейские кавалерийские дивизионы и французы прогнаны снова, моряки рассыпались опять. В этой схватке тяжело ранен лейтенант Константинов и лейтенант Римский-Корсаков - в левое бедро. Не один ещё раз пытались французы пробиться сквозь полки первой Гвардейской дивизии, пытались сбить их с места, но попытки их не удавались, батальоны этой дивизии по слову генерала Ермолова собирались, строились, ходили в штыки и рассыпались, предупреждая везде неприятеля. Схватки эти походили на сильный прибой, прибой волн на утес. Быстро взбежит волна на утес, омоет его и быстро сбежит вновь на минутный покой. В этих схватках в цепи нашей ранен лейтенант Дубровин, а в преследовании неприятеля ранены лейтенанты Лермонтов 2-й и Ушаков. При экипаже кроме командира оставались только два старших лейтенанта Чихачев и Валувев не задетыми. А потому легко раненые, два последние офицера, перевязав наскоро раны свои, остались в цепи стрелков. Лейтенант Дубровин, раненый в плечо, после перевязки также явился опять во фронт». <...>

«Нельзя выставить каждые из движений и атак морскою гвардиею и другими полками первой пехотной Гвардейской дивизии во весь день 17 августа. В экипаже расстреляны были все патроны, и матросы сами по собственному увлечению вынимали патроны из сумм убитых и раненых сослуживцев своих и делили между собою.

Генералы наши в донесениях своих, описывая бой под Кульмом и объясняя один из моментов отражения неприятеля доносили: «Одна из неприятельских колонн скрылась в лесу, другая огонь дерзости угасила в крови своей: охваченная со всех сторон, она легла мертвыми рядами на равнине. Все войска сражались с невероятным мужеством; лейб-гвардии полки покрыли себя славою. Неприятель возобновил атаки, употребляя все усилия, и всё разрушилось о твердую грудь неустрашимых, нет ужасов, могущих поколебать неустрашимых». Ермолов, имя которого неразрывно связано с Кульмом, заменив лишившегося руки в этот день 17 августа графа Остермана, доносил: «Не скрыл я, что армия находится в горах и скоро выйти не может, что Государь при ней и ещё не возвратился. Не был я в положении поощрять солдата: сколько неустрашимы служащие, им примером. Начальники их, сколько каждый горел усердием, что я находился в необходимости укрощать тех и других пылкость. Каждый превосходил себя»», - пишется в [5].

«Проведя весь день 17 августа в бою, Гвардейский экипаж вечером в девятом часу начал сменяться Перновским гренадерским полком. Звук орудий умолкал, и только редкая перестрелка в цепи продолжалась до темноты, с этою темнотою начали собираться и все чины Гвардейского экипажа, по смене их на местах битвы, на условленное место под фруктовое дерево. Совершенная темнота кончила действие 17 августа, а военная история свято сохранит на веки память о Кульмском бое». <...>

«Рассвет 18-го августа открыл неприятелю, расположившемуся по склонам гор, наши боевые линии. Часу в седьмом утра французы открыли слабый огонь из орудий, русские не завязывали дела, давая время пруссакам Клейста исполнить повеление нашего государя и сверх того прибыть войскам, назначенным обойти левый неприятельский фланг. В девятом часу дело началось кавалерийскою атакою, пехота начала наступательные движения, неприятель не устоял.

В одиннадцатом часу послышались выстрелы орудий Клейста, и вся боевая линия двинулась вперед, и неприятель обращен в бегство. Но, встреченный на пути отступления Клейстом, был обхвачен со всех сторон, и во втором часу уже 35-тысячного корпуса Вандама не существовало, пробилась только часть его кавалерии, а корпусный командир генерал Вандам, четыре генерала, двенадцать тысяч пленных со знаменами, восемьдесят четыре орудия, двести зарядных ящиков и весь неприятельский обоз были трофеями этого дня, подготовленного первою Гвардейскою дивизиюю, к которой принадлежала Морская Гвардия.

Пленные проходили колоннами при своих офицерах. Вандам ехал верхом на казацком седле и на казацкой лошади, которую вел казак и под конвоем казаков. Так кончился этот знаменитый бой Кульмский, спасший Богемию». <...>

«Но гвардия в этот последний день не принимала участия в деле и её отвели к Теплицу. Тут приехал государь и, поздравляя гвардию с победою и объявляя о трофеях, изволил объявить о полученном донесении от Блюхера об одержанной при Кацбахе над неприятелем победою, и громкое восторженное “Ура!” огласило все окрестности, известие это увеличило радость и торжество этого дня. Генералы наши увековечили этот день донесениями своими, ярко очертав в них действия Гвардии. “Мне остается, - доносил граф Остерман,- благодарить провидение, вверившее мне храбрые полки гвардии, которых свет вечно будет чтить Славу, а неприятель чувствовать Поражение”.

“Надобно бы было,- представляет генерал Ермолов, говоря об отличившихся,- представить список всех вообще. Не представляю и о нижних чинах: надобно исчислить все ряды храбрых Полков, имеющих счастье носить звание лейб-гвардии государя, ими боготворимого”.

Выражения этих представлений дают Гвардейскому экипажу, подвизавшемуся наравне с другими полками Гвардии, неотъемлемое право с благородною уверенностью принимать эти похвалы и на свою долю», - заключает автор [5].

Гвардейский экипаж понес в этом бою громадные потери: 75% офицеров и 38% нижних чинов были убиты и ранены в бою.

Союзники взяли в плен около 12 тыс. французов, самого маршала Вандама и двух его генералов, два знамени, три орла, всю артиллерию (84 орудия и 200 зарядных ящиков) и весь обоз. До 10-ти тысяч пало ранеными и убитыми. После этого поражения Наполеон начал отход на Лейпциг. Потери союзников были тоже велики: 3000 убитыми и ранеными потеряла российская гвардия только за один день 17 августа, а 18 августа урон русских был до 1000 человек, 1500 пруссаков и 900 австрийцев [33].

Благодарность своей гвардии за этот бой государь высказал в своем приказе от 26-го августа 1813 г. в городе Теплице. В нем, в заключении, говорится:

«Российской Императорской Гвардии.

В достопамятный день седьмого на десять числа сего месяца, гвардейские воины покрыли вы себя новыми неувядаемыми лаврами, и оказали важную Отечеству услугу...

Воины! – телохранители и защитники Государства! Вы доказали, что достойно и праведно честь имени сего на себе носите. Изъявляю вам всего Отечества и Мою благодарность. Вы вместе с бессмертною славой купили её кровью своей и делами. В знак должной признательности дарю вам: Преображенскому и Семеновскому полкам и Гвардейскому

Морскому экипажу георгиевские знамена; Измайловскому же и Егерскому – георгиевские трубы. Александр».

Ф. Крюгер. Александр I. Военная галерея портретов Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. 1830 годы. Государственный Эрмитаж. [32]

За этот героический бой 111 офицеров и матросов экипажа были награждены русскими орденами и медалями. Австрийский император наградил одного офицера экипажа орденом и 3-х матросов медалями: одного золотой, а двух других – серебряной.

На месте героического боя при Кульме был вначале установлен австрийский памятник с изображением наверху богини победы – Ники, но, позже, был заменен чехами на более простой – стелу с памятной доской. Бывший Кульм, называют сейчас в Чехии как Хлумец.

Победа при Кульме – первая победа над французами, при которой лично присутствовал император Александр I, имевший полное право приписать себе одержанный успех. Поэтому он представлял себе войну только с этого времени, о другом – Бородино – не хотел вспоминать. Он никогда не был на местах побед русского оружия. А при Кульме стойкость гвардии спасла императора Александра I, она вознесла его на небывалую высоту.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III, который наблюдал за ходом сражения под Кульмом, объявил, что награждает всех русских гвардейцев за стойкость в бою. Единственной солдатской наградой в распоряжении прусского короля был учреждённый в том же году «Железный крест»,

однако он давался только прусским подданным за вполне определённые воинские подвиги. Осознав, что не может наградить разом более 10 тысяч человек без принижения статуса ордена Железного креста (Железным крестом за войну 1813-1815 гг. было награждено всего около 11 тысяч пруссаков), прусский король учредил особый наградной знак – «Кульмский крест».

В декабре 1813 года одной из берлинских шёлковых фабрик дают заказ изготовить 12 тысяч Кульмских крестов, так как поначалу решили воспользоваться прежней идеей об изготовлении крестов из чёрной шелковой ленты с белой каймой, а для прочности укрепить ленту бумагой. Однако комиссия по учреждению Кульмского креста, осмотрев ленточные образцы, такой проект отклонила и сделала другой заказ: на солдатские кресты из железа с серебряными и бронзовыми рантами, и из серебра — для офицеров.

Офицерский серебряный Кульмский крест - «Знак отличия Железного креста». [4]

Солдатский железный Кульмский крест - «Знак отличия Железного креста». [4]

Первые кресты изготавливались из металла трофейных кирас французских кирасир самими награждёнными после того, как они узнали о своём награждении.

Изготовленные в Берлине Кульмские кресты были доставлены в Петербург только в мае 1815 г. в количестве 443 офицерских крестов и 11120 солдатских. В апреле 1816 года на параде произошло вручение 7131 креста.

Командующий Гвардейским корпусом генерал Милорадович отдал следующий приказ:

«Государь Император и Союзные монархи вместе с целой Европою отдали полную справедливость непреодолимому мужеству, оказанному войсками российской гвардии в знаменитом бою при Кульме в 17 день августа 1813 года. Но его Величество Король Прусский, желая особенно ознаменовать уважение Свое к отличному подвигу сих войск, соизволил наградить их Знаком Отличия Железного креста...».

Солдатские кресты чеканились из тонкой жести размером 43х43 мм и покрывались черной краской за исключением краёв на лицевой стороне, покрытых серебристой краской. На плече креста было два отверстия для пришивания к мундиру.

Офицерские кресты изготавливались из листового серебра и покрывались на лицевой стороне черным лаком с оставленными выступающими серебряными краями. Стандартный вариант на обороте имеет булавку для крепления к мундиру. Однако, существует много модификаций крестов, изготовленных, видимо, в России по заказу офицеров в мастерских, так как внешний вид креста не регламентировался статутом. Известны экземпляры с шариками на уголках креста для пришивания к мундиру.

На первом Георгиевском Знамени, которым был награжден Морской Гвардейский экипаж за Кульм, надпись гласила: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Теплице». Это знамя было даровано экипажу императором Александром I приказом от 26 августа 1813 г. в Теплице. Но вскоре оно было заменено другим Георгиевским знаменем с надписью «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме». Проект этого знамени разработан генералом Аракчеевым и утвержден императором 22 декабря 1813 года во Фрейбурге. По этому проекту в 1814 г. были изготовлены и вручены, взамен прежних, восемь знамен гвардейским полкам и Морскому Гвардейскому экипажу.

Знаменщик. 1813 г. Акварель. [19]

С.Д. Всеволожский. Георгиевское знамя, пожалованное Императором Александром I Гвардейскому экипажу за участие в сражении под Кульмом. Акварель. [13]

Уместно описать сам факт пленения маршала Вандама. «В конце боя французский маршал с кавалькадой офицеров своего штаба вынужден был спасаться бегством от преследования русскими казаками. Увидев в пылу быстрой скачки русского штаб-офицера и приняв его за генерала, Вандам быстро остановился, слез с коня и протянул свою шпагу капитану 2 ранга Колзакову П.А. – офицеру Гвардейского экипажа, который был адъютантом великого князя Константина Павловича и находился на поле боя с поручением. Но Колзаков отказался принять оружие у Вандама, и пообещал, что тот сам отдаст его императору.

Колзаков передал Ванدامу для конвоирования взводу конногвардейцев, под командованием ротмистра Сталя, а сам вернулся к императору Александру I и громким голосом возвестил о пленении маршала. Великий князь Константин Павлович приказал Колзакову тут же сопроводить его к маршалу Ванدامу, который позже при встрече с его высочеством назвал его «Сир», приняв за императора, и второй раз протянул для сдачи в плен свою шпагу. Затем, когда его уже доставили к Александру I, Вандам в третий раз повторил свою фразу о сдаче и, наконец, отдал шпагу, которую государь велел принять князю Волконскому», - уточняется в [35].

После поражения корпуса Вандама Наполеон стал действовать менее решительно. Только к началу октября его войска стали концентрироваться в районе Лейпцига, где суждено было 5-7 октября разыгаться знаменитой «Битве народов», решившей, по сути, падение Наполеона и участь Европы.

К 4-му октября вокруг Лейпцига собралось более 300 тысяч войск союзных армий с 1500 орудиями против 190 тысяч французов при 700 орудиях. Сражение началось рано утром. Но экипаж со всей гвардией простоял весь этот день в резерве у Магдеборна. Непосредственное участие в «Битве народов» принимала только артиллерийская команда экипажа. Она сражалась в составе гвардейской артиллерии, которая сыграла важную роль в поражении французов. Следующие дни, 5-6 октября, экипаж занимался тяжелой, безостановочной работой по восстановлению мостов и плотин, которые французы разрушили при отступлении к Лейпцигу. Здесь снова русские гвардейские моряки действовали против французских гвардейских моряков, прибывших к Лейпцигу с резервами из Франции. 7-го октября союзными войсками был занят

Лейпциг, началось беспорядочное отступление французов, напоминавшее их отход из России в 1812 году. Войска союзников следовали за ними по пятам.

24 октября был взят Франкфурт-на-Майне, а 29 октября в него вступил экипаж и начал сооружать мост через реку. Позже этот мост моряки-гвардейцы охраняли до 15 ноября, а 22 ноября соорудили еще два моста в Вюрцбурге-на-Майне: один плавучий для артиллерии и кавалерии, и второй – на козлах для инфантерии.

«1 января 1814 года через Базельский мост Гвардейский экипаж вступил на территорию Франции. Через месяц экипаж послали на срочное сооружение во французском городе Ножан переправы через реку Сену для отхода корпуса графа Витгенштейна. 6 февраля плавучий мост был оперативно сделан матросами экипажа из речных судов, 7 февраля корпус был переправлен, а мост уничтожен. Позже экипаж был направлен в Сен Луи, где так же, как и в Ножане, переправил австрийские войска фельдмаршала Вреде.

Соединившись у Тора со своим Гвардейским корпусом, экипаж уже не расставался с ним до конца боевых действий. 31 марта в 2 часа утра капитуляция Парижа была подписана. К 7 часам утра, по условию соглашения, французская регулярная армия должна была покинуть Париж. В полдень 31 марта русская и прусская Гвардия во главе с императором Александром I триумфально вступили в столицу Франции. Гвардейский экипаж по прибытии в Париж был размещён в Вавилонских казармах, в Сен-Жерменском предместье, а офицеры – в частных домах на соседних улицах», - пишется в [35].

И. С. Розен. Гвардейский экипаж в Париже. 1814. 1911. [21]

6 апреля Наполеон написал акт отречения за себя и своих наследников от престола Франции. В тот же день Сенат провозгласил королем Людовика XVIII. По общему решению европейских монархов Наполеон был отправлен в ссылку на остров Эльба в Средиземном море близ острова Корсика.

Закончилась война. 30 мая 1814 года в день подписания мирного договора во дворце французских королей Тюильри в центре Парижа, морская лейб-гвардия стояла у парадного входа в почётном карауле. Этому историческому событию посвящена картина «Гвардейский экипаж в Париже. 1814.», написанная И.С. Розеном в 1905 году. Согласно этому мирному договору Франция возвращалась в границы 1792 года, и в стране была восстановлена монархия.

И. С. Розен. Гвардейский экипаж в Париже. 1814. 1905. [21]

Однако наступило время отправки победоносных российских войск на Родину. Для доставки Гвардейского экипажа в Россию был назначен приписанный к экипажу фрегат «Архипелаг». Остальные части Гвардейского корпуса доставлялись в Россию на кораблях эскадры Балтийского флота из французского порта Шербур.

Пробыв в Париже 2 месяца, Гвардейский экипаж 22 мая 1814 г. выступил маршем в город Гавр, где 3 июня погрузился на ожидавший его там фрегат и 18 июля, успешно завершив морской переход, вернулся в Россию, в Кронштадт.

А.А.Тронь. Отплытие чинов Гвардейского экипажа при возвращении из заграничного похода на Родину.1814 год. 2010. [34]

Далее о событиях с участием Гвардейского экипажа в статье [35] пишется: «С 20 по 30 июля в Ораниенбауме экипаж готовился к вступлению вместе с гвардией в столицу. Наконец, 30 июля 1814 года экипаж в колонне Российской Императорской Гвардии торжественно, через триумфальные ворота у Нарвской заставы, вошел в Санкт-Петербург. На фасаде этих ворот увековечено имя “Морского экипажа” в числе полков русской гвардии, особо отличившихся в войну 1812-1814 годов.

С 4 августа 1814 г. Экипаж опять вступил в заведование гребными судами и яхтами и снова продолжил нести караульную службу в столице и дворцах.

Резервный экипаж был пополнен из флота и присоединился к основному, четыре резервные роты получили номера 5, 6, 7 и 8. Ластовая и артиллерийская команда были тоже увеличены. При таком большом штате часть экипажа была переведена из Литовского замка в морскую казарму у Калинкина моста.

4 февраля 1815 г. при поддержке своих сторонников Наполеон бежал с острова Эльба во Францию. Следуя через Канн, Лион, собирая по пути сторонников и войска, он торжественно вступил в Париж, возглавил Францию, армию и возобновил войну. Россия начала отправку своих войск. 9 июня 1815 года экипаж покинул Санкт-Петербург и 4 августа прибыл в Вильно. Однако, после поражения при Ватерлоо, Наполеон был окончательно разгромлен и отправлен в ссылку на остров Святой Елены в центральной части Атлантического океана южнее экватора. Экипаж 10 августа двинулся в обратный путь и 8 сентября вернулся в столицу».

В октябре 1815 г. матросам экипажа, которые наиболее отличились в боях под Бауценом и Кульмом, были вручены 45 «Знаков отличия Военного ордена» и Кульмские кресты.

К этому времени немного изменилась и форма одежды морской лейб-гвардии.

Обер-офицер и Канонир
Артиллерийской Команды
1817-1823 г.

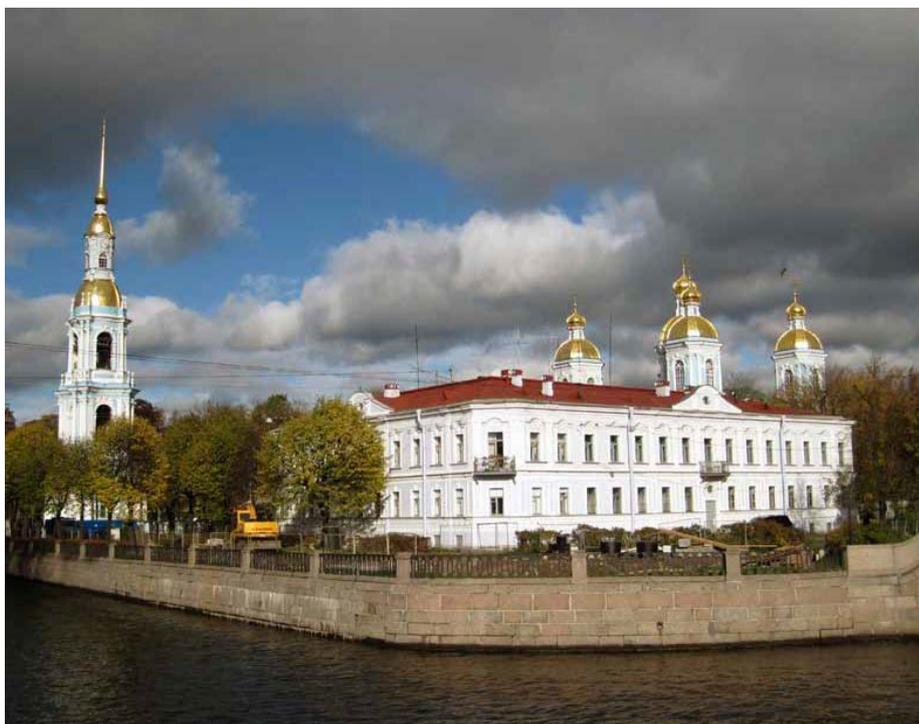
Обер-офицер и канонир артиллерийской команды. 1817-1823 г.г. Акварель. [19]

В 1816 году для экипажа на Екатерингофском проспекте (ныне проспект Римского-Корсакова, 22) было начато строительство казарменного городка, где он осенью 1820 г. и был расквартирован.

Современный вид казарм Гвардейского экипажа, построенных в 1820 году на набережной канала Грибоедова, дом 133. Санкт-Петербург. Октябрь 2010 года. Фото автора.

Рядом с новыми казармами экипажа находится Николо-Богоявленский Морской Собор, построенный ещё при Императрице Елизавете Петровне в 1752–1762 гг. На сооружение собирались пожертвования, в том числе и гребцами «Придворной гребцкой команды». Этот собор и стал основным храмом Морского Гвардейского экипажа.

Николо-Богоявленский Морской собор (общий вид с канала Грибоедова). Санкт-Петербург. Октябрь 2010 года. Фото автора.

Чтобы совершенствовать морские навыки команд судов Морского Гвардейского экипажа, в его состав, кроме придворных яхт, с 1814 г. стали включать и боевые суда: линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги. Они уходили в длительные и дальние плавания, посещали порты других государств, выполняли дипломатические миссии, решали другие задачи, круг которых со временем расширялся. По своему образцовому порядку и виду, морской и боевой выучке суда Гвардейского экипажа всегда и везде являлись гордостью Российского флота.

К сожалению, это не стало постоянно действующей системой. Бывали достаточно длительные периоды, когда в составе Гвардейского экипажа не было ни одного боевого корабля. Гвардейский экипаж по-прежнему оставался придворным, он всегда был необходим в столице, на императорских яхтах для прогулок, праздников, разных церемоний и, конечно, для несения придворной службы. На парусных судах плавания даже на короткие расстояния были зачастую довольно длительными, так как зависели от направления и силы ветра. Царственным особам нежелательно, да и нецелесообразно было на длительное время покидать столицу, связь с Россией. Ситуация изменится, когда в составе Гвардейского экипажа будут паровые суда.

В 1814 г. в состав Морского Гвардейского экипажа были включены 24-пушечный фрегат «Россия», который в течение 20 лет состоял в Гвардейском экипаже, и 44-пушечный фрегат «Архипелаг». Все же экипаж по-настоящему становился морским.

В 1816 г. в состав экипажа включается 44-пушечный фрегат «Меркурий», который получил специальное ответственное задание. Дело в том, что в сентябре этого года 20-летний великий князь Николай Павлович, брат императора, должен будет отправляться в путешествие по странам Европы. Главной целью было посещение Англии для ознакомления с ее промышленностью: судостроением, металлургией, производством вооружения, строительством крепостных, портовых и морских сооружений. Этот технический интерес Николая Павловича, а, кстати сказать, он к техническим наукам в ходе своего образования относился с исключительной прилежностью, вызывался еще и тем, что вскоре ему надлежало занять ответственную должность в вооруженных силах России – генерал-инспектора по инженерной части. Он в Англии уже был вместе с императором Александром I еще в 1814 г., но пребывание там имело другие цели и было кратковременным.

Но предварительно в мае 1816 г. по поручению императора великий князь Николай Павлович отправился на Черноморский флот в Николаев и Севастополь. В столицу доходила информация об упущениях, недостатках в строительстве и содержании кораблей, судостроительных верфей, крепостных сооружений, которые там происходили после убытия в 1802 г. с флота адмирала Ф. Ф. Ушакова и начала правления там адмиралов Траверсе, а после него Языкова. За прошедшее десятилетие состояние флота значительно ухудшилось. Для наведения порядка и восстановления боевой мощи Черноморского флота в 1816 г. главным командиром флота был назначен вице-адмирал А. С. Грейг. Он сразу же принял меры по улучшению техники кораблестроения, повышению организации и качества вооружения кораблей, подготовки личного состава и улучшению его материального и бытового положения. Результаты не замедлили сказаться положительно в кратчайший срок.

16 мая в Николаеве был спущен на воду 74 – пушечный линейный корабль «Красной». Он получил имя в честь побед, одержанных русскими войсками в сражениях под Смоленском у селения Красное при наступлении 2 августа и бегстве французов из России в октябре 1812 г.

В июне Николай Павлович прибыл в Николаев и 16 июня присутствовал на спуске 74-пушечного линейного корабля, названного именем великого князя «Николай». После церемонии спуска и торжеств по этому событию Николай Павлович убыл в Севастополь. Это было его первое посещение главной базы Черноморского флота и крепости Севастополь. Забегая вперед отметим, что Николай Павлович еще четыре раза посещал Севастополь: второй раз в 1828 г., третий раз в 1837 г., четвертый раз в 1845 г. и пятый раз в 1852 г. Первое посещение состоялось через 29 лет после посещения Севастополя императрицей Екатериной II в мае 1787 г.

Николай Павлович тщательно, как будущий генерал-инспектор по инженерной части, тщательно обследовал условия базирования кораблей в Севастопольской бухте, а 27 июня на 74-пушечном линейном корабле «Бриен» в сопровождении линейных кораблей «Кульм» и «Лесное» вышел в плавание по Черному морю. К сожалению, вход в Севастопольскую бухту прикрывали

артиллерийские батареи, сооруженные наскоро из земли еще Суворовым и Ушаковым более 20 лет назад, а с суши никаких оборонительных сооружений, никаких признаков крепости не было.

Забегая вперед отметим, что император Александр I, совершая через два года в 1818 г. путешествие по Крыму, посетил Гурзуф, Ореанду, приобрел там для себя участок земли, где уже обустраивались столичной знатью места отдыха, и 17 мая прибыл в Севастополь. В Севастопольской бухте на катере он обошел и осмотрел корабли, а там стояли на якорях 74-пушечные линейные корабли «Дмитрий Донской», «Максим Исповедник», «Бриен», «Красной», «Николай», после чего поднялся на палубу 110-пушечного линейного корабля «Париж», обошел его и осмотрел, после чего отобедал с офицерами корабля в кают-компани. Конечно, кроме всего этого, император осмотрел и примитивные оборонительные сооружения, и дал соответствующие распоряжения адмиралу А. С. Грейгу.

13 сентября 1816 г. началось путешествие в Европу, Николай Павлович выехал из Павловска. Маршрут проходил через Берлин, французский порт Кале, английский порт Дувр, откуда путь лежал в Лондон. В Берлине, куда он прибыл 21 сентября, главной целью его пребывания было более близкое знакомство с прусской принцессой Шарлоттой – его 18-летней невестой, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, с которой он познакомился еще в 1814 г. по пути в Париж.

Прибыв в Лондон, Николай Павлович нанес визиты английскому королевскому дому, после чего отправился в поездку по маршруту Эдинбург-Ливерпуль-Плимут-Портсмут-Брайтон, откуда через Дувр-Кале-Брюссель-Берлин в конце апреля прибыл в Петербург.

Фрегат «Меркурий» и был назначен обеспечивать в качестве стационара Николая Павловича в Англии на весь период его пребывания. Он вышел из Кронштадта заблаговременно, по пути посетил Голландию, к прибытию Николая Павловича находился в Лондоне и выполнял функции стационара до его убытия. Конечно, это была не простая стоянка. Русский фрегат, безусловно, вызывал интерес не только в английских морских кругах. Он был на виду у всех и англичан, и представителей других государств. Ведь это был не просто фрегат, это по английским понятиям был королевский фрегат. Поэтому и офицеры, и матросы должны были быть на должном уровне, как по внешнему виду, выправке, организации службы, так и по содержанию фрегата. Ежедневно на виду у англичан на фрегате проводились парусные и артиллерийские учения, в которых моряки-гвардейцы демонстрировали профессиональное умение и ловкость, быстроту и лихость в выполнении команд, что вызывало восхищение и восторг у зрителей. Часто командиру фрегата приходилось принимать на борту членов королевской семьи, представителей морского и армейского командования, промышленных кругов, воспитанников морского училища и других. Здесь необходимо было и знание языка, обширные познания обычаев и традиций страны, культуры и светского этикета, умение принять гостей и многое другое. И так продолжалось почти пять месяцев. Это почетное, но очень сложное задание экипаж фрегата выполнил блестяще.

В 1819 г. в состав Гвардейского экипажа были включены фрегат «Гектор» и бриг «Олимп». Команды достаточно быстро освоили парусное и артиллерийское вооружение, и суда вскоре вышли в длительное плавание с посещением по пути следования портов Пруссии, Англии, Франции. Маршрут их плавания проходил по Балтийскому морю, проливам Большой Бельт, Каттегат и Скагеррак, Северному морю и проливу Ла-Манш. Эти районы плавания исключительно сложны по гидрометеорологическим и навигационным условиям, что требовало хорошей подготовки и командиров, и штурманов, и команд, да и самих судов. Моряки-гвардейцы успешно совершили плавание, выполнили поставленные задачи и получили хорошую морскую практику.

25 мая 1819 г. русский флот отмечал славную дату: 100-летие победы над шведами в морском бою у острова Эзель. 5 июня в связи с этой годовщиной морскому министру был дан императорский Указ, в котором в частности говорилось:

«В память сражения при Кульме в прошлую с французами войну, пожаловав за отличия Гвардейскому экипажу Георгиевское знамя, повелеваю сей знак отличия, по прилагаемым рисункам поместить во флаге, брeid-вымпеле и вымпеле и употреблять оные на брам-стенях»

по чинам вместо обыкновенных на кораблях и прочих судах, а также и на шлюпках, которые будут укомплектованы из сего экипажа».

Примечание: Стеньговые флаги и вымпелы с изображением Св. Георгия были учреждены по указу императора Александра I 5 июня 1819 года вместе с кормовым Георгиевским флагом. Указ этот подписан в дни празднования 100-летия первого морского боя и победы русского флота над шведами 24 мая 1719 года у острова Эзель. Кормовые и стеньговые Георгиевские флаги, а также Георгиевские вымпелы были впервые присвоены, вместо обыкновенных, всем кораблям, судам и шлюпкам Гвардейского экипажа, как имеющего Георгиевское знамя за Кульм с 1813 года, для их особого отличия от других кораблей и судов флота.

В 1823 г. в состав Морского Гвардейского экипажа был включен 40-пушечный фрегат «Проворный», который состоял в экипаже два года. 28 июня на фрегате впервые был поднят Георгиевский вымпел, и он ушел из Кронштадта в сложное практическое плавание по маршруту Фарерские острова – Исландия – Атлантический океан, успешно его выполнил и вернулся к месту базирования.

В 1824 г. фрегат «Проворный» после зимней стоянки в Кронштадте ушел для совершенствования морской выучки офицеров и матросов во второе заграничное плавание в Средиземное море с визитами по пути в английский Плимут и французский Брест.

В этом же году в состав Гвардейского экипажа вступил совершенно новый линейный корабль «Эмгейтен». Гвардейскому экипажу была поставлена ответственная задача: доставить в Пруссию великого князя Николая Павловича и его супругу Александру Федоровну, бывшую прусскую принцессу Шарлотту, в гости к ее отцу прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. Тщательно подготовленный линейный корабль «Эмгейтен» прибыл в порт Варнемюнде. В то время Пруссия, другие соседние германские королевства и герцогства военно-морских сил не имели, поэтому прибытие такого величавого русского корабля со столь высокими особами вызывало у всех неподдельный интерес. Этот визит был нужен и России, и Пруссии, так как демонстрировал крепнущие не только государственные, но и родственные связи. 10 августа король Пруссии Фридрих-Вильгельм III посетил корабль, с большим интересом осмотрел его, и, увидев у моряков-гвардейцев Кульмские кресты, пришел в восторг.

7 ноября 1824 г., когда было большое наводнение в Петербурге, и вода затопила набережные и улицы города, гвардейские моряки на 4-х катерах самоотверженно спасали людей. В спасательной операции на одном из катеров принимал участие и император Александр I, ему воочию пришлось увидеть ту беду, которая постигла простой народ в его блестящей столице.

27 января 1825 г. Морской Гвардейский экипаж проводил своего первого командира, контр-адмирала Карцова Ивана Петровича, к новому месту службы на Черное море начальником гребной флотилии Черноморского флота. Под командованием Ивана Петровича экипаж был сформирован в 1810 году, совершил труднейшие походы в войну 1812, 1813 и 1814 годов и заслужил Георгиевское знамя.

Неизвестный художник. Карцов Иван Петрович. 1826–1830 гг. [20]

Командиром Морского Гвардейского экипажа с 31 января назначался капитан 1 ранга Петр Федорович Качалов.

Никто не мог предположить, что в декабре этого года произойдут события, в которых примет участие самая приближенная к императорской семье часть флота: морская лейб-гвардия - Морской Гвардейский экипаж, и что именно эти события впишут навечно его имя в российскую историю.

Глава 2.2. Морская лейб-гвардия при Императоре Николае I в период с 1825 по 1855 гг.

Будущий император Всероссийский Николай I, третий сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, родился 25 июня 1796 г. Через полтора года после Николая родился младший его брат Михаил, с которым Николай воспитывался совместно.

В 1815 г. Николай был обручен с дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, принцессой Шарлоттой, принявшей впоследствии, вместе с православием, имя Александры Федоровны. Бракосочетание великого князя Николая Павловича состоялось 20 июня 1817 г. и от этого брака родились сыновья: Александр (будущий император Александр II), Константин, Николай и Михаил.

Вступлению на престол Николая I предшествовали события, о которых необходимо кратко напомнить, поскольку в этих событиях непосредственное участие принимала и морская лейб-гвардия.

У императора Александра I не было детей-наследников престола. Согласно закону о престолонаследии, установленном императором Павлом I, после Александра Павловича на российский престол должен был вступить следующий за ним по возрасту его брат Константин Павлович. Но, в 1820 году брак великого князя Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной распался. Затем Константин Павлович, будучи российским наместником в Польше, женился на польской дворянке Жанетте (Иоанне) Грудзинской, которая не была представительницей царственного рода. После этой женитьбы император Александр I сам лично, без одобрения Сената, изменил «учреждение императорской фамилии» (закон о престолонаследии) дополнительным постановлением. Существование дополнения было в том, что, если кто-либо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не принадлежащим к царственному или владетельному дому, то дети, рожденные от такого брака, не будут иметь права на наследование российского престола. В соответствии с этим дополнением возможные потомки великого князя Константина Павловича лишались возможности становиться Российским монархами. Более того, позже в своем письме на имя императора Александра I от 14 января 1822 года, Константин Павлович сообщил также и о своем отказе от трона.

Однако, манифест, составленный 16 августа 1823 г., по поводу отказа Константина Павловича от престолонаследия, не был обнародован, а передан в запечатанном конверте московскому митрополиту Филарету на хранение в специальном Ковчеге государственных актов в Успенском соборе Московского кремля и об этом в придворных кругах было известно. По настоянию Филарета с манифеста были сняты копии и сданы на хранение в таких же конвертах в Государственный совет, Сенат и Синод. На конвертах рукой Государя была сделана надпись: «Хранить до востребования моего, а в случае моей кончины открыть прежде всякого другого деяния». Император об этом манифесте ничего не сказал своим братьям. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, когда Константин Павлович не хотел вступать на престол, а Николай Павлович не знал, что может претендовать на трон. Хотя по многим другим источникам известно, что об этом знали буквально все приближенные к императорской семье.

19 ноября 1825 года император Александр I скоропостижно скончался в Таганроге, где находился вместе с императрицей в связи с ее лечением, но донесение в Санкт-Петербург о его кончине дошло лишь 27 ноября.

Великий князь Николай Павлович первым присягнул императору Константину I, привел к присяге все правительственные учреждения, государственных чиновников, войска петербургского гарнизона и в первую очередь гвардию. Было объявлено о вступлении на престол Константина Павловича, выпущены его портреты с подписью «Император Всероссийский Константин I», отчеканены рубли с изображением императора Константина I. В это же время, в Москве, митрополит Филарет не решился привести в исполнение волю покойного государя, и там, после получения указаний из Петербурга, также состоялась присяга Константину, как следующему императору.

В Варшаве известие о смерти императора Александра I было получено чуть раньше, чем в Петербурге – 25 ноября. Константин Павлович тотчас же отправил находившегося у него брата Михаила Павловича с письмом к матери и к брату Николаю Павловичу о своем отказе от престола. Однако, Николай Павлович решил, что такого частного письменного отречения брата недостаточно, и в своём письме попросил Константина Павловича или приехать лично, или издать об отречении особый манифест. Возможно, на такое дополнительное письмо подтолкнул Николая Павловича петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович. В своем докладе Милорадович сообщил Николаю о нерасположении к нему войск гвардии, особенно после присяги Константину Павловичу, вместе с которым Российская гвардия прошла трудные годы Отечественной войны 1812-1814 годов.

Великий князь Константин Павлович приехать в столицу отказался и уведомил брата, что «если все не устроится согласно воле покойного нашего императора», то он «удалится еще далее». По получении этого уведомления, 12 декабря 1825 года, Николай Павлович признал, что ему не остается ничего более, как объявить о своем вступлении на престол. Манифест и отречение Константина Павловича решено было обнародовать 14 декабря.

Василий Голике (1802-1848). Портрет Великого князя Николая Павловича. 1820-е. Холст, масло. [21]

Периодом этого междуцарствия в России, от 19 ноября до 14 декабря 1825 года, решили воспользоваться члены тайного Северного общества. Они намеревались в день присяги новому

императору принудить Сенат принять разработанный ими проект Конституции России. Для оказания давления на Сенат было решено уговорить гвардейские полки не присягать Николаю Павловичу и вывести их на площадь перед Сенатом. Заговорщики считали, что главным доводом для солдат против присяги Николаю Павловичу должна была послужить только что состоявшаяся в полках присяга новому императору Константину Павловичу, а также личное его отсутствие в столице и отсутствие его письменного отречения. Истинные цели предстоящего восстания члены тайного Северного общества от солдат и матросов гвардии решили скрыть.

На совещании членов Северного общества 13 декабря 1825 года было решено, что утром 14 декабря лейб-гвардии Московский полк должен будет встать вооруженным на площади перед Сенатом, а лейб-гвардии Гренадерский полк – занять Петропавловскую крепость для угрозы Зимнему дворцу с помощью находившейся там артиллерией. Морской Гвардейский экипаж должен был по плану заговорщиков захватить Зимний дворец со всеми членами царской семьи и генералитетом, а затем физически уничтожить Николая Павловича.

Но, Николай Павлович, заранее предупрежденный о готовящемся восстании, предложил Сенату собраться для принесения ему присяги в 7 часов утра, до того, как восставшие полки выйдут на Сенатскую площадь. В 7 часов 20 минут 14 декабря сенаторы принесли присягу и разошлись.

Для обращения к Сенату от Северного общества была избрана делегация в составе Рылеева и Пущина, которая утром отправилась к выбранному диктатору – полковнику князю Трубецкому. Однако, там выяснилось, что Сенат уже присягнул, а сенаторы разъехались, поэтому главная цель восстания оказалась, увы, недостижимой. Более того, утром Якубович не захотел вести Морской Гвардейский экипаж в Зимний дворец, а Каховский отказался убивать Николая Павловича. Поэтому Рылеев и Пущин пришли только вдвоем на Сенатскую площадь и стали там поджидать прихода главного руководителя восстания – князя Трубецкого.

До этого, рано утром, в казармы лейб-гвардии Московского полка прибыл член Северного общества, офицер лейб-гвардии драгунского полка Александр Бестужев для агитации и вывода полка на Сенатскую площадь. Одной из рот этого полка командовал его брат, штабс-капитан Михаил Бестужев, другой — штабс-капитан князь Д. А. Щепин-Ростовский. Полк уже был построен для принятия новой присяги на плацу. Вместе с двумя командирами рот в сопровождении еще двух офицеров полка они стали агитировать за отказ от новой присяги. По показаниям нижних чинов полка, А. Бестужев говорил солдатам: «Я приехал известить всех, что вас обманывают. Я адъютант Константина Павловича (в действительности, он был адъютант герцога А. Вюртембергского), прислан от него вас предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней, не больше, как присягали вы государю Константину Павловичу, целовали крест. Вы не должны присягать другому государю тогда, как государь ваш жив. Вас обманывают, и сие знают вот ваши офицеры и ротный ваш командир. Бойтесь, ребята, бога; вот сабля Константина Павловича; стойте за него крепко». Далее говорил о том, что Константин вовсе не отказывается от престола и обещает сократить службу до 15 лет. По отзыву нижних чинов, «все бывшие в роте люди весьма уверены были в справедливости» сказанного. Все это М. Бестужев и Щепин-Ростовский повторили перед солдатами других рот. Реакция была бурной: «Не хотим Николая! - кричали солдаты, - Ура, Константин!»

После такой агитации офицерами, солдаты от присяги Николаю Павловичу отказались и приняли решение идти на Сенатскую площадь. Полковой командир Московского полка барон Фредерикс хотел было помешать уходу с плаца восставших солдат, но упал под ударом сабли офицера Щепина-Ростовского. Были ранены также бригадный командир генерал-адъютанта Шеншин и полковник Хвоцинский, прибывшие утром в полк для принятия присяги и пытавшиеся остановить солдат. Таким образом, солдаты лейб-гвардии Московского полка с полковым знаменем, взяв боевые патроны и зарядив ружья, первыми прибыли на Сенатскую площадь. У памятника Петру I полк остановился и перестроился в каре.

Михаил Бестужев вспоминает: «Брат (*Александр – авт.*) пошел в другие роты, мы со Щепиным поспешили рассчитать солдат и, раздав боевые патроны, построить их в каре. Моя рота с рядовыми из прочих заняла два фаса: один — обращенный к Сенату, другой — к монументу

Петра I. Рота Щепина с рядовыми других рот заняла фасы, обращенные к Исаакию и к Адмиралтейству». Но, придя на площадь, лейб-гвардии Московский полк был построен уже перед пустым зданием Сената».

Тем временем в казармы Московского полка, оставшаяся часть которого продолжала пассивно уклоняться от принятия присяги, прибыл шеф полка великий князь Михаил Павлович. Само его появление произвело перемену в настроении солдат, которых только что уверяли, что Михаил Павлович арестован в Варшаве. Присяга была принесена, и солдаты тоже направились на Сенатскую площадь, но уже на стороне великого князя Николая Павловича.

Около 11 часов утра к восставшим на Сенатской площади обратился Петербургский генерал-губернатор Милорадович. Он пытался уговоривать солдат разойтись, убеждал их в том, что присяга Николаю Павловичу – правильное дело. При этом генерал-губернатор показывал шпагу, подаренную ему Константином Павловичем с надписью: «Другу моему Милорадовичу» и говорил об истинном его отречении. Напоминал о совместных битвах в 1812-1814 годах и продолжал эти уговоры довольно долго. Восставшие слушали его, поскольку уважали и много раз бывали с ним в бою. Милорадович мог разогитировать солдат и уговорить их присягнуть Николаю Павловичу. Но, начальник штаба восставших, князь Оболенский, штыком ранил графа в бедро, а пуля, пущенная в Милорадовича поручиком Каховским, смертельно ранила генерала. Опасность, нависшая над восстанием, казалось, была отражена. Всё это время восставшие офицеры, солдаты и матросы нетерпеливо ждали князя Трубецкого, выбранного диктатором, но он не пришел на площадь и не поддержал восставших. На площади складывалась обстановка, требовавшая решительных действий, но на это Трубецкой не решался. Он предал восставших.

В эти дни, с 19 ноября по 14 декабря 1825 года, события в Морском Гвардейском экипаже описаны М.Н. Лермонтовым [5] так:

«В ноябре месяце начали распространяться слухи по Гвардейскому экипажу о болезни императора в Таганроге. Известия эти, наконец, стали тревожить всех. Желание узнать о ходе болезни его величества привлекало во дворец в часы развода вместе с полковым адъютантом свободных от занятий офицеров. И 27 ноября адъютант Гвардейского экипажа лейтенант Дубинский и капитан-лейтенант Лермонтов (*М.Н. Лермонтов – авт.*) сошлись во дворце.

В это время в большой церкви Зимнего дворца окончилась литургия, и начался заздравный молебен; адъютанты и офицеры пошли к молебну, и вскоре совершенно неожиданно вошел в церковь великий князь Николай Павлович из дверей перед певчими с правой стороны. Скорбь и горечь выражались на лице его высочества, слезы текли по лицу. Великий князь поднял правую руку и, опустив главу, опустил и руку; смолкло пение, умолкли молитвы, лишь тихие отголоски: “Всё кончено” разнеслись по церкви. Этот знак руки его высочества служил горькой для всех вестью о кончине государя. Каждый был поражен этой вестью; кончина государя произвела всеобщую непритворную скорбь и печаль.

Вся Гвардия и Гвардейский экипаж по распоряжениям главного начальства присягнула отречься от престола государю великому князю цесаревичу Константину Павловичу, и присяга послана в Варшаву; в ожидании прибытия его высочества никто не надевал знаков траура; в церквях имя императора Александра заменялось именем императора Константина; 12 декабря, в день рождения почившего императора, не проводилось никакого ученья, а в полках и в Гвардейском экипаже служили панихиду и уже имели повод справедливо надеяться на скорое прибытие его высочества Константина Павловича, всё было в экипаже совершенно покойно, тем паче, что отречение от престола, подписанное его высочеством государем цесаревичем, и существование духовного завещания скончавшегося императора было для всех тайною.

Все были покойны, но непокойны были люди, злонамеренные и составлявшие не соответствующие благу и неестественные для императора утопии. Долгое неприбытие его высочества из Варшавы давали им повод и случай поспешить приведением в исполнение несбыточных намерений своих; им для исполнения понадобились полки и батальоны Гвардии и они обратили внимание и на Гвардейский экипаж, в котором было много молодых неопытных офицеров. Скоро и легко привлекли к себе эти злонамеренные люди значительную часть легковерных офицеров Гвардейского экипажа, обязывая их притом таиться от старших.

13 декабря распространился слух, что начальник Гвардейской пехотной дивизии его высочество великий князь Михаил Павлович уехал на встречу к его высочеству государю цесаревичу, было известно, что в этот вечер дворец был больше освещен, все это только сильнее утверждало и оправдывало ожидание. 13-го был дежурным по экипажу мичман Доливо-Добровольский, как оказалось впоследствии не причастный ни к чему равно, как и дежуривший с ним медик; 14 Декабря должен был вступить на дежурство мичман Беляев 1-й и медико-хирург Дроздов».

«Утром рано, - продолжает М.Н.Лермонтов в [5], - в этот день был потребован со всеми полковыми командирами командир экипажа капитан 1-го ранга Качалов в Зимний дворец, там объявлены были им документы: отречение от престола государя цесаревича, сила духовного завещания скончавшегося государя, и прочитан был манифест о вступлении на престол императора Николая Павловича. Капитан 1-го ранга Качалов присягнул вместе со всеми собравшимися тогда во дворце. После присяги, получив печатные экземпляры Манифеста и копии отречения, Качалов возвратился в экипаж и тот час же послал первый взвод в Зимний дворец за знаменем; этот взвод должен был по уставу иметь в сумках по 10 боевых патронов и потому имел их.

По принесении знамени, капитан 1 ранга Качалов собрал штаб-офицеров и ротных командиров и предъявил им пред знаменем о существовании духовного завещания, об отречении от престола государя цесаревича, предъявив также и Манифест о вступлении на престол императора Николая Павловича, предварив при том, что в 10 часов прибудет командир 2-ой бригады 1-ой Гвардейской пехотной дивизии генерал-майор Шипов для подтверждения всего, объявления Манифеста и для приведения к присяге всего экипажа.

В назначенное время весь совершенно экипаж выведен во двор казарм и поставлен в колонне справа, артиллеристы за 8^м взводом, а ластовые за артиллеристами; ни один человек в экипаже не имел в суме патронов, кроме принесших и долженствовавших отнести знамя, и все, не имевшие патронов, имели деревянные кремни в ружьях.

В назначенный час прибыл бригадный командир, ему отдали должную честь; потом генерал-майор Шипов сообщил о существовании духовного завещания и об отречении от престола государя цесаревича Константина Павловича; всё это было выслушано в тишине и молчании; оставалось прочесть Манифест. Капитан 1 ранга Качалов командовал для этого: «На караул», - все исполнили по команде, но только что начали читать Манифест, как послышались сзади тихие голоса: «Отставить, отставить!», - и, задние начали понемногу и поодиночке брать на плечо. Бригадный командир остановил чтение Манифеста и вызвал ротных командиров на середину. На вопрос бригадного командира, что это значит и отчего это ослушание, некоторые из вызванных, а именно: лейтенанты Арбузов, Бодиско 1-й, Кюхельбекер и Вишневский отвечали, что они уже присягали государю цесаревичу и изменить этой присяге не могут, доколе его высочество лично не разрешит их на то.

Тщетно убеждал вызванных генерал-майор Шипов, тщетно приводил им все самые притом неопровержимые доказательства справедливости и истины требовавшегося, четверо из вызванных повторяли тоже святость присяги. Бригадный командир представлял им какому по закону наказанию подвергаются они за эту недоверчивость, имевшую вид осуждения, и объявил им арест, некоторые из вызванных отвечали, что они готовы к этому и начали подавать сабли. Командиры 1-й и 4-й роты, не понимавшие из происходившего ничего, как непричастные ни к чему, постоянно молчали. Генерал-майор Шипов, заметив в числе 8 офицеров четверых, как бы желавших говорить за всех, но поддержанных не всеми остальными, приказал им всем идти с ним в канцелярию экипажа, что там происходило, и был ли кто из них арестован, положительно неизвестно, знаем только, что убеждения и доводы были сильны.

Нижние чины в колонне и прочие офицеры были покойны; при всем этом были приняты тотчас предосторожности, чтобы никто из посторонних не вошел в это время в казармы. Несмотря, однако же на то, адъютант главного командира и военного губернатора в Кронштадте лейтенант Петр Бестужев успел, пользуясь адъютантским мундиром, войти в казармы, другой, в партикулярной одежде, перелез через деревянный забор заднего двора казармы.

Первый, являясь перед колонною, объявил о кончине графа Милорадовича, о собравшихся на Петровской площади и также не присягнувших полках Л.Гв. Московским и Гренадерским; второй громко прокричал, что к Сенату приехал государь Константин Павлович. Эта последняя весть электрической искрой пролетела по фронту, всё зашевелилось. «К нему, к нему на площадь», – крикнул тот же голос сзади, и все усилия удержать быстроту стремления были тщетны. Штаб-офицеры, вставшие в первых воротах для удержания, разъединены, смяты и не могли удержать натиска, не слушавшими голоса командира экипажа и останавливавших офицеров. В стремлении этом многие падали, офицеры старались скорее затворить ворота и успели задержать небольшое число из бежавших. В то время когда хвост лишь выходил с большого двора, бригадный командир сходил с лестницы из канцелярии экипажа, помещавшейся в третьем этаже. Бывшие с ним офицеры вышли в каре за ним и присоединились к убежавшим».

«Убеждения генерала и своих офицеров подействовали на эту незначительную часть нижних чинов, они спокойно возвратились в казармы. Генерал-майор Шипов уехал, а командир экипажа приказал оставшимся в казармах штаб- и обер-офицерам, не выходящим из казарм, соединить нижних чинов и успокоить их. Унтер-офицеру Петру Мартюшеву приказать иметь за оставшимися ближайшее наблюдение; в ротных цейхгаузах хранились боевые патроны для караулов по уставу гарнизонной службы на весь экипаж. Предосторожность требовала удаления этих патронов из казарм Гвардейского экипажа. Артиллерийской роты капитан-лейтенанту Семенову поручено было отвезти все патроны, числом как оказалось около девяти тысяч, в экипажный магазин на Канонирский остров. Адьютанту лейтенанту Дудинскому и командиру 1^й роты лейтенанту Тимирязеву приказано употребив оставшихся в казармах людей поспешить вывозом этих патронов. Помощь расторопного и деятельного баталера Сергея Кокошкина и по завете служащего в Гвардейском экипаже казначеям, ускорила эту перевозку и способствовала необыкновенно скорому в экипаж возвращению отвозивших. Мичману Доливо-Добровольскому приказано иметь особое смотрение за караулом и на дворах, как не сменившемуся с дежурства.

Около второго часа по полудню начали по одиночке возвращаться с Петровской площади офицеры и нижние чины. Появление перед экипажем его императорского высочества государя великого князя Михаила Павловича, начальника Первой Гвардейской пехотной дивизии, и убеждения его побудило их к тому. Но никто из возвратившихся не мог ни в то время, ни на произведении следствия передать каждое слово убеждения его высочества, но каждый из них изъявлял только сожаление о том, что экипаж вовлечен в это горестное происшествие. Возвратившиеся офицеры оправдывали себя тем, что они не смогли оставить рот, в которых они служили; они только в общих выражениях рассказали об убеждении* его высочества, оно было в простых, но от сердца высказанных перед экипажем словах; его высочество, между прочим, объявил, что он вследствие отречения от престола государя цесаревича, что и он присягнул его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу, убеждал экипаж возвратиться в казармы и присягнуть его величеству императору Николаю Павловичу». <...>

** “Желающих знать буквально эти убеждения, мы просим обратиться к брошюрке – «Восшествие на престол Императора Николая I» изд.5, стр. 200 и 201; мы не позволяем себе выписывать из этой брошюрки хотя и сам автор это нам позволил и желал того потому, что мы как свидетели происшествия обязаны, описывая его буквально, выставлять как что происходило, не изменяя простоты объяснений, и очень рады если смысл написанного здесь не будет отклоняться от смысла брошюры”. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«С благочестием слушали нижние чины великого князя и искренне любимого ими начальника. Но внушение о твердости первой присяги удерживало их, и они почтительно отвечали: “что присягой шутить грех, что они верят его высочеству, но не смеют и не могут взять на душу измену первой присяге; что для очистки совести они желают и просят, чтобы Константин Павлович сам лично подтвердил свое отречение: “Мы его хотим видеть, мы не знаем где он””. 6-й роты унтер-офицер Хорошилов первый отделился от экипажа, выйдя из колонны, явился к его высочеству и по приказанию великого князя тотчас же возвратился в казармы. Его высочество пожаловал впоследствии Хорошилову за этот поступок 150 р. ассигнациями и объявил о том в приказе по экипажу, что и было исполнено. За Хорошиловым нижние чины начали выходить

поодиночке из фронта и одни шли в казармы, а другие, как говорили пришедшие, боясь начальства, хотели до сумерек пробыть в партикулярных домах и прийти домой, когда стемнеет.

Во время этих убеждений его высочества, нижние чины Гвардейского экипажа имели случай неопровержимо доказать, что одно только твердое сохранение данной присяги, поддержанное в них некоторыми ближайшими их начальниками, увлекло обманутых за пределы повиновения к старшим. Нижние чины имели счастье спасти великого князя от пистолетного выстрела, наведенного на его высочество. Служивший в гражданской службе Кюхельбекер, родной и старший брат состоявшего в Гвардейском экипаже лейтенанта Кюхельбекера, был известен во всем экипаже по некоторым странностям своим. Заметив с каким почтительным вниманием выслушивают нижние чины Гвардейского экипажа слова великого князя, втискался в 8-ю роту и, нацелив в его высочество пистолет, хотел выстрелить, но матросы Дорофеев, Федоров и Куроптов вышибли из рук убийцы орудие, а другие нижние чины прикладами вытолкали Кюхельбекера из колонны и от фронта. Вместе с тем несколько голосов предупредили великого князя об опасности. Дорофеев, Федоров и Куроптов в награду за их усердие и верность помещены были в число дворцовых инвалидов Михайловского его высочества дворца.

Этим не кончились убеждения. С.-Петербургский митрополит в полном облачении, с животворящим крестом подходил к экипажу. Фельдфебель 5-й роты Терентий Федоров с несколькими нижними чинами вышел на встречу, старался подвести архипастыря к фронту, но с одной стороны в народе раздался голос что это не митрополит, а переодетый, с другой стороны народ, взобравшийся на забор, окруживший строившийся тогда собор Св. Исаакия, начал страшать высокопреосвященного дровами и кричать: “Батюшку Царя Константина и матушку Жену Его Конституцию”.

Все эти рассказы и показания возвратившихся в казармы показывали колебания оставшихся на площади нижних чинов экипажа, а возгласы в народе требовали сильнейших мер к изменению хода этого происшествия. Они дали повод предложить командиру экипажа послать на площадь одного из штаб-офицеров для того, чтобы привести и весь остальной экипаж в казармы. Это поручение взял на себя капитан-лейтенант Лермонтов 1-й (*М.Н.Лермонтов- авт.*). Он уже спешил к экипажу, был довольно далеко от казарм, как вдруг раздался выстрел орудия, и посланный встретил экипаж, возвращавшийся с раскаиваниями и в большом числе. Капитан-лейтенант Казин встретил у ворот казарм возвращавшийся Гвардейский экипаж и принял на себя приведение его в порядок, принял на себя обязанности успокоить по возможности каждого, а капитан-лейтенант Лермонтов 1-й явился уже прямо к государю императору Николаю Павловичу на Дворцовую площадь.

Настали сумерки, государь расспросил о всех подробностях происшествия и, убедившись, что никто в экипаже ещё не присягал, принял милостиво уверение этого штаб-офицера в готовности нижних чинов присягнуть на верность службы его величеству тою же верою и верностью, как хранили присягу почившему императору. Государь, обратившись потом к командующему Гвардейским корпусом генералу Воинову, сказал: “Александр Львович, поезжайте с ним в Гвардейский экипаж и, если до пробития вечерней зори присяга будет Мне представлена, я прощаю заблудшихся”, а штаб-офицеру этого экипажа (*М.Н.Лермонтову - авт.*) государь добавил: “А ты отвечаешь Мне за представление присяги – до зори!”», - утверждает в очерке [5].

В экипаже между тем командиром экипажа при деятельном содействии капитан-лейтенанта Казина всё было приготовлено, и весь экипаж, начиная от самого старшего офицера до самого младшего и нижних чинов, все, при командующем Гвардейским корпусом, единодушно присягнули и присяжный лист представлен был тем же штаб-офицером его императорскому величеству прежде 8-ми часов вечера.

«Так кончился этот несчастный день Гвардейского экипажа - день 14 декабря 1825 года. Последствием этого дня было арест по высочайшему повелению в продолжение той же ночи лейтенантов: Арбузова, Бодиско 1-го, Кюхельбекера и Вишневого. Высочайшее повеление об арестовании этих офицеров доставлено в экипаж в 12-ом часу ночи с 14 на 15 декабря флигель-адъютантом полковником Адлербергом. Полковник, подъехав к воротам казарм, потребовал к себе капитан-лейтенанта Казина. По счастью Казин, живущий на Васильевском острове, остался

в ту ночь в казармах. Явившемуся к воротам Казину флигель-адъютант Адлерберг объявил, что государь император возлагает именно на него, Казина, арест этих четверых ротных командиров и сдачу арестованных присланному Конногвардейскому конвою с офицером того же полка фон Гореверкан*». <...>

* “Из воспоминаний Адмирала Казина. Высочайшее повеление это было немедленно исполнено Казиным”.
(Примечание М.Н.Лермонтова)

«Его высочество начальник дивизии 15 декабря арестовал лейтенантов: Мусина-Пушкина, Баранцова, Окулова, Литке, Миллера, Лермонтова 2-го и Шпелера, мичманов Беляева 1-го, Бодиско, Беляева 2-го и Дивова и приказал прикомандировать к экипажу офицеров л. гв. Семеновского полка капитана Дебан-Скоротецкого, поручика Шпита, прапорщиков Назарова, Шипова и Смиттена. Начальник Морского штаба приказал причислить от флота лейтенантов Фофанова, Жадовского, Журихина, Пущина и Де-Шаплета, мичманов: Наумова, Гейзера, Фонтонна, Гребенщикова, Муравьева 4-го и Бровцына. Из арестованных по воле его высочества лейтенанты: Баранцов, Литке, Миллер и Лермонтов 2-й вскоре освобождены», - пишется в [5].

Примечание: Здесь Лермонтов 2-й – это Дмитрий Николаевич Лермонтов, родной брат М.Н. Лермонтова от второго брака их отца Н.П. Лермонтова. Вот что пишет о нём и его участии в событиях 14 декабря 1825 г. историк Костромского края А.А. Григоров в [36]: “О декабристах написано немало. Но все же имеются не доведенные до конца и не исследованные должным образом некоторые моменты, связанные с судьбой того или иного участника этих событий. Лейтенант Гвардейского экипажа Дмитрий Николаевич Лермонтов родился 25 июня 1802 года в усадьбе Ивановское на реке Виге, в семье отставного лейтенанта флота Н.П. Лермонтова. В 1814 году он поступил в Морской корпус, который окончил в 1818 году, и был зачислен в состав Гвардейского экипажа. В 1823-1824 гг. совершил заграничное плавание, побывав в Исландии, Франции, Испании, Гибралтаре. В капитальном труде академика М.В. Нечкиной сказано, что 14 декабря 1825 г. Д.Н. Лермонтов вышел из казарм Гвардейского экипажа вместе со своей ротой на Сенатскую площадь, но, увидев, как развиваются события, ушел с площади домой.

В тот же вечер Д.Н. Лермонтов был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, из которой вскоре был переведен, якобы из-за заболевания, в Семеновскую больницу, где и содержался под караулом вплоть до окончания следствия по делу о событиях 14 декабря, то есть до 15 июня 1826 года, и был освобожден без каких-либо последствий, а потом продолжал службу, так что этот арест и заключение в течение полугода никак не отразились на его последующей службе.

На следствии Лермонтов показал, что о существовании какого-либо заговора и каких-либо тайных обществ он не знал, а 14 декабря 1825 года, когда матросы его роты разобрали оружие и двинулись на Сенатскую площадь, то он, как командир роты, счел нужным находиться при вверенных ему людях, а придя на площадь и увидев, как там развиваются события, хотел обратиться к порядку, но потом ушел с площади, якобы для доклада начальству. На следствии другие обвиняемые по этому делу не дали против Д.Н. Лермонтова никаких показаний, свидетельствующих об участии его в тайном обществе, и следственная комиссия не сочла нужным привлечь Д.Н. Лермонтова к суду. Николай I утвердил решение следственной комиссии об освобождении Лермонтова из-под ареста и разрешил ему продолжать службу во флоте без каких-либо препятствий. Однако доводы о непричастности Д.Н. Лермонтова к делу 14 декабря кажутся какими-то малоубедительными. И почему же Д.Н. Лермонтов не разделит участи других декабристов? Тут имели большое значение два обстоятельства.

Первое - старший брат Д.Н. Лермонтова, Михаил Николаевич, тоже морской офицер, участник Отечественной войны 1812 года, был хорошо знаком будущему императору Николаю, и после 14 декабря был назначен председателем специальной комиссии, которой было поручено расследовать участие всех офицеров гвардейского экипажа в деле восстания. М.Н. Лермонтов пользовался доверием у Николая и, возможно, постарался в своем докладе о противозаконных действиях офицеров экипажа «выгородить» брата. Не потому ли, совершенно противоположно тому режиму, который был установлен для узников Петропавловки, Д.Н. Лермонтов «по болезни» переводится из крепости в лазарет. Ни один из содержащихся в крепости участников событий 14 декабря такими льготами не пользовался, несмотря на то, что многие из них были больны и нуждались в больничном режиме.

Второе - родственником Дмитрия Николаевича был и командир лейб-гвардии Семеновского полка, генерал-майор С.П. Шипов. Из крепости Д.Н. Лермонтов был переведен в лазарет именно этого Семеновского полка. Очень неубедительными кажутся объяснения самого Д.Н. Лермонтова о том, что он не знал о существовании тайного общества и вышел на площадь, считая себя обязанным быть вместе с подчиненными ему матросами.

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что Д.Н. Лермонтов был участником восстания декабристов, а от Сибири избавился благодаря заступничеству старшего брата и генерала С.П. Шипова. По освобождении из-под ареста Д.Н. Лермонтов служил в Черноморском флоте и во время войны с Турцией (1828-1829 гг.) на корабле “Пармен” участвовал в боях за крепость Варну. В 1836 году он был назначен членом Кораблестроительного

департамента Морского министерства, где и прослужил до выхода в отставку в 1853 году, получив чин генерал-майора от адмиралтейства. Скончался 19 марта 1854 г. и был похоронен в Сергиевой пустыни близ Петербурга”.

Далее М.Н.Лермонтов в очерке [5] продолжает: «В этот же день 15 декабря его императорское высочество начальник 1-й Гвардейской пехотной дивизии приказал собрать весь экипаж и, построив его, повел на Адмиралтейскую площадь; там стоял аналой и столик, на котором стояла святая вода. Государь император подъехал к выстроенному на этой площади развернутому фронту при криках экипажа и собравшегося народа: “Ура!”, – приказал сделать на молитву и вызвать знамя, освятить его и освященное отнести во Дворец. За сим Государь отъехал во Дворец, а экипаж пошел в казармы *». <...>

** В воспоминаниях адмирала Казина сказано: “Государь, подъехав к флангу, изволил позвать меня к себе, стоявшего на фланге как младшего штаб-офицера, подал мне руку и сказал “Благодарствую, я твоей службы никогда не забуду”, и я несколько дней утром и вечером являлся к его высочеству начальнику дивизии с рапортом о состоянии экипажа, а в следующий год 14 декабря я был приглашен к молебствию во дворец”. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«Из числа нижних чинов, скрывавшихся до сумерек 14 декабря в партикулярных домах, 54 человека не дошли до экипажа, а забраны объездом, с самых сумерек до рассвета ездившим, представлены в Ордананс-Гауз, и оттуда отправлены в крепость, а потом поступили в сводный Гвардейский пехотный полк, ходивший на Кавказ; эти люди были впоследствии возвращены в экипаж и беспрепятственно произведены в чины. В эти несчастные происшествия лишились жизни 1 флейтщик и 3 матроса, без вести пропало 11 матросов, 1 артиллерийский унтер-офицер, 3 канонира; ранены 11 матросов и 4 канонира.

В заключении об этом горестном происшествии представим вопрос: что мог сделать батальон без боевых патронов и с деревянными кремнями, артиллерист с тупым тесаком и безоружный ластовый против войска вооруженного и орудий заряженных. Ответ будет короток: ничего – следовательно, и вывод неопровержим, что Гвардейский экипаж не заслужил ни упрека, ни названия мятежного, что твердым сохранением присяги в Гвардейском экипаже по несчастью играла завлеченная за пределы неопытность, легковерие и необдуманность, не имея при том в виду злых умыслов мятежа. Наконец, ссылаемся на приказ по Гвардейскому корпусу 1826 года за № 22 о сформировании двух Гвардейских батальонов из нижних чинов, кои 14 декабря увлечены были ложным истолкованием с подписанием присяги.

17 декабря его императорское высочество великий князь Михаил Павлович приказал провести в Гвардейском экипаже следствие над всеми нижними чинами, и это поручение возложено было на капитан-лейтенанта Лермонтова с прикомандированием к нему для делопроизводства известного его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу аудитора штаба генерал-инспектора инженеров 9-го класса Иванова. Следователь должен был каждый вечер представлять его высочеству выписку из дневного следствия*». <...>

** “Его высочество пребывал тогда в Зимнем дворце, на половине императрицы матери, в комнатах, которые занимала прежде великая княгиня Мария Михайловна”. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«В продолжение 10 дней всё следствие было кончено, оно ещё более доказало, что в Гвардейском экипаже не было мятежного духа и направления, что в нем преобладала верность к присяге, данной его высочеству государю цесаревичу, милости которого к экипажу ещё не исчезли в памяти Гвардейского экипажа, и что с прибытием его высочества начальника дивизии к экипажу, нижние чины начали распознавать низость обмана и начали понемногу расходиться до выстрела.

К этому следует добавить, что, сохраняя истину в рассказе этом, ни написавший эти строки и никто из четверых свидетелей этого происшествия, не может подтвердить мнения о том, что нижние чины освободили арестованных офицеров. Напротив, адмирал, вице-адмирал, полковник и штабс-капитан, служившие тогда в Гвардейском экипаже, готовы подтвердить, что нижние чины, стоя во дворе до возгласа о приезде цесаревича были смиренны. Что этот возглас двинул всю

колонну со двора, и никто не восходил в третий этаж в канцелярию. Что бригадный командир уехал тогда, когда экипаж уже ушел на площадь, а офицеры вышли вслед за ним. Может быть, некоторые из ротных командиров были арестованы в канцелярии, но, по удалении бригадного командира, самовольно вышли из канцелярии.

Со времени этого происшествия усердие к службе в экипаже увеличилась ещё более и все старались заглаживать этот проступок, и потому тем строже исполнялась гарнизонная служба, тем усерднее занимался каждый строевой службою. Этот год кончился продлением траура», - заключает автор [5].

Уместно заметить, что до этого дня, 14 декабря 1825 года, агитационную работу против принятия новой присяги среди матросов успешно проводили офицеры экипажа: А.П. Арбузов, М.К. Кюхельбекер, братья Александр и Петр Беляевы, братья Бодиско и другие, которыми управлял член тайного Северного общества капитан-лейтенант Н.А. Бестужев.

В тот момент, когда экипаж стоял в строю без командиров рот, пришли братья Николай и Петр Бестужевы. Воспользовавшись замешательством, Петр Бестужев громко заявил, что на Сенатскую площадь уже прибыли Московский и Гренадерские полки, которые отказались принимать новую присягу. Сразу, вслед за заявлением брата, капитан-лейтенант Николай Бестужев поручил младшим офицерам экипажа: братьям Беляевым, братьям Бодиско, Дивову и Шпееру освободить из-под ареста командиров рот.

В это же время с Сенатской площади послышались выстрелы. Подбежав к первой роте, Петр Бестужев крикнул: «Ребята, что вы стоите? Слышите стрельбу? Это наших бьют!». Его брат капитан-лейтенант Николай Бестужев, сбросив с себя шинель, скомандовал: «Ребята, за мной на площадь! Выручайте своих!».

Призывы Бестужевых положили конец колебаниям матросов и офицеров экипажа. Прибывшие из канцелярии командиры рот встали на свои места и практически весь Гвардейский экипаж с оружием, строем, с Георгиевским знаменем и оркестром впереди, двинулся на Сенатскую площадь. В казармах остались: караул, часть нижних чинов, в основном из ластовой роты, 6 офицеров и командир экипажа капитан 1 ранга П.Ф. Качалов.

Таким образом, к Сенатской площади прибыли все 8 рот экипажа и артиллерийская команда. Всего около 1100 чел. из штатного числа 1280 чел. В строю находились 7 ротных командиров: Э.Мусин-Пушкин, Баранцев, М.Кюхельбекер, Арбузов, Акулов, А.Цебриков, Д.Лермонтов 2-й и офицеры рот: Вишневский, Б.Бодиско 1-й, кн. Колунчаков, А.Литке, Миллер, Шпейер, М.Бодиско 2-й, А.Беляев 1-й, Тыртов, Овсов, Дивов и Беляев 2-й – все пол общей командой капитан-лейтенанта 8-го флотского экипажа Н.Бестужева. Чуть позже командиры рот Д.Лермонтов 2-й, Баранцев и А.Цебриков с офицерами кн. Колунчаковым, А.Литке и Миллером поспешили оставить строй и большая часть из них вернулась в казармы к командиру экипажа капитану 1 ранга Качалову [38].

Прибытие экипажа на Сенатскую площадь было встречено бурным ликованием солдат лейб-гвардии Московского полка, стоящего в каре. Матросы экипажа были построены офицерами в «колонну к атаке» между каре Московского полка и строящимся Исаакиевским собором с направлением к Адмиралтейству и Зимнему дворцу. Впереди и правее колонны экипажа за оградой строившегося Исаакиевского собора располагались жилища небольшого поселка строительных рабочих, для которых было заготовлено много дров на зиму. Поселок в народе называли «исаакиевской деревней».

*А.А.Тронь. Морской Гвардейский экипаж на Сенатской площади
14 декабря 1825 г. 1983. Акварель. [34]*

Великий князь Николай Павлович, который в это время прибыл на Сенатскую площадь во главе присягнувших ему войск, начал окружать восставших и в течение всего дня пытался привести мятежников к повиновению. Он, в частности, прибег к посылке для переговоров с восставшими митрополита Серафима и киевского митрополита Евгения. Оба иерарха церкви до этого находились в Зимнем дворце для благодарственного молебна по случаю присяги новому императору Николаю. Но молебен пришлось отложить, пока было не до него. Николай Павлович решил послать митрополитов для переговоров с восставшими как способ пояснить законность присяги ему, а не Константину, через духовных лиц, авторитетных в делах присяги, «архипастырей». Казалось, кому лучше знать о правильности присяги, как не митрополитам?

Про этот момент читаем в дневнике Николая Павловича [37]: «Было...видно, что с Гвардейским экипажем, стоявшим на правом фланге мятежников, было много офицеров экипажа сего и других, но видны были и другие во фраках, расхаживавшие между солдат и уговаривавшие стоять твердо. В то время, как я ездил к Измайловскому полку, прибыл требуемый мной митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом. Почтенный пастырь... вышел из кареты и, положив крест на голову, пошел прямо к толпе; он хотел говорить, но Оболенский и другие сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрелять, ежели не удалится».

Но, митрополиты дошли только до колонны Гвардейского экипажа, затем после угроз со стороны народа и восставших они скрылись в проломе забора стройки Исаакиевского собора и вернулись в Зимний дворец.

Далее Николай Павлович продолжает [37]: «Михаил Павлович предложил мне подъехать к толпе в надежде присутствием своим разуверить заблужденных и полагавших быть верными присяге Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича к брату была всем известна. Хотя страшился я для брата изменнической руки, ибо видно было, что бунт более и более усиливался, но желая испытать все способы, я согласился и на сию меру и отпустил брата, придав ему генерала-адъютанта Левашова. Но и его увещания не помогли; хотя матросы начали

было слушать, мятежники им мешали, и Кюхельбекер взвел курок пистолета и начал целить в брата, что однако три матроса ему не дали совершить».

Вслед за Гвардейским экипажем пробились на Сенатскую площадь последние участники восстания: лейб-гвардии Гренадерский полк во главе с поручиком Пановым. Они были построены во вторую «колонну к атаке», аналогичную колонне экипажа, но расположенную на левом фланге восставших, ближе к Неве. Всего на площади собралось около трех тысяч восставших солдат при 30 офицерах строевых начальниках. Все восставшие войска были с оружием. Но, восставшие не имели четкого плана действий и пассивно ждали, что к ним придут на переговоры и согласятся на уступки.

Кроме восставших полков на Сенатской площади было еще много простого народа. Преобладало, как тогда говорили, «простонародье», «черная кость» или «чернь». Это были в большинстве своём: ремесленники и рабочие, мастеровые и крестьяне, приехавшие в столицу, мужики, отпущенные на оброк, люди рабочие и разночинцы, были купцы, мелкие чиновники, ученики средних школ и кадетских корпусов, подмастерья и другие. Были также женщины и дети. Народ этот образовал два кольца. Первое кольцо состояло из пришедших на площадь раньше правительственных войск, и оно окружало каре и две колонны восставших гвардейцев. Второе – образовалось из пришедших позже, которых жандармы уже не пускали на площадь к восставшим. Из этих людей и образовалось второе кольцо, окружившее в свою очередь правительственные войска.

Заметив это, Николай Павлович понял опасность этого окружения. Оно грозило большими осложнениями, поскольку основным настроением этой огромной массы, которая, по свидетельствам современников, исчислялась десятками тысяч человек, было сочувствие восставшим.

Вот как об этом завершающем моменте пишет Николай Павлович в своем дневнике [37]: «Погода из довольно сырой становилась холоднее; снегу было весьма мало, и оттого - весьма скользко; начинало смеркаться, - ибо был уже 3 час пополудни. Шум и крик делались настойчивее, и частые ружейные выстрелы ранили многих в конной гвардии и перелетали чрез войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх. Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении. Я согласился испробовать атаковать кавалериею. Конная гвардия первая атаковала поэскадронно, но ничего не могла произвести и по тесноте, и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей. Противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне и многих тяжело ранили, в том числе ротмистр Велио лишился руки. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха. Тогда генерал-адъютант Васильчиков, обратившись ко мне, сказал: - “Ваше величество, нельзя терять ни минуты; ничего не поделаешь: нужна картечь!” Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и меня ужас объял: “Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования?” - отвечал я Васильчикову. “Чтобы спасти вашу империю”, - сказал он мне.

Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством. Тогда, не видя иного способа, скомандовал: “пали!” - Первый выстрел ударил высоко в Сенатское здание, и мятежники отвечали неистовым криком и беглым огнем. Второй и третий выстрел от нас и с другой стороны из орудия у Семеновского полка ударили в самую середину толпы, и мгновенно все рассыпалось, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через площадь, тогда как гвардейский Конно-пионерный эскадрон и часть Конной гвардии преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли, - и осталось собирать спрятанных и разбежавшихся, что возложено было на генерал-адъютанта Бенкендорфа с эскадронами Конной гвардии. Вслед за сим вручил я команду сей части города генералу-адъютанту

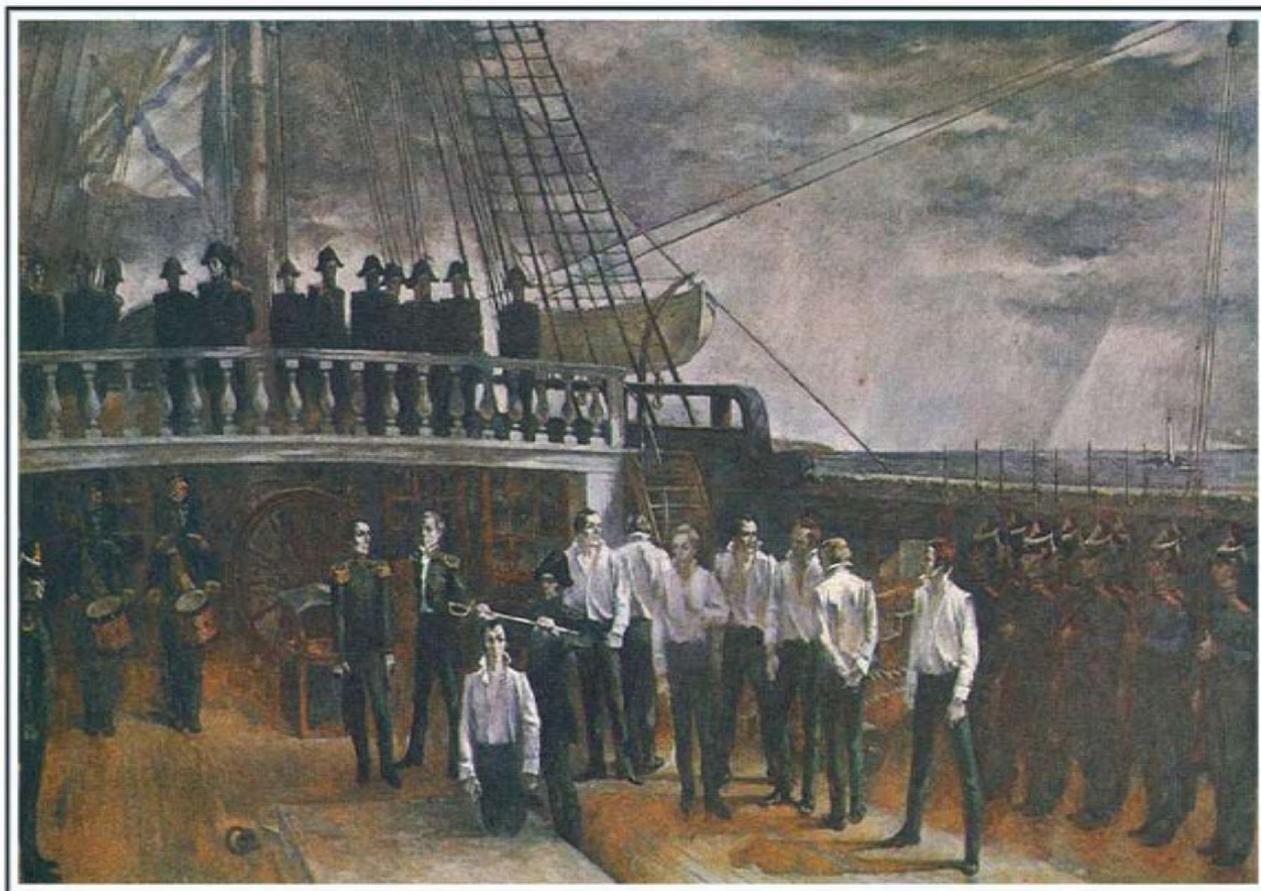
Васильчикову, назначив ему оставаться у Сената. Сам отправился ко дворцу», - сообщается в [37].

Пушки стреляли по толпе, бегущей вдоль Английской набережной и Галерной улицы. Толпы восставших солдат бросились на мост через Неву и на невиский лед, чтобы перебраться на Васильевский остров. Михаил Бестужев попытался на льду Невы вновь построить солдат в боевой порядок и идти в наступление. Войска построились, но ядра разрывали лед, образуя полыньи, в которых многие тонули. Попытка Бестужева не удалась. К ночи с восстанием было покончено, и в Зимний дворец стали доставлять арестованных.

Потери среди восставших и простых людей были велики. Так, например, из отчета чиновника Министерства юстиции по статистическому отделению С. Н. Корсакова, видно, что в день 14 декабря было «убито народа»: «генералов – 1; штаб-офицеров – 1; обер-офицеров разных полков – 17; нижних чинов лейб-гвардии Московского полка – 93; Гренадерского – 69; Экипажа гвардии – 103; Конного – 17; во фраках и шинелях – 39; женска пола – 9; малолетних – 19; черни – 903. Общий итог убитых – 1 271 человек» [38].

За два дня – 14 и 15 декабря 15-ть офицеров Экипажа были арестованы, а позже – 13 июля 1826 года они по приговору Верховного уголовного суда были лишены дворянства, чинов, наград и осуждены на разные сроки на каторгу. Но до отправки на каторгу им предстояло еще пройти унижительную так называемую гражданскую казнь.

Осужденных офицеров из Петропавловской крепости в Кронштадт везли в двух закрытых баркасах. На Кронштадтском рейде осужденных доставили на 74-пушечный корабль «Князь Владимир». После объявления приговора перед строем на верхней палубе над головами осужденных сломали их сабли, эполеты и мундиры выбросили за борт. Одетые в матросскую одежду осужденные были возвращены в Петропавловскую крепость, откуда им предстоял долгий путь на каторгу и долгая там жизнь.

М. А. Кузнецов. Гражданская казнь моряков-декабристов на 74-пушечном корабле «Князь Владимир». 1826 г. 1979 г. Холст, масло. 130x200 см. [16]

Достоверных сведений о матросах Гвардейского экипажа, погибших или раненых 14-15 декабря, установить так и не удалось. Однако в военно-исторической справке [38] приводятся усредненные по разным источникам данные: убитых – 5, смертельно раненых – 5, раненых – 15; прочих арестованных – 52 чел; пропавших без вести – 14. Гвардейских матросов, осужденных в 1826 г., было не более 70 чел. и содержались они вначале в Петропавловской крепости, а затем в Кексгольмской. В Сводно-гвардейский полк в 1827 г. их было возвращено только 37. Осужденные матросы были определены в полки Кавказского корпуса и участвовали в боевых действиях во время русско-персидской войны 1826-1828 гг.

Вскоре все улеглось, и дела пошли своим путем. 22 августа 1826 г. в Москве состоялась коронация императора Николая I.

Узнав из материалов следствия, что почти все полки гвардии поражены «революционной заразой», Николай I принял меры для более надежной безопасности своей персоны от возможного покушения со стороны личной охраны. Дело в том, что многие из декабристов часто несли службу в карауле во дворце с верными солдатами и имели реальную возможность покончить с царем. В частности, Николай Бестужев с гвардейскими моряками стоял на часах у двери спальни будущего императора Николая I незадолго до восстания на Сенатской площади. Поэтому по указанию Николая I был сформирован специальный отряд телохранителей из числа старослужащих заслуженных солдат и матросов, имеющих боевые награды: рота дворцовых гренадеров, которые занимали посты у жилых помещений царских резиденций. Офицерами этой роты до 1882 г. назначались не потомственные дворяне, а так называемые «бурбоны», то есть офицеры, выслужившие из нижних чинов. В их верности император не сомневался.

Капитан 1 ранга П.Ф. Качалов был освобожден в октябре 1826 года от должности командира экипажа и переведен в Морской кадетский корпус.

В экипаж, который остался практически без офицеров, были прикомандированы 5 офицеров из лейб-гвардии Семеновского полка и причислены с флота еще 11 офицеров.

Морская деятельность экипажа, его служба и жизнь изменились коренным образом. Анализ десятилетней деятельности экипажа после Отечественной войны, главным образом в императорских резиденциях в Петергофе, Царском Селе, Гатчине, Павловске на придворных кораблях и яхтах, достаточно вольготный образ жизни и службы особенно офицеров, а также и нижних чинов не лучшим образом влияли на их духовное состояние. Увиденные в Европе жизнь, быт и свободы обычных людей и в сравнении с ними российские картины крепостного угнетения, слишком длительная служба нижних чинов в условиях бесправия и другие социальные, правовые, национальные проблемы все больше и больше вызвали в массах недовольство, движение за отмену крепостного права.

Император Николай I на протяжении всего пребывания на престоле (1825—1855) уделял флоту гораздо больше внимания, чем его венценосный брат Александр I.

Флот в период царствования Николая I переживал этап нравственного и материального подъема. По воцелении на престол Николаем I был учрежден «Комитет образования флота», задачей которого стала разработка и осуществление новой судостроительной программы. Согласно этой программе Россия должна была стать третьей по силе морской державой после Англии и Франции. К выполнению намеченных целей император приказал приступить немедленно. К первичным задачам относились: подробное исследование состояния кораблей флота, его количественного состава, состояния и производственных возможностей верфей, оборудования портов и мест базирования флота, разработка штата судов флота, реорганизация структурной части и системы управления флотом.

Для исправления негативных настроений на флоте, подъема верноподданнического духа моряков, надо было сменить обстановку: направлять их на службу на боевые корабли, в длительные морские и океанские плавания в заморские страны. Оттуда моряки возвращались бы возмужалыми и опытными лихими «марсофлотцами», гордящимися своей профессией и обладающими обширными познаниями о чужих землях, способными на берегу часами «заливать» о всевозможных былях и небылицах, о своих «подвигах»; заниматься «травлей» на морскую тему о штормах и ураганах, морских чудовищах, о виски и роме, и многом другом,

вызывая зависть у окружающих, восторг и замирение сердец у своих «мамзелей». Поэтому в 1826 г. к Гвардейскому экипажу были приписаны: 74-пушечные корабли «Князь Владимир» и «Царь Константин», а также фрегаты – 44-пушечный «Константин», 36-пушечная «Елена» и 24-пушечная «Россия».

Летом этого же года фрегаты «Константин» и «Елена» выполнили очень важное задание по доставке из Кронштадта в Англию золота в слитках.

В октябре 1826 года отряд судов Гвардейского экипажа в составе корабля «Царь Константин» и фрегата «Елена» под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена вышел в Средиземное море в практическое плавание для совершенствования выучки команд судов, посетил французский порт Тулон, остров Сардиния и 5 июня 1827 г. вернулся в Кронштадт. А 10 июня суда Гвардейского экипажа корабль «Царь Константин» и фрегат «Елена», и укомплектованный флотским экипажем корабль «Князь Владимир», включенные в состав эскадры адмирала Д. Н. Сенявина, вышли из Кронштадта на рейд Красной Горки. Фрегат «Константин», укомплектованный из состава флотского экипажа, еще 3 июня вышел из Кронштадта в Голландию для доставки туда супруги министра двора князя Волконского.

На рейде Красной Горки император Николай I с конца мая производил проверку кораблей эскадры, отправляющейся в Средиземное море. В состав эскадры входили 9 кораблей, 7 фрегатов, 1 корвет и 2 брига. Император посетил и осмотрел 27 мая корабль «Гангут», 2 июня корабли «Иезекиль», «Азов», «Александр Невский». Когда все корабли были в сборе, под наблюдением императора были проведены маневры, в результате которых он убедился в готовности эскадры и лично проводил ее в боевой поход и напутствовал моряков словами: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски».

Император Николай I стремился соблюдать сложившиеся морские традиции, ведь начало им положил еще создатель российского флота Петр I, который или шел флагманом во главе флота, или провожал его в поход. Николай I знал о том, как императрица Екатерина II, отправляя эскадру адмирала Г. А. Спиридова в Средиземное море (Первая Архипелагская экспедиция), 17 июля 1769 г. на Кронштадтском рейде посетила флагманский корабль «Святой Евстафий», напутствовала моряков – флагманов и командиров, Одних она повысила в чинах, другим вручила ордена. А нижним чинам достаточно было просто ее увидеть. А какой результат этой церемонии проводов: победа в Хиосском и Чесменском сражениях, завоевание господства в Средиземном море, несколько позже создание Черноморского флота и основание главной базы Севастополя.

Император Александр I, отправляя эскадру вице-адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (Вторая Архипелагская экспедиция) 25 августа 1805 г. на Кронштадтском рейде посетил эскадру и проводил в поход. В результате русские моряки разгромили турецкий флот в Дарданелльском и Афонском морских сражениях и закрепили господство русского флота в Средиземном море.

Следует отметить, что император Александр I часто бывал в Кронштадте, посещал корабли, интересовался вопросами службы и быта моряков. Будучи в 1818 г. в Крыму, Александр I прибыл в Севастополь, на катере обошел стоящие в бухте корабли Черноморского флота: 74-пушечные линейные корабли «Дмитрий Донской», «Максим Исповедник», «Бриен», «Красной», «Николай» и вступивший в состав флота в 1814 г. 110-пушечный линейный корабль «Париж», названный так в честь победоносного вступления русских войск во главе Императором 18 марта 1814 г. в столицу Франции. Александр I поднялся на борт корабля, обошел его и внимательно осмотрел, после чего отобедал с офицерами корабля в кают-компани. Последний раз он посетил Севастополь 27 октября 1825 г.

Естественно возникает вопрос: с какой целью русская эскадра направлялась в Средиземное море? Дело в том, что Россия давно стремилась в Грецию, оказывала помощь грекам в борьбе за национальную независимость от Турции. Кроме того, Россия была заинтересована и в черноморских проливах Босфор и Дарданеллы, что важно в политическом, военном и экономическом отношениях. Очень активно эта политика начала проводиться во времена императрицы Екатерины II, с Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1768-1774 гг.

Европейские страны, и особенно Франция, которая территориально расположена на Средиземном море, были противниками России по этому вопросу, но Англия – не всегда, а когда ей это было выгодно. В марте 1826 г. Россия и Англия подписали так называемый «Петербургский протокол», о совместном выступлении против Турции, но не с военной кампанией, а с поддержкой национально-освободительного движения, преследуя цель добиться автономии Греции под властью султана. Россия и Англия предложили свое посредничество для решения этого вопроса, но Турция отказалась, продолжая жестокое подавление освободительной борьбы греков.

Тогда три державы: Россия, Англия и Франция решили провести совместную военно-морскую демонстрацию у берегов Турции для давления на нее. По «Лондонскому договору» от 24 июня 1827 г. предполагалось даже воздействие на Турцию военной силой трех государств.

10 июня эскадра адмирала Д. Н. Сенявина снялась с якорей и 28 июля прибыла в Портсмут, туда же из Голландии прибыл фрегат «Константин». Там из состава эскадры адмирала Д. Н. Сенявина по договоренности с союзниками была выделена эскадра под командованием контр-адмирала Л. П. Гейдена, которая и убыла 8 августа в Средиземное море. Остальная часть эскадры Д. Н. Сенявина, в том числе корабль и фрегат Гвардейского экипажа, вернулись в Кронштадт.

В Средиземное море ушли корабли «Азов», «Гангут», «Иезекиль», «Александр Невский», фрегаты «Константин», «Проворный», «Елена», «Кастор», корвет и четыре брига.

1 октября русская, английская и французская эскадры соединились в Средиземном море (28 вымпелов, 1276 орудий) и под общим командованием старшего в чине английского вице-адмирала Эдварда Кодрингтона направились к Наваринской бухте Ионического моря на юго-западе полуострова Пелопоннес в Греции.

Там под защитой береговых батарей (165 орудий) и 6 брандеров стоял на якорях турецко-египетский флот (около 70 вымпелов, более сотни военных транспортов и мелких судов, до 2200 орудий), командующим флотом являлся Мухаррем-бей, главнокомандующим войсками и флотом – Ибрагим-паша.

Союзники уступали в артиллерии, но превосходили в боевой выучке личного состава. На военном совете было принято решение войти в бухту, рассчитывая путём демонстрации силы (без применения оружия) заставить противника принять требования союзных держав.

8 октября 1827 года в 13 часов соединённый флот двумя кильватерными колоннами начал движение в Наваринскую бухту. Первая состояла из английских и французских кораблей, а вторая - из российских. После прохода союзными эскадрами крепостных батарей, вход в бухту начала русская эскадра с флагманским кораблём «Азов» в голове колонны.

И. К. Айвазовский (1817-1900). Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года. [21]

В это время на одном из турецких брандеров произошла сильная ружейная пальба, в которой был убит английский лейтенант Фиц-Рой, посланный в качестве парламентаря к командирам турецких брандеров с требованием отойти дальше от союзных кораблей. Вслед за этим открыли артиллерийский огонь турецкие корабли и береговые батареи. Русская эскадра, не открывая артиллерийского огня, под огнем противника вошла в бухту и заняла места по назначенной диспозиции.

Вскоре сражение стало всеобщим. Оно продолжалось около 4 часов и закончилось уничтожением турецко-египетского флота. Наиболее решительно и искусно действовала русская эскадра под командованием контр-адмирала Л. П. Гейдена, разгромившая весь центр и правый фланг неприятельского флота. Она приняла на себя главный удар противника и уничтожила большую часть его кораблей. В сражении особо отличился флагманский корабль русской эскадры «Азов» под командованием капитана 1 ранга Михаила Петровича Лазарева. Флагман уничтожил 5 турецких кораблей, в том числе фрегат командующего турецким флотом. «Азов» получил 153 попадания, из них 7 ниже ватерлинии. На нем в бою проявили себя лейтенант Павел Степанович Нахимов, мичман Владимир Алексеевич Корнилов, гардемарин Владимир Иванович Истомин – будущие герои Синопа и Севастопольской обороны 1854-1855 гг. и другие офицеры. В числе отличившихся был и сын Морского министра маркиза де-Траверсе - капитан-лейтенант Александр Иванович Траверсе, получивший в этом сражении ранение, впоследствии дослуживший до чина вице-адмирала, но, по причине родства с Министром, незаслуженно забытый в нашей истории.

В результате сражения в Наваринской бухте был уничтожен весь турецко-египетский флот, погибло 7 тысяч человек экипажей кораблей и судов. Союзники не потеряли ни одного корабля, потери убитыми и ранеными составили около 800 человек.

Произведя незначительный ремонт, русская эскадра 13 октября вышла из Наваринской бухты и 27 октября прибыла на остров Мальта в порт Ла-Валетта для ремонта и восстановления своей боеготовности.

А тем временем в Санкт-Петербург мчался с возможной в то время скоростью курьер капитан-лейтенант Александр Иванович Траверсе с донесением контр-адмирала Л. П. Гейдена императору Николаю I и представлением к чинам и наградам отличившихся. Гейден знал, кого надо посылать с донесением! Прибыв в столицу, Александр Иванович представил донесение императору, по его просьбе в присутствии многих свитских в ярких красках описал и сражение, и мужество и героизм офицеров, нижних чинов и все прочее, чем вызвал восторг всех присутствующих. Здесь же Император произвел его в чин капитана 2 ранга, вручил Орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, назначил своим адъютантом, написал его отцу Морскому министру короткое письмо и отправил с ним Александра Ивановича в отцовское имение, предоставив ему двухнедельный отпуск.

По истечении отпуска капитан 2 ранга А. И. Траверсе явился к императору, получил императорский рескрипт, очередное императорское напутствие и Георгиевский флаг, срочно изготовленный в Кронштадте в флажной мастерской из специальной флажной ткани флагтуха размером 9,5 x 14 м и помчался обратно на Мальту.

Там и был получен высочайший указ о награждении Георгиевским флагом 12-го флотского экипажа, который комплектовал корабль «Азов», «в честь достохвальных деяний начальников, мужества и неустрашимости офицеров и храбрости нижних чинов».

23 марта 1828 г. в бухте Ла-Валетта впервые на русском флоте состоялся торжественный церемониал подъема кормового Георгиевского флага на линейном корабле «Азов». В парадном строю стояли 9 кораблей русского флота, 7 кораблей французского флота, в акватории бухты находилось множество различных судов, яхт, катеров, расцвеченных по-праздничному флагами. На набережных собралось несметное количество зрителей. Под гром артиллерийского салюта всех военных кораблей, под звуки оркестров и могучее «Ура!» экипажей, расставленных на палубах и реях, ликование народных масс огромный Георгиевский флаг и флаги расцвечивания «Азова», военные флаги русских и французских кораблей, и флаги расцвечивания медленно поднялись «до места».

Подобных торжеств на Мальте до этого никогда не было. Память об этом событии на острове сохранилась до наших дней. И этот Георгиевский флаг тоже сохранился, он находится на хранении в Центральном Военно-Морском Музее в Санкт-Петербурге.

С.В.Пен. Подъем кормового Георгиевского флага на линейный корабль «Азов» 23 марта 1828 года в бухте Ла-Валетта. 1997. [16]

Но, следует отметить, что к Гвардейскому экипажу ни корабль, ни его экипаж причислены не были.

Два с лишним года император Николай I находился исключительно в Петербурге, вникая в государственные дела, устанавливая свой порядок, насаждая свою систему. Он предпринял исключительно энергичные действия для завершения формирования той системы государственности, которая была заложена еще Петром I. Самодержавие в короткое время достигает своего апогея. Когда по оценке императора ситуация в столице, в обществе и в армии полностью стабилизировалась, везде в органах государственного управления и в командовании войсками были назначены доверенные лица, на которых можно было положиться, он позволил себе возможность отлучаться из столицы для поездок по России и стал совершать даже зарубежные поездки. А тут представилась и возможность, и необходимость поездки – на театр военных действий с Турцией.

После Наварина Турция при подстрекательстве Австрии, повела борьбу с русским судоходством на Черном море, закрыла русским судам проход через Босфор и Дарданеллы, объявила все договоры, заключенные с Россией, недействительными. Закончив в феврале 1828 г. войну с Персией и воспользовавшись ослаблением Турции, 14 апреля 1828 г. Россия объявила ей войну. Но уже задолго до этого русские войска начали подготовку к переходу на театр военных действий, а Черноморский флот начал активную подготовку к боевым действиям на море.

23 февраля 1828 г. император Николай I отдал приказ о подготовке Гвардейского корпуса к походу, а 1 апреля из Петербурга пешим порядком вышел первый эшелон Гвардейского корпуса в составе лейб-гвардии Егерского и Финляндского полков, лейб-гвардии Саперного батальона и Морского Гвардейского экипажа. Проводить их в 10 часов утра прибыл государь, который сопровождал гвардейцев за Нарвскую заставу. Экипаж в составе восьми рот следовал под командованием своего командира контр-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена.

Переход от Санкт-Петербурга на театр военных действий был завершен успешно, и в начале июля экипаж подошел к берегам Дуная в районе крепости Исакчи. Передовой отряд экипажа, оставив свой обоз в местечке Коварна, направился ближайшим путем к осажденной турецкой крепости Варна, куда и прибыл рано утром 18 августа.

К этому времени сосредоточенные на театре военных действий ранее русские войска в конце мая переправились через Дунай. В ходе боевых действий они в начале июля отрезали крепость

Варна от остальных турецких войск, но сил для решительных активных действий было недостаточно. Крепость Варна имела достаточно развитую систему предместных укреплений, размещенных на обширной территории, многочисленный гарнизон и мощное артиллерийское вооружение при большом количестве боеприпасов. 22 июля десятитысячный корпус войск, доставленный из Севастополя на кораблях, заблокировал крепость с суши, а Черноморский флот под командованием вице-адмирала А. С. Грейга – с моря. Здесь были 8 кораблей, 2 фрегата, 3 бомбардирских судна, 2 катера, 2 люгера, 4 транспорта, один пароход и несколько малых судов.

С прибытием из Санкт-Петербурга Гвардейского корпуса, в составе которого было 32 орудия, численность русских войск увеличилась до 32 тыс. человек. У осаждающих войск стало 118 полевых и 52 морских орудия, снятых с кораблей.

В этот же день 18 августа Гвардейский Экипаж был размещен на кораблях:

- 1-я и 2-я роты на линейном корабле «Париж»,
- 3-я рота на линейном корабле «Пимен»,
- 4-я рота и штаб Гвардейского Экипажа на линейном корабле «Пармен», где поднял свой флаг контр-адмирал Беллинсгаузен Ф.Ф.,
- 5-я рота на фрегате «Флора»,
- 6-я рота на фрегате «Штандарт»,
- 7-я рота на фрегате «Поспешный»,
- 8-я рота на фрегате «Рафаил».

Император Николай I следовал на театр военных действий, опережая войска, идущие из центральной России, и во второй половине июля был уже на месте. Он совершал поездку с императрицей Александрой Федоровной, которая на театр военных действий не поехала и осталась в Одессе на отдых. Император на пароходе «Храбрый» из Одессы прибыл к Варне, где встретился с главнокомандующим русскими войсками генерал-фельдмаршалом П. Х. Витгенштейном, ознакомился с обстановкой на театре военных действий. 24 июля он прибыл на борт флагманского корабля «Париж», где заслушал вице-адмирала А. С. Грейга об обстановке на морском театре военных действий, и в этот же день на фрегате «Флора» в сопровождении брига «Меркурий» и парохода «Метеор» убыл в Одессу. В конце августа он вернулся к Варне, разместился на линейном корабле «Париж», откуда в течение месяца до капитуляции крепости наблюдал за ходом боевых действий. Для него и свиты на юте корабля было оборудовано место со зрительной трубой. Для сообщений с берегом служил катер с гребцами Гвардейского экипажа.

110-пушечный корабль «Париж» был построен на Николаевской верфи в 1826 году корабельным мастером И.С. Разумовым и был первоначально назван «Дербент». Он достигал в длину 59, а в ширину 15,9 метров. В 1827 г. «Дербент» переименовали в «Париж» и его носовым украшением на княвдигеде стал двуглавый орел, державший в когтях щит с изображением герба Парижа.

*К.В.Круговихин. Линейный корабль «Париж» на рейде Варны.
1828 год. 1843. Холст, масло. 110х160. [16].*

М.Н.Лермонтов, участник войны с Турцией 1828-1830 гг., в очерке [5] рассказывает о действиях морской лейб-гвардии в той войне следующее: «Черноморский флот под Варною состоял из 110-пушечного корабля “Париж” под флагом главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга, 110-пушечного корабля “Император Франц” под вице-адмиральским флагом; корабля “Норд-Адлер” под контр-адмиральским флагом. Под ординарными вымпелами кораблей: “Пармен”, “Пимен”, “Иоанн Златоуст”, “Скорый”, “Пантелеймон”; фрегатов: “Флора”, “Штандарт”, “Поспешный” и “Рафаил”; бомбардирских судов: “Опыт”, “Подобный” и “Соперник”; люгеров: “Широкий” и “Глубокий”; катеров: “Сокол” и “Соловей”; транспортов: “Мария”, “Зита”, “Ингул” и “Граф Ланжерон”; парохода “Молния”; нескольких иол; 9 зафрахтованных купеческих разных наций судов и 5 вырезанных у турок под Варною начальником штаба Черноморского флота капитаном 1-го ранга Мелиховым турецких купеческих судов.

На линейные суда этого флота разбит был поротно Гвардейский экипаж, а именно на корабле “Пармен” контр-адмирал Беллинсгаузен поднял свой флаг и с ним помещены штаб-офицер 1 и две роты с унтер-штабом, на корабль “Париж” штаб-офицер 1 и также две роты; на корабле “Пантелеймон”, “Пимен”, “Императрица Мария” и на фрегат “Поспешный” по одной роте, офицеры размещены по судам со своими ротами; равно и артиллерийская рота Гвардейского экипажа расписана была по тем же судам. С первого же дня поступления на флот морская гвардия начала усердно нести службу на судах, и каждой роте Гвардейского экипажа удалось быть на кораблях в деле против крепости Варны; пароход “Молния” скоро доставил экипажу из Каварны самые необходимые вещи из ротных повозок и фур. 27-го августа государь император Николай Павлович прибыл на флот на фрегат “Флора” и, отсалютовав адмиралу 11-ю выстрелами, фрегат с последнею пушкою поднял на грот-брам-стенге штандарт и общий со всего флота салют, и громкое русское “Ура!” с рей, униженных стоящими на них людьми, возвестило осаждавшим крепость о высочайшем прибытии.

В тот же день государь изволил переехать на корабль “Париж” со всею свитою, флигель-адъютант Римский-Корсаков находился при его величестве. Гребцы первого государева катера все были на флагманском адмиральском корабле, на этом корабле приготовлен был и особый катер для его величества; гребцы и катер тотчас по высочайшем прибытии на корабль поступили в ведение флигель-адъютанта Римского-Корсакова, и государь император каждодневно ездил на этом катере на берег к осаждавшим крепость войскам; по случаю болезни командира корабля “Париж” капитана 1 ранга Бальзама место временно его занял Гвардейского экипажа капитан-лейтенант Казин». <...>

«Крепость Варна, лежащая на берегу Черного моря в углублении небольшого залива, была осаждена уже в июле месяце от востока флотом, от севера нашею армиею, от запада, прикрытая озером Денно; крепость эта была также тревожима и с озера средствами от флота приготовленными; южная же часть крепости, за малочисленностью войск, не будучи занята осаждавшими, открывала ей свободное сообщение с Константинополем и даже с укрепленным турецким лагерем под Шумлюю. Главное начальство над осаждавшими Варну войсками, после генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова, положившего основание взятию Варны и тяжело раненого, по отражении сильной вылазки турок против малосильных войск русских, была возложена на генерал-адъютанта графа М.С. Воронцова.

Гвардейский корпус между тем подходил к осаждаемому, и первыми пришли саперы, егеря и финляндцы, за ними измайловцы и павловцы, и две батарейные роты пешей Гвардейской артиллерии №№ 3 и 4 и т.д. Войска эти со своими обозами и артиллерия не могли идти по той дороге, по которой прошел Гвардейский экипаж, пробиравшийся без тяжестей по тропинкам и часто по руслу иссякших протоков, а потому войсками, имевшими при себе полковые тяжести, обходя на Балчик, надобно было около 5 дней марша, чтобы прибыть к Варне. Турки не оставались также хладнокровными зрителями усиления осаждающих войск; к ним приходили по Константинопольской дороге с южной стороны подкрепления, и, наконец, паша Омар-Врион двинулся на выручку крепости. Из Главной армии нашей отделили армейский корпус навстречу паше, корпус этот выходил из-за озера Денно, охраняющего Варну с западной стороны; осаждавшим оставалось занять южный берег Варненского залива и открыть по возможности,

если не правильную осаду крепость с южной стороны, то по крайней мере стеснить ее усиленную блокадою и вместе с тем открыть сообщение с корпусом, выходящим на Константинопольскую дорогу.

Для занятия южной стороны Варненского залива его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелеть назначить в десант 4-ре роты Гвардейского экипажа и поручить этот десант капитан-лейтенанту Лермонтову, а для устройства пристани и прочих работ на берегу присоединить к этим четырем ротам, столько же черноморских моряков с оружием и инструментами и всю эту сводную команду отдать под начальство Черноморского флота храброго капитана 1 ранга Критского.

29-го августа ночью весь этот отряд соединился на бомбардирских судах и на шхуне “Гонец”, а 30-го августа, перед самым восходом солнца, когда сильный туман начал опадать, четыре роты Гвардейского экипажа, размещенные в порядке занятия берега, посажены на гребные суда, на тихой гребле, пошли они к южной стороне залива и между мысом Галата и Константинопольской дорогою в назначенном же порядке пристали к берегу; избрав застрельщиков под команду лейтенанта Хитрово, немедленно заняли берег; без шума и в таком же порядке высажен весь десант, двинулся на высоты и этим движением отрезал мыс Галата, на котором сверху было выбито старое укрепление; командовавший четырьмя ротами морской гвардии донес обо всем капитану 1 ранга Критскому и просил его распоряжений занять мыс этот флотскими матросами для того, чтобы со своими 4-ю ротами обозреть, сколько возможно долго и подробно, Константинопольскую дорогу.

Получив разрешение, гвардейские моряки, принимая всю цепью, прошагав вправо к дороге, и примкнув к ней, заняли правым флангом выгодную позицию, а переменяв строй цепи левым флангом вперед, вся цепь встала лицом на юг к Константинополю, и посылали на дорогу сильные патрули. Турки до того были поражены, заметив русских на Константинопольской дороге, а мыс Галата занятым русскими, что, побросав все свои утренние потребности и даже часть одежды, бросились в крепость, при всем том флотские роты захватили несколько пленных и крепостной рогатый скот, сберегавшийся в укреплении Галата. Взошедшее солнце развеяло туман, а на Константинопольской дороге блистали русские штыки патрулей, цепь Гвардейского экипажа сообщалась с мысом Галата и берегом, но турки еще ни на что не решались.

Капитан 1 ранга Критский, отозвав матросов Черноморского флота с мыса Галата, стянул цепь Гвардейского экипажа ближе к берегу и, наконец, приказал поставить эту цепь по отлогам к морю, дабы этим прикрыть в случае нужды начавшиеся работы по устройству пристаней и балаганов для склада материалов и продовольствия. В это же время перевезено несколько лошадей Бугского уланского полка, и флигель-адъютант Римский-Корсаков под конвоем этих уланов повез бумаги из Главной императорской квартиры на флоте, в вышедший на Константинопольскую дорогу русский корпус войск». <...>

«Весь этот день употреблен на обозрение местности, государь император изволил осмотреть сам местность эту и, заметив, что Константинопольская дорога, скатываясь с северных балканских гор, выходила к крепости через разрытое ущелье, высочайше повелеть изволил, занять эти высоты и устроить редут на низменности между крепостью и ущельем; крепость лишена будет этим всякого сообщения; прорываться в крепость сикурсе (*подмоге – авт.*) также невозможно или весьма трудно, потому что выход из него будет обстреливаем с высот и из редута. Поэтому в ту же ночь с 30-го августа на 31-е офицеры л.-гв. Саперного батальона явились на южную сторону залива, проверили местность, провели трасс редута, немедленно заложили его и при помощи черноморских молодцов моряков к утру редут был уже почти кончен. Турки стреляли из Варненской цитадели огромными ядрами, которые хотя и ложились в цепь, но не могли наносить большого вреда новому редуту по его местности, а только указывали наши же небольшие недостатки; неподвижность турецкой тяжелой артиллерии давала возможность охранить и цепь, и редут от вреда; оставалось вооружить этот редут, и потому немедленно были свезены с кораблей орудия и, несмотря на выстрелы с крепости, сыпавшиеся на дорогу, по которой надобно было везти корабельные орудия, редут был скоро вооружен и открыл вместе с флотом огонь по крепости. Этот редут, прикрытый Гвардейским экипажем, был собственно редутом этого экипажа, потому что, вооруженный корабельными пушками, не имел

другой прислуги кроме артиллеристов Гвардейского экипажа, и командир этой роты капитан-лейтенант Киселев с первого и до последнего выстрела оставался начальником этого редута».

Далее автор [5] пишет: «2-го сентября вечером подняли на корабле ‘Париж’ на фор-брам-стеннге белый флаг, на всех крепостных бастионах развились также белые флаги и военные действия прекращены на время; в это время катер Гвардейского экипажа с лейтенантом Фон-Финком отвалил от корабля ‘Париж’ под белым флагом и повез в крепость парламентаря капитан-лейтенанта Кузнецова и переводчика Ботьямо, катер возвратился скоро из крепости, а белые флаги не спускались».

3 сентября адмирал А.С. Грейг в сопровождении действительного статского советника Негри отправился на корабле ‘Императрица Мария’ и приказал на этом корабле поднять белый флаг; гребное судно вышло из крепости под белым флагом капудан-паши с турецкими чиновниками и они явились на корабль ‘Императрица Мария’ для переговоров.

В 11 часов телеграфом с этого корабля донесено, что крепость не сдастся, ответом на этот шаг было высочайшее повеление флоту и войскам быть готовыми к возобновлению военных действий; через четверть часа на корабле ‘Императрица Мария’ спустили белый флаг и подняли красный, и действия ракетами, бомбами, пальба из орудий и из ружей началась с большею против обыкновенного силою.

4-го сентября его величество государь император изволил прибыть на южную сторону Варны и, севши на вороную лошадь, в сопровождении только капитан-лейтенанта Лермонтова, начальствовавшего 4-ю ротами Гвардейского экипажа, изволил отправиться кратчайшим путем к передовой цепи и в редут. Напрасно представлял этот штаб-офицер опасность этого пути. Его величество, не взирая ни на что, осмотрел передовую цепь, резервы и редут, проверил положение его к Константинопольской дороге, проехал по этой дороге, осматривая местность, и через три часа после выхода на берег тою же дорогою возвратился к катеру. Садясь на катер, его величество изволил благодарить за верное описание местности и за меры принятые к осаде крепости *». <...>

** Подъезжая к резервам Гвардейского экипажа, государь изволил заметить сопровождавшему его: “Ты сам введешь меня, резервы твои встали, вели пусть лежат и не вставать при мне, встанет и цепь привлечет внимание неприятеля”. Но цепь не вставала и император не знал, что его вороная лошадь известна в крепости и государя знали таки /слова Юсуф-Паши/. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«5-го сентября корпус русских войск занял окончательно Константинопольскую дорогу и приближался к крепости, а потому корабли ‘Пармен’, ‘Пимен’, ‘Пантелеймон’ и ‘Императрица Мария’ забрали десант Гвардейских моряков строевых рот, артиллеристы же Гвардейского экипажа оставались в редуте до самого взятия крепости».

16-го сентября с южной стороны донесено государю, что правый фланг наш сильно атакован неприятелем, просят прислать с кораблей десант для прикрытия пристани и прочего на берегу. Его величество сигналом повелеть соизволил стоявшим под крепостью кораблям ‘Императрица Мария’ и ‘Пармен’ свезти на этот предмет всех строевых матросов Гвардейского экипажа, вместе с тем прислано приказание поручить этот десант капитан-лейтенанту Лермонтову. Турки действительно сильно атаковали наш правый фланг, прорвались до линии обозов, но были отбиты и десант возвращен; в то же время турецкая кавалерия выходила из крепости с южной стороны, намереваясь прорваться, но редутом Гвардейского экипажа артиллерии капитан-лейтенанта Киселева и содействием иолов была обращена в крепость». <...>

«Флигель-адъютант Римский-Корсаков послан от его величества осмотреть лазареты и госпитали. Капитан-лейтенант Казин по тяжелой глазной болезни отправлен заранее в Одессу, а потому 17-го сентября высочайше повелено капитан-лейтенанта Лермонтова с корабля «Пармен» перевести на корабль «Париж». Здесь приказано этому штаб-офицеру находиться при государе императоре и сопровождать его величество во всех поездках на берег и по осадным работам; ему переданы катер государев с гребцами, сумка с планами и чертежами осадных работ и расположения осадного войска и, наконец, зрительная труба государя. Император каждый день ездил на берег, но, с отказа паши сдать крепость на предложенных условиях, его величеству

угодно было строже и сильнее продолжать осаду крепости. Государь сам лично посещал по утрам производство осадных работ, наблюдал и осматривал вред, нанесенный крепости; не взирая на предостережения графа Воронцова являлся перед крепостью на самых видных и опасных местах. В этот последний случай его величество оставлял всю свиту свою в некотором отдалении и, сопровождаемый только Гвардейского экипажа штаб-офицером, имевшим при себе план, и рейткнехтом, останавливался на избранном месте и, спешившись, принимая трубу от этого штаб-офицера, клал ее на плечо ему и смотрел в крепость и на ее стены, приказывая при том, державшему трубу, наносить новые бреши на чертежи. Император обыкновенно перед возвращением на корабль посещал войска, в лагере стоявшие и, наконец, лазаретные балаганы, от флота из запасных парусов устроенные. Его высочество великий князь Михаил Павлович часто посещал государя императора на корабле и бывал всегда привозим и отвозим на катере его величества тем же штаб-офицером». <...>

«Три недели продолжалась осада; бомбы, ракеты и ядра разрушали стены, и подрыв северо-восточного бастиона крепости, повреждение минами другого атакованного бастиона и разрушение ядрами куртины произвели в северной стене крепости три широких обвала, удобные для входа; стрелки наши уже залегли в разрушенных бастионах, а упорство турок держалось в крепости.

Необходимость требовала приступа, но государь император, имея в виду, что следствием приступа будет сильное кровопролитие, щадя людей, согласился только на занятие некоторых пунктов на разрушенных валах и завалах, поэтому его величеству благоугодно было утвердить следующие распоряжения.

С вечера 24 на 25 сентября в самую полночь охотники 13-го и 14-го егерского полка и Черноморского флота должны были собраться во рву взорванного северо-восточного бастиона, первые в числе 110 человек, а Черноморские матросы и часть пионеров в числе 150 человек; эти последние должны были с турами и фашинами идти за охотниками для устройства внутри крепости у взорванного бастиона ложементов; рота егерей 13-го и 14-го егерских полков должна была занять приморскую стену крепости и тем обеспечить действия охотников и прикрыть работы ложементов, и 2-я гренадерская рота л.-гв. Измайловского полка должна была поддержать все эти действия. Для отвлечения внимания турок некоторые полки гвардии спустились в ров и одновременно с движением левого фланга должны были произвести ложную атаку и на другие части крепости уже охотники взойти по разрушенному северо-восточному бастиону; мины и ядра прорыли в нем углубления и ямы, в них залегли стрелки и ждали сигнала, и ровно в 5 часов утра 25-го сентября взлетела сигнальная ракета, батареи открыли огонь, охотники вскочили, штыки их выкололи первых попавшихся турок, егерская рота заняла приморскую стену крепости и все двинулись вперед; но храбрым не было указано пределов движению вперед они не дали время опомниться туркам и 11-ть их орудий не выстрелили ни разу». <...>

«Государь император наблюдая с корабля “Париж” все эти действия раньше обыкновенного поехал на берег и дольше обыкновенного провел на берегу. Возвращаясь на корабль, его величество изволил с участием говорить о пострадавших от неудачного исполнения этого прекрасно обдуманного предприятия.

26-го сентября с высочайшего соизволения объявлено главноначальствующему в крепости Варне капудану-паше, что дело предшествовавшей ночи доказывает возможность и, ручается за успех приступа, следствием которого будет неминуемая гибель гарнизона. Это объявление подействовало, и на другой день 27-го сентября трехбунчужный паша Юссуф Сересский, второй начальник в крепости, явился в наши траншеи для переговоров с прибывшим туда же адмиралом Грейгом. С этим вместе прекратились и военные действия. Переговоры продолжались до утра 28-го сентября, но несклонный капудан-паша заставил в этот же день в 4 ½ часа пополудни снова открыть жесточайший и непрерывный огонь по крепости, который уже решительно принудил, наконец, гарнизон и жителей вскоре после полуночи просить пощады Юссуф Пашу, перешедши со своим войском на сторону русских». <...>

«Государь император каждый день продолжал посещать берег, объезжал войска, осматривал работы и раненых, переезжая всегда на своем гвардейском катере. 29-го сентября в 12 часов сдача крепости окончательно решена; в час пополудни на главном ее бастионе подняли русский

флаг, турецкий же флаг и ключи крепости на борту поднесены его величеству государю императору Николаю Павловичу.

Войска начали вступать в крепость, а со флота по сигналу с берега произвели салют из всех орудий. Пропустив войска в крепость, государь изволил объехать крепость, осмотрел все бреши бастионов и поручил находившемуся безотлучно при его величестве во все это время Гвардейского экипажа штаб-офицеру проверить чертежи и карты его величества и нанести то, чего еще не было нанесено на них. 30-го сентября император, съехав на берег, отправился прямо в гвардейский лагерь, там отслужил молебен за дарованный господом богом успех; флот же при возглашении многолетия императорскому дому произвел снова салют из всех орудий». <...>

«В этот же день адмирал Грейг и генерал-адъютант граф Воронцов удостоены всемилоостивейших наград: первый - ордена Св. Георгия 2 степени, а второй - золотыми алмазами усыпанную шпагою с надписью “За взятие Варны”. Этим не ограничилась признательность справедливого монарха. Его величеству благоугодно было пожаловать из числа взятых в Варне орудий генерал-адъютантам графу М. С. Воронцову и князю А. С. Меншикову каждому по одному орудию. В этот день и в последующие дни 1-го и 2-го октября его величество одинаково с главнокомандующим, флотом и войсками заботился об обеспечении Варны со стороны моря и сухого пути, о расположении войск на зиму за Дунаем, об обратном походе гвардии и проч.

Все повеления его величества развозились с корабля распоряжением начальника штаба Черноморского флота капитана 1 ранга Мелихова или находившимся при государе Гвардейского экипажа штаб-офицером.

В 2 часа 30 мин. по полудни 2-го октября император изволил переехать на приготовленной для плавания его величества в Одессу корабль “Императрица Мария”. При прощании с офицерами и экипажем корабля “Париж” государь благодарил офицеров и нижних чинов за их службу, проходя мимо офицеров, изволил позвать к себе капитан-лейтенанта Лермонтова и, идучи по шканцам корабля “Париж”, изволил сказать ему: “Поздравляю тебя, я и тебя не забыл, никогда не забуду службы твоей, а затем прощай” *.<...>

** “Эти слова глубоко врезаны в душу мою, и в самую минуту смерти они будут для меня утешительным доказательством исполнения долга моего”. (Примечание М.Н. Лермонтова)*

«Корабль “Императрица Мария”, приняв его высочество, тотчас же снялся с якоря и вступил под паруса, отсалютовал адмиральскому флагу 11-ю выстрелами и с последнею пушкою поднял штандарт. Черноморский флот и на нем раскомандированный Гвардейский экипаж, прощаясь с монархом, в последний раз в этом 1828 году отсалютовал его штандарту.

Привет его величества на шканцах корабля “Париж” означил всемилоостивейшие награды пожалованные капитан-лейтенантам Гвардейского экипажа Казину, Лермонтову и флигель-адъютанту Римскому-Корсакову следующие чины капитана 2-го ранга, а командиру артиллерийской роты этого же экипажа капитану-лейтенанту Киселеву производство в капитаны 3 ранга, и объявление всемилоостивейшего благоволения за отличное исполнение поручения при устройении на южной стороне Варненского редута этого же экипажа лейтенантам Лермонтову 2-му, Литке 2-му, Бурдукову и Хитрово и мичману Андрееву.

Сверх этой награды его величество пожаловал всем служившим во время высочайшего присутствия на корабле “Париж” как Черноморского, так и Гвардейского экипажа, по годовому окладу жалования. Этою наградою воспользовались капитан-лейтенанты: Казин 1170 рублями, Лермонтов уже по чину 2 ранга 1350 р., мичманы: князь Гагарин, Бемянин и Иванов 12-й по 900 р., артиллерии капитан-лейтенант Киселев по чину капитана 3 ранга 1170 р., юнкер Кирилов 48 р. и боцманматов 3, квартирмейстеров 12, экипажный барабанщик 1, флигель-горнист 1, флейтчиков, горнистов и барабанщиков 8, музыкантов 39, матросов 173; артиллерийской роты барабанщиков 1, унтер-офицеров 7, барабанщиков 9, канониров 23 и нестроевых 3». <...>

«Плавание корабля “Императрица Мария” по причине осенних ветров было не совсем удачно, ему сопутствовали яхта “Утеха” и пароход “Метеор”, рота Гвардейского экипажа была на этом корабле. 2 октября в 2 часа по полудни корабль снялся с якоря при тихом SSW, но в ту же ночь

ветер перешел к NNW; северо-восточная зыбь при тихом ветре в том же время служила предвестницей шторма.

4-го октября около двух часов пополуночи ветер задул от ОтN и начал постепенно крепчать; к 8 часам перешел в риф марсельный с порывами; в 10 ½ часов при жестком порыве, имея только одни нижние паруса и зарифленный грот-марсель, корабль потерял фор-стенггу, а потом бом-утлегарь и утлегарь; офицеры и матросы работали усердно, Гвардейского экипажа лейтенант Литке 2-й, распорядился работами на фор-марсе и, работая сам при очистке сломанной стеньги, поощрял нижних чинов. К полудню ветер обратился в шторм, ему сопутствовали пасмурность и дождь; штормовые паруса не подвигали корабль вперед, и положение его становилось затруднительно. К шести ветер вдруг и неожиданно пошел к N, а в полночь дошел до NW; эта перемена ветра не лишала, по крайней мере, корабль возможности в случае нужды искать убежища в наших Крымских портах. Твердая воля государя императора проявилась и тут, его величество не приказал изменять направления в Одессу, хотя это и продолжало неприятное осеннее плавание на неопределенное время. Наконец 5 октября утром начала прочищаться пасмурность, ветер стал ослабевать в своей силе, пользуясь этим корабль выстроил запасную фор-стенггу и, получив ветер от WSW, поставил паруса по силе ветра, пошел в Одессу и прибыл в этот порт только с 7 на 8 октября ночью». <...>

«6-го октября корабль «Париж» и почти весь стоявший под Варною Черноморский флот снялся с якоря и пошел в Севастополь. Продолжительные северные ветры изредка переходящие к северо-западу задерживали плавание флота; через шесть дней после отплытия от Варны флот пришел в Севастополь и корабль «Париж», проводив адмирала Грейга со штабом его в Николаев, вошел в гавань и разоружился. Корабли и суда, бывшие в отдельном от флота плавании, по мере окончания данных им поручений, приходили в Севастополь, входили в гавань, возвращали роты Гвардейского экипажа в состав его, и не прежде 6 декабря экипаж этот соединился весь для того, чтобы, исправившись несколько, посылать сначала по пять рот и потом по две роты в крейсерства на судах Черноморского флота к берегам русским. По этому случаю некоторые роты Гвардейского экипажа приняли деятельное участие при покорении Сизополя», - заканчивает описание действий экипажа в 1828 г. М.Н. Лермонтов в своем очерке [5].

Примечание: За взятие Варны 280 нижних чинов Гвардейского экипажа и большинство офицеров были награждены. 2 октября Государь Император отправился из Варны в Одессу на корабле, носящем имя его матери, 84-пушечном линейном корабле «Императрица Мария», который на переходе Черным морем попал в жестокий шторм, получил серьезные повреждения парусов, рангоута и такелажа. Ветром и течением корабль сносило к югу в сторону Турции. Командир корабля капитан 2 ранга Г. А. Папахристо доложил императору, что существует опасность сближения с турецким флотом и захвата корабля турками, на что получил приказ в таком случае взорвать корабль вместе с ним. Но шторм стих, и корабль на шестые сутки с трудом дошел до Одессы, откуда император убыл в Севастополь для осмотра строительства крепости, базы флота и города. В этом походе две роты матросов экипажа, находившиеся на корабле под командованием лейтенанта Ф. П. Литке, показали себя лихими моряками и заслужили похвалу государя.

За 4 месяца непосредственного участия в боевых делах под Варной император на деле глубоко освоил Черноморский флот, плавал и на линейных кораблях, и на фрегатах, и на пароходах. Наблюдая за осадой Варны и осмотрев ее после капитуляции, он понял, что крепость Варна-это мощное крепостное сооружение, оснащенное почти двумя сотнями орудий и обеспеченное большим запасом боеприпасов, укомплектованное гарнизоном в 12 тысяч человек, имеющая доступ к пресной воде и большой запас продовольствия. Он получал донесения с Кавказской линии, где после осады была взята штурмом тоже настоящая турецкая крепость Анапа с крепостными валами, глубокими рвами, бастионами и оснащенная мощной артиллерией. Еще будучи Генерал-инспектором по инженерной части, он обратил внимание на то, что Петру I в ходе Северной войны пришлось штурмом брать мощные шведские крепости Нотебург, Нарва, Выборг, Суворову в 1790 г. брать мощную турецкую крепость Измаил, Ушакову в 1799 г. штурмом кораблей и морской пехоты брать мощную французскую крепость Корфу. А будучи в 1816 г. в Севастополе он ничего подобного, никаких крепостных сооружений не видел.

Посетивший в 1818 г. Севастополь Император Александр I тоже был разочарован. И Николай I решил через 10 лет снова побывать в Севастополе и посмотреть, что же там сделано.

10 октября 1828 г. Император из Одессы на пароходе убыл в Севастополь для проверки состояния крепости, базы флота и города. Это было его второе посещение Севастополя.

К этому времени Севастопольская крепость представляла собой ряд земляных батарей, защищавших вход в Севастопольскую бухту с моря. С суши город и место базирования флота - Севастопольская бухта совершенно не было защищено, строительство земляных укреплений там только начиналось. Поэтому император как бывший генерал-инспектор по инженерной части принял решение о строительстве каменных укреплений. Было начато строительство мощных фортов - Константиновского, Александровского, Николаевского и других крепостных сооружений, составляющих главную оборону с моря. Посещение Севастополя императором резко ускорило масштабы и темпы строительных работ по созданию мощной крепости. К сожалению, следует заметить, что создание сухопутной обороны значительно отставало от морской, и когда началась Крымская война, то все участники обороны Севастополя убедились, сухопутной обороны крепость Севастополь практически не имеет.

Война продолжалась дальше. К середине октября 1828 года основные силы флота собрались в Севастополе, где Гвардейский экипаж около двух месяцев проживал в казармах. В декабре экипажу был передан 110-пушечный корабль «Париж», командиром которого был назначен контр-адмирал Ф. Ф. Беллингаузен.

Новый 1829 г. Гвардейский экипаж встретил в Севастополе на палубе линейного корабля «Париж» став уже его хозяином, а в конце января вышел в море и в феврале принимал участие в штурме и взятии турецкой крепости Сизополь. С этого времени боевая деятельность Гвардейского экипажа продолжалась почти непрерывно до октября месяца. Турки стремились вернуть Сизополь, защищать и оборонять его довелось Гвардейскому экипажу. Пришлось на берегу для обороны с суши возвести 6-пушечную батарею из корабельных орудий. Турецкие войска неоднократно атаковали эту батарею, но безрезультатно.

В течение года при содействии Черноморского флота или только средствами и силами флота были взяты и мощные турецкие крепости, и укрепленные пункты Ахиолло, Агатополи, Василико, Инада, Мидия и другие, и в этих операциях в разной степени принимал участие Гвардейский экипаж.

Некоторые офицеры экипажа убыли на театр военных действий в добровольном порядке с разрешения командования. Они сражались там, проявляя чудеса мужества и героизма. Одним из них был капитан-лейтенант Гвардейского экипажа Н. П. Римский-Корсаков. С прибытием на Черноморский флот он был назначен командиром 20-пушечного брига «Орфей», принимал участие в боевых действиях при взятии турецкой крепости Кюстенджи (Констанца). Под артиллерийским огнем береговых батарей, получив множество повреждений, бриг в течение более пяти часов обстреливал крепость, оказывая помощь сухопутным войскам, что и заставило гарнизон сдаться. И таких примеров было достаточно.

Много наград офицерам и матросам экипажа было вручено за эту компанию. Среди них была и специально выпущенная для всех участников награда: «Медаль «За турецкую войну» 1828-1829 гг.». Но был ещё издан особый и долгожданный для матросов высочайший указ императора Николая I на имя начальника Главного морского штаба об уменьшении сроков службы нижним чинам флота.

Мир, заключенный 2 сентября 1829 года между Россией и Турцией в Адрианополе, завершил участие экипажа в боевых действиях прошедшей войны. 17 октября Черноморский флот вернулся в Севастополь. Гвардейский экипаж сдал корабль «Париж» 28-му флотскому экипажу, разместился в береговых казармах и стал ожидать повеления на обратный пеший переход в Санкт-Петербург.

В декабре 1829 года был получен приказ командира Гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича о выстулении экипажа из Севастополя на соединение с гвардейским корпусом. Но из-за чумы, свирепствующей в это время на юге, и последующего карантина, только 20 марта 1830 года гвардейские моряки отправились в столицу. 18 июля государь

встретил экипаж в Гатчине и нашел его, несмотря на понесенные потери и трудности сухопутного перехода, в отличном состоянии.

В этом году был учрежден новый знак отличия гвардейских частей Российской императорской армии: наверхие к древку знамени вместо учрежденного в 1806 г. Новое наверхие изготовлялось из бронзы в виде двуглавого орла с Георгиевским крестом на Георгиевской ленте, которая крепилась к трубке наверхия. Оно и было пожаловано экипажу с прибытием в столицу к месту постоянной дислокации.

Наверхие образца 1830 г. от древка знамени Гвардейского экипажа. [13]

Сменилось командование экипажа, контр-адмирал Ф. Ф. Беллинсгаузен 6 декабря 1830 г. был произведен в вице-адмиралы и переведен к новому месту службы, командиром Гвардейского экипажа был назначен контр-адмирал Г. С. Шишмарев.

А.К. Беггров (1841-1914). Яхта «Дружба». 1826-1848 годы. [20]

С возвращением в столицу экипаж приступил к исполнению своих прежних обязанностей: участвовал в манёврах Гвардейского корпуса, смотрах и парадах, нес службу в императорских дворцах, обеспечивал содержание императорских яхт и плавания на них: старой и построенной в 1831 г. новой «Неве», «Голубке», «Дружбе», «Торнео» и других.

В 1831 г. К Гвардейскому экипажу был причислен корвет «Князь Варшавский». С 1832 г. Гвардейский экипаж начал комплектовать учебные фрегаты Морского кадетского корпуса. Но уже с 1830 г. состав судов Гвардейского экипажа начал качественно меняться: на смену парусным судам в его состав начали включать и паровые суда. Встал вопрос о подготовке из числа моряков экипажа специалистов для обслуживания паровых машин.

Первым паровым судном экипажа стал пароход «Ижора». Первое плавание по открытому морю с целью практических испытаний пароход «Ижора» совершил в 1831 г. из Кронштадта в Стокгольм, а затем в июле доставил из Кронштадта в Штеттин прусского принца Карла со свитой, гостивших до этого у императора Николая I. В следующем году в состав экипажа вступил второй пароход: паровая яхта «Александрия», названная в честь императрицы Александры Федоровны.

Польское восстание 1831 года предоставило экипажу ещё одну возможность доказать, что гвардейские моряки способны с честью выполнять все обязанности, возлагаемые на них войной, сколь бы разнообразными они не были. С началом восстания в Варшаве по повелению государя 80-тысячная армия под командованием генерал-фельдмаршала графа И.И. Дибича-Забалканского вступила в царство Польское для подавления восстания. Главнокомандующий Дибич попросил присоединить к Гвардейскому корпусу одну роту экипажа для сооружения мостов через реку Вислу и другие водные преграды. 17 марта 1831 года 6-я рота в количестве 138 человек отправилась из Санкт-Петербурга и воссоединилась со своим корпусом в г. Ломже. Ранее 7 офицеров Гвардейского экипажа были также направлены в Гвардейский корпус для приготовления переправ.

21 июня 1831 года рота Гвардейского экипажа была, как обычно, в авангарде колонны, когда началось общее движение русской армии от Пултуска через Плоцк к нижней Висле. В местечке Осьег, где река Висла делится на три рукава, моряки приступили к устройству переправы из специально собранных офицерами Экипажа местных судов. Только 5 июля, из-за трудностей с материалами, понтонный мост был построен, и началась переправа армии на левый берег Вислы. При этом, для обороны моста от мятежников, моряки сами поставили артиллерийскую батарею и сами её обслуживали. После прохождения армии рота осталась для охраны переправы.

20 августа большой отряд польских улан пытался через этот мост переправиться с левого берега Вислы на правый, но матросы быстро свой мост развели. Тогда поляки стали готовить свои материалы и суда для сооружения другого моста, но ночью десант гвардейских моряков на гребных судах скрытно прибыл к месту предполагаемой польской переправы, отогнал польских стрелков охраны и уничтожил все материалы, а польские суда спустил по течению реки Вислы.

При штурме Варшавских укреплений в кровопролитном бою 26 и 27 августа также принимали участие офицеры Гвардейского экипажа. С падением Варшавы кампания по усмирению Польши закончилась, но русская армия там осталась, поэтому оставлена была и 6-я рота Экипажа для обеспечения ее возможных передвижений. Только весной следующего года, проведя всю зиму в г. Влоцлавске, гвардейские моряки в числе 102-х человек, потеряв на польской территории 36 человек, выступили в Санкт-Петербург.

Вступление в состав флота паровых судов было исключительно прогрессивным процессом. Парусный флот, носитель огромного количества артиллерийских орудий и тысячных экипажей, деятельность которого была в полной зависимости от силы и направления ветра, умения командиров судов разумно использовать для плавания указанные природные факторы, с появлением первых примитивных паровых судов уже три десятилетия к тому времени подвергался критике и сомнениям в его дальнейших перспективах развития. Но, многовековая любовь моряков и флотоводцев к парусным кораблям тяжким грузом довлела над прогрессом.

Император Николай I считал позитивным делом строить паровые суда, но только для вспомогательных целей, хотя совершая на них плавания, видел их преимущества. И он

пользовался этими преимуществами, плавал куда хотел по своей воле, а не по воле ветра. И такие плавания император совершал довольно часто, в Кронштадт, в частности, 8–10 раз в год.

Летом 1833 г. император производил смотр Балтийского флота на Ревельском рейде. Из Петергофа на пароходе Гвардейского экипажа «Ижора» он с сопровождающими лицами прибыл в Ревель. После окончания смотра император на пароходе убыл в Свеаборг, где произвел осмотр крепостных сооружений, после чего отправился в Петергоф.

Император остался доволен состоянием Балтийского флота, мастерством флагманов и командиров совершать маневры, боевой выучкой офицеров и нижних чинов. Но в то же время он понял, что удаленный от столицы Ревель—это не то место, где необходимо проводить смотры флота, что их необходимо проводить там, где проводил первый смотр Император Петр I 11 августа 1723 г, то есть у Котлина, в Кронштадте-на рейде главной базы флота.

В 1835 году командиром Гвардейского Экипажа был назначен капитан 1 ранга Н. Г. Казин, который начал службу в экипаж в 1813 году и прослужил в его рядах уже 24 года.

15 августа этого года Николай I на этом же пароходе «Ижора» отправился из Кронштадта в Штеттин для посещения родственников супруги. В районе Ревеля на выходе из Финского залива в Балтийское море пароход попал в жестокий шторм. Так как император морской болезни подвержен не был, то он лихо настаивал на продолжении плавания. Но сопровождающая свита укачалась в лежку и умоляла вернуться в тихую заводь. Император вынужден был, посмеиваясь и подтрунивая над «лихими моряками», пойти им навстречу и вернуться в Кронштадт.

1 августа 1835 г. император Николай I, императрица Александра Федоровна с пятью старшими детьми на более комфортабельном пароходе «Геркулес», команда которого, кроме машинной команды, была укомплектована Гвардейским экипажем, отправились в Данциг для встречи с родственниками. Многочисленная свита следовала за ними на пароходе Гвардейского экипажа «Ижора». Охранные функции на «Геркулесе» выполняли «бурбоны».

С наступлением лета императорский двор, как обычно, переехал на отдых в Петергоф, а Николай I поселился с семьей в уютном и комфортабельном коттедже, специально построенном в новом парке «Александрия». В этом году император Николай I подводил итоги своих неустанных десятилетних трудов. Достижения и в системе государственного управления, и в экономике и финансах, в обновлении военной силы страны – армии и флота, несомненно, были и значительные.

А уж в вопросах внешней политики достижения были весьма значительные. Дело в том, что в ходе войн, которые Россия вела во второй четверти XIX в., то есть при Николае I, на Средиземноморье складывалась ситуация, когда Англия и Франция—хозяева Средиземного моря, могли частично или полностью утратить на театре свое влияние.

Этими достижениями были:

– победа России в войне с Персией в 1826-1828 гг. и присоединение значительных территорий Прикаспия к России. Это значительно усиливало влияние России в Азии;

– вторая Архипелагская экспедиция русского флота 1827 г. и участие русской эскадры в разгроме турецкого флота в Наваринском сражении 8 ноября 1827 г.;

– победа России в войне с Турцией в 1828-1829 гг., личное участие в ней Императора, победы Черноморского флота, присоединение значительных территорий на Кавказе. Босфор и Дарданеллы были объявлены открытыми для прохода русских судов. Греция, Сербия, Молдавия, Валахия получили широкую автономию, что привело к значительному усилению позиций России на Балканах и в Средиземном море;

- помощь русского флота прорусскому правительству президента Греции Каподистрии в ходе гражданской войны;

– помощь России Турции в ее борьбе с подвластным ей восставшим Египтом, экспедиция Черноморского флота в 1833 г. в Босфор под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева, высадка русского корпуса десантных войск на территорию Турции;

– успехи России в покорении Кавказа, присоединение значительных территорий.

Все это свидетельствовало о том, что Россия становится крупнейшей и сильнейшей державой Европы и мира. Закрепление России на Балканах превращало ее в государство, оказывающее господствующее влияние в Центральной Европе.

За всеми этими процессами в Европе наблюдали весьма внимательно, это весьма беспокоило правителей европейских государств.

И император Николай I решил не только сам посмотреть, но и другим показать, своему народу показать, но, главным образом, европейским государствам показать свою военную силу. Ну а наиболее ярко и привлекательно это можно было сделать на флоте. И он решил провести грандиозный смотр Балтийского флота, на том же месте, где в 1723 г. проводил смотр флота Петр I, при этом, как завещал Петр, с участием «Ботика». Таким образом, императорский смотр Балтийского флота посвящался памяти создателя российского флота императора Петра I.

При этом не только место смотра определяюще было петровским, но и схема построения флота.

3 июля 1836 г. Балтийский флот был выстроен в три линии на Кронштадтском рейде. Первую линию составляли 26 кораблей, вторую линию – 16 фрегатов, третью линию – 20 легких судов. Всего в строю находилось 72 корабля и судна, построенные при императоре Николае I, в том числе три трехдечных 110-пушечных линейных корабля «Император Петр I», «Император Александр I», «Святой Георгий Победоносец». В гаванях Кронштадта располагалась гребная флотилия. Кроме того, на рейде стояли фрегаты, бриги, яхты с кадетами Морского кадетского корпуса, а также множество частных судов, яхт и катеров.

Первая в парадном строю 3 июля 1836 г. линия линейных кораблей:

- 110-пушечный линейный корабль «Император Петр I»,
- 110-пушечный линейный корабль «Император Александр»,
- 110-пушечный линейный корабль «Святой Георгий Победоносец»,
- 94-пушечный линейный корабль «Лефорт»,
- 92-пушечный линейный корабль «Владимир»,
- 92-пушечный линейный корабль «Не тронь меня»,
- 90-пушечный линейный корабль «Полтава»,
- 94-пушечный линейный корабль «Эмгейтен»,
- 84-пушечный линейный корабль «Императрица Александра»,
- 74-пушечный линейный корабль «Фершампенгауз»,
- 80-пушечный линейный корабль «Остроленка»,
- 80-пушечный линейный корабль «Лейпциг»,
- 80-пушечный линейный корабль «Орел»,
- 86-пушечный линейный корабль «Память Азова»,
- 80-пушечный линейный корабль «Смоленск»,
- 80-пушечный линейный корабль «Березино»,
- 80-пушечный линейный корабль «Красной»,
- 80-пушечный линейный корабль «Бородино»,
- 80-пушечный линейный корабль «Бриен» Гвардейского Экипажа,
- 80-пушечный линейный корабль «Нарва»,
- 80-пушечный линейный корабль «Лесное»,
- 80-пушечный линейный корабль «Арсис»,
- 80-пушечный линейный корабль «Кацбах»,
- 86 пушечный линейный корабль «Великий Князь Михаил»,
- 74-пушечный линейный корабль «Иезекиль»,
- 74-пушечный линейный корабль «Прохор».

Вторая в парадном строю 3 июля 1836 г. линия фрегатов:

- 54-пушечный фрегат «Паллада»,
- 56-пушечный фрегат «Прозерпина»,
- 56-пушечный фрегат «Диана»,

- 56-пушечный фрегат «Аврора»,
- 54-пушечный фрегат «Нева»,
- 54-пушечный фрегат «Венус»,
- 54-пушечный фрегат «Беллона»,
- 54-пушечный фрегат «Принц Оранский»,
- 54-пушечный фрегат «Ольга»,
- 54-пушечный фрегат «Мария»,
- 54-пушечный фрегат «Александра»,
- 44-пушечный фрегат «Александр Невский»,
- 24-пушечный учебный фрегат «Урания»,
- 24-пушечный учебный фрегат «Верность»,
- 24-пушечный учебный фрегат «Постоянство»,
- 24-пушечный учебный фрегат «Отважность».

Накануне петровский бот чинами Гвардейского экипажа был вынесен из Ботного дома Петропавловской крепости, погружен на борт парохода «Геркулес», где был установлен на специально сооруженные, обитые красным сукном подмостки. Пароход доставил бот в Кронштадт.

3 июля пароход «Ижора» с императорской фамилией на борту вышел из Петергофа. Как только пароход «Ижора» поравнялся с углом военной гавани Кронштадта, к нему в кильватер встал пароход «Геркулес» с ботом на борту. На пароходе «Ижора» и «Геркулес» взвились на мачтах императорские штандарты. В этот момент крепостная артиллерия и артиллерия кораблей начала императорский салют в 31 залп. С первым залпом салюта все корабли расцвелись флагами. Огромное количество судов, катеров и яхт также расцвелись флагами. Флагами были буквально усеяны все крепостные и береговые сооружения. Тысячи труб оркестров грянули гимн «Боже, царя храни». Тысячеголосое «ура» несло над кронштадтскими рейдами. На реях, палубах кораблей были выстроены экипажи. На береговых крепостях, фортах были выстроены их гарнизоны, стенки и причалы гаваней заполнены войсками и зрителями.

А.П. Боголюбов. Смотр Балтийского флота 1848 г. 1850-1860-е. Холст, масло. 80 x 120 [20]

Примечание: На картине А.П. Боголюбова «Смотр Балтийского флота. 1848 г.» на палубе парохода «Ижора» изображен 9-летний сын императора - великий князь Константин Николаевич. Он стоит на правом борту в форме кадета перед вытянувшимся в струнку заслуженным унтер-офицером Гвардейского экипажа. Дело в том, что сын императора уже с 4-х лет был назначен шефом Гвардейского экипажа! Рядом изображен наставник великого князя Ф.П. Литке в форме контр-адмирала (с бакенбардами). Кадеты проходили тогда обучение на фрегате «Беллона», укомплектованном Гвардейским экипажем, и были приглашены императором Николаем I на «Ижору». Все эти факты соответствуют смотру Балтийского флота, но только проведенному в 1836 году, а не в 1848 г. Видимо когда-то была перепутана дата этого смотра и обозначена на картине А.П. Боголюбова 1848 годом. Более того, Константину Николаевичу в 1848 году исполнился 21 год, и он был уже капитаном 1 ранга. Такое заключение можно сделать и по зарисовке капитан-лейтенанта Д.П.Булыгина с этой же картины от 1878 года (см. илл. 94-97) в [13,]. На зарисовке (илл. 94) фамилии лиц, находящихся на палубе парохода «Ижора», сделаны были карандашом и собственноручно великим князем Константином Николаевичем. Например, себя (кадета!) он обозначил как «Я». Исходя из этого, целесообразно скорректировать дату смотра Балтийского флота на 1836 год.

Отдавая дань памяти создателю регулярного российского флота, император на пароходе «Ижора» обошел строй линий кораблей и фрегатов в сопровождении парохода «Геркулес», показал флоту его «дедушку», продемонстрировал всем возрастающую мощь флота, лично давая разъяснения по каждому кораблю. Вокруг бота стоял почетный караул из заслуженных адмиралов российского флота.

Этот парад представлял собой олицетворение ликования флота, армии и народа, единение их с императорской властью и был пронизан чувствами патриотизма и доблести.

После окончания церемонии пароход «Геркулес» отправился для доставки ботика к месту его вечной стоянки в Петербург, пароход «Ижора» убыл в Петергоф для доставки членов императорской фамилии в коттедж «Александрия».

5 июля весь флот снялся с якорей и пошел в море на маневры. Император следовал на пароходе «Геркулес». Флот дошел до острова Гогланд и стал на якорь на рейде бухты Сюркюля. На следующий день в высочайшем присутствии начались маневры флота на Гогландском плесе.

С этого времени императорские смотры флотов стали проводиться с установленной периодичностью - через семь лет.

Летом 1837 г. Император Николай I отправился для осмотра южных владений Российской империи. Его сопровождали императрица Александра Федоровна, наследник-цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II), дочь Мария и множество других лиц. 17 августа император прибыл в Николаев, где весьма внимательно осматривал судостроительные верфи и знакомился с особенностями южного кораблестроения. После ознакомления с Николаевым император убыл в Одессу, откуда на пароходе «Северная Звезда» 9 сентября отправился в Севастополь. Это было третье посещение императором Николаем I Севастополя.

А теперь обратимся к воспоминаниям самого императора:

«В 25 милях мы встретили Черноморский флот от Севастополя, вышедший нам навстречу. Вид был бесподобный. Я велел судам сделать несколько построений, которые закончились общим салютом нашему пароходу, когда над ним взвился императорский флаг» [31].

В строю под парусами в кильватерной колонне находились корабли:

- 120–пушечный линейный корабль «Варшава»,
- 108–пушечный линейный корабль «Адрианонополь»
- 108–пушечный линейный корабль «Память Евстафия»,
- 108–пушечный линейный корабль «Анапа»,
- 96–пушечный линейный корабль «Императрица Екатерина»,
- 90–пушечный линейный корабль «Чесма»,
- 84–пушечный линейный корабль «Султан Махмуд»,
- 84– пушечный линейный корабль «Силистрия»,
- 80–пушечный линейный корабль «Императрица Мария».

За линейными кораблями под парусами в кильватер следовали фрегаты:

- 60–пушечный фрегат «Агатополь»,
- 60–пушечный фрегат «Бургас»,
- 60–пушечный фрегат «Архипелаг»,
- 60–пушечный фрегат «Варна»,
- 60–пушечный фрегат «Тенедос»,
- 60–пушечный фрегат «Еривань»,
- 44–пушечный фрегат «Браилов».

Впечатление было действительно бесподобным! Вице-адмирал М. П. Лазарев вывел на смотр буквально все корабли, не занятые в этот период в боевых действиях на Кавказе и находящиеся в Севастополе. Это была эскадра в составе 9 линейных кораблей и 7 фрегатов. В строю находилось два новых 84-пушечных линейных корабля, вступивших в состав флота уже при Лазареве: линейные корабли «Силистрия» и «Султан Махмуд», а также два новых фрегата: 60-пушечный «Агатополь» и 44-пушечный «Браилов».

И. К. Айвазовский (1817-1900). Смотр Черноморского флота в 1849 г. 1886. [20]

Примечание: Что касается картины Айвазовского «Смотр Черноморского флота в 1849 г.», то она была написана в 1886 г. и не соответствует ни одному проведенному императором смотру. Во-первых, в 1849 г. император в Севастополе не был, во-вторых, в таком виде император видел флот только в 1837 г. и его восторг от увиденного был известен, о чем сказано в [31]. Можно предположить, что И. К. Айвазовский написал эту картину в память о тех событиях, свидетелем которых он был, и о личностях, которых он уважал: императора Николая I, наследника Александра Николаевича, вице-адмирала Лазарева, нового командующего флотом адмирала Берха и командира парохода-фрегата «Владимир» флигель-адъютанта Аркаса, который на борту своего судна всегда должен быть рядом с императором.

В Севастополе императора встречал и сопровождал прибывший из Гурзуфа Генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии граф М. С. Воронцов С 10 сентября император начал осмотр Севастополя. Он объездил и осмотрел все строящиеся укрепления, на местах заслушивал доклады командиров и строителей. Он проверил, как идут работы в гавани, строительство водопровода. Главный доклад императору произвел вице-адмирал М. П. Лазарев, который в 1834 г. был назначен Главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Севастополя и Николаева. С этого времени и начался 10-летний период реконструкции Севастопольской крепости. Основными в докладе М.П. Лазарева были вопросы по крепостной и морской части: строительство Адмиралтейства, доков, дома флагманов, флотских казарм, морской библиотеки, водопровода, складов, госпиталя и т. д. Большое внимание император уделил строительству жилья как для офицеров флота и крепости, так и для нижних чинов–казарм и других бытовых построек. Императора интересовали так же вопросы добычи строительного камня в Инкермане, и он побывал там, и доставка леса из Днепровско-Бугского лимана, куда он поступал из Малороссии.

К этому времени планы строительства морских укреплений были определены, шло строительство из камня фортов Константин и Александр на входе в Севастопольскую бухту, заложена мощная Николаевская

артиллерийская батарея между Южной и Артиллерийской бухтами, строительство Михайловской и Павловской батарей начнется несколько позже. Создание сухопутной обороны крепости императора не удовлетворило, так как там дальше земляных работ по контуру обороны дело не продвинулось.

Конечно, главной движущей силой в строительстве были солдаты и матросы, а их не хватало. Император дал указания о значительном увеличении численности именно специальных строительных частей и подразделений, увеличил финансирование и материальное обеспечение строительных работ.

Николай Павлович после восшествия на престол не расставался с инженерным делом—это было его любимое дело, как по образованию, так и по опыту прежней работы. Несмотря на то, что он назначил своего младшего брата Михаила Павловича (1796 г. р.) на свою прежнюю должность генерал-инспектора по инженерной части, он по-прежнему считал себя главным инженером-строителем, непревзойденным инженером-создателем и право на последнее слово оставлял всегда за собой. Поэтому все вопросы по инженерной части он решал сам, допуская своего брата к решению только второстепенных вопросов. И без лукавства надо отдать ему должное: он был весьма сведущ в строительных делах и при нем морские крепости Кронштадт и Севастополь были одеты в гранит и камень, оснащены мощной артиллерией, и многие постройки его времени сохранились до наших дней.

13 сентября 1837 г. император произвел смотр флота в Севастопольской бухте и остался доволен его состоянием. В парадном строю стоял Черноморский флот в количестве тридцати боевых судов: линейных кораблей и фрегатов. Часть флота находилась у берегов Кавказа. На пароходе «Северная звезда» Император обошел строй кораблей, некоторые из них посетил, передал для вручения морякам 250 наград.

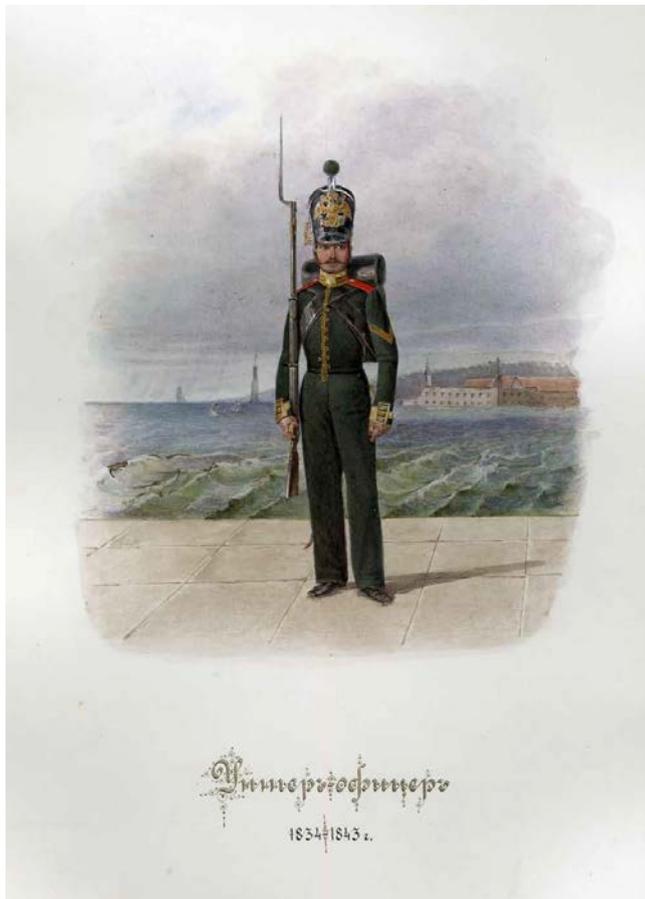
На следующий день на пароходе «Северная Звезда» Николай I с сопровождающими лицами из Севастополя убыл в Ялту, посетил имение Воронцова Гурзуф. 21 сентября прибыл в Керчь, затем откуда пошел на Северный Кавказ и 24 сентября прибыл в Геленджик. Откуда прошел вдоль кавказских берегов и 27 сентября прибыл в Редут-Кале севернее Поти. Затем император начал путешествие по Кавказу, посетил Тифлис, Пятигорск, Ставрополь, Новочеркасск и через Воронеж вернулся в Москву. 8 октября император прибыл в Санкт-Петербург.

Последствия посещения императором Севастополя были значительные. Были выделены дополнительно ассигнования, проведены организационные перемены, более энергично стали сооружать укрепления, активизировалась работа по строительству жилого фонда города. В 1838 г. в Николаеве начато строительство 5 линейных кораблей, а всего до Крымской войны их было введено в строй 15-ть, и 7 фрегатов. Запланировано приобретение в Англии шести пароходо-фрегатов. Это было серьезное пополнение боевого состава Черноморского флота.

В 1830-1840 годах существенно изменилась форма одежды чинов Гвардейского экипажа. Она становилась все более удобной и привлекательной. Модельеры того времени стремились с помощью мундира, разных знаков различия создать образ мужественного российского моряка-гвардейца, преданного слугу императора и верного защитника Отечества. И это им неплохо удавалось.

Обер-офицер Гвардейской ластовой роты. 1830–1845 гг. Акварель [19]

Унтер-офицер. 1834–1843 гг. Акварель [19]

Тамбур-мажор. 1843-1844 г. Акварель [19]

Гребцы Императорских катеров и катера Его
Императорского Высочества генерал-адмирала
(1845-1858 г.г.)

Гребцы императорских катеров и катера его императорского высочества генерал-адмирала. 1843-1858 г.г. Акварель [19]

Штаб-офицер
Артиллерийской роты
Матрос
Гвардейской ластовой роты
1844-1855 г.г.

Штаб-офицер артиллерийской роты и матрос Гвардейской ластовой роты. 1844-1855 г.г. Акварель. [19]

В начале 1836 года по представлению великого князя Михаила Павловича, командира Гвардейского корпуса, была сформирована 9-я рота экипажа, куда переводились с флота особо отличившиеся нижние чины.

В 1838 г. в память о 25-летию сражения при Кульме государь установил особые знаки отличия – вызолоченные скобы на древки знамен гвардейских полков. К знамени Гвардейского экипажа была приделана такая скоба с надписью: «А I. 1810 года Гвардейский экипаж. 1813 г. За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме. 1838 г. Гвардейского экипажа».

Новая паровая яхта государя императора Николая Павловича «Александрия» (1-я) была спущена на воду в 1851 году и прослужила в Гвардейском экипаже долгих 55 лет – с 1852 по 1906 год.

Н. Путьтин. Императорская яхта «Александрия». 1851 г. Акварель. [20]

На ней совершали плавания все последующие императоры России: Александр Николаевич, Александр Александрович и Николай Александрович. Она использовалась для торжественных морских церемоний: встреч императоров, королей и президентов, высших должностных лиц государств, на смотрах флота и других торжествах.

Василий Голике (1802-1848). Николай I. 1843. Холст, масло. [21]

В период подъема флота при императоре Николае Павловиче быстро росло число кораблей, повышалась их боеспособность, как на Балтийском, так и на Черном море. Строились новые корабли одновременно на юге и севере России. Так, 5 июля 1839 года в Санкт-Петербурге был спущен на воду для Балтийского флота новейший 120-пушечный корабль «Россия», а 4 октября в Николаеве – 120-пушечный корабль «Двенадцать апостолов» для Черноморского флота.

Жизнь и служба экипажа шли своим чередом. Корабли, приписываемые к Гвардейскому экипажу, менялись. Их необходимо было морякам осваивать. Так в 1843 г. был приписан парусный 120-пушечный корабль «Россия», в 1846 г. – корвет «Оливуца», а в 1847 г. фрегат «Паллада». Менялся состав приписанных к экипажу пароходов и яхт.

С.В.Пен. 120-пушечный корабль «Россия». 2000 г. [16]

Император Николай I большое внимание уделял вопросам внешней политики, много раз совершал зарубежные поездки, встречался с европейскими монархами. Но особое место во внешней политике императора занимала Англия, где он бывал неоднократно. Главным вопросом, который обсуждался и решался там был так называемый «восточный вопрос», то есть взаимоотношения двух государств по вопросам Ближнего Востока.

В мае 1844 г. Император Николай I отправился в двухмесячную поездку по странам Европы. В ночь с 9 на 10 мая на пароходе «Богатырь» он вышел из Петербурга в Штеттин.

14 мая сухим путем прибыл в Берлин, 18 мая в Гаагу, а 19 мая из Гельветслейса в окрестностях Роттердама на голландском королевском пароходе «Циклоп» под командованием лейтенанта Болкена отбыл в Лондон. Внутренние помещения парохода императора не удовлетворили, и для него на шканцах была поставлена палатка. Свита императора частично шла на голландском пароходе «Цербер». Через 12 часов морского путешествия Николай I высадился в Вулвиче и отправился в Лондон, куда и прибыл 22 мая. До 27 мая он вел переговоры с королевой Викторией, принцем Альбертом (мужем королевы Виктории) и другими государственными и военными деятелями Англии по «восточному вопросу». Он старался убедить английских правителей в том, что было бы взаимовыгодно разделить дряхлеющую Османскую Империю. Естественно, что проливы Босфор и Дарданеллы безусловно должны были оставаться за Россией. Английские власти в потугах российского императора видели только стремление получить выгоду для себя. Англия всегда считала, что Россию надолго в Средиземное море допускать нельзя. Франция же на взаимоотношениях с Россией в Средиземноморье получила поучительный урок еще в наполеоновские времена, когда её флот был разбит английским адмиралом Нельсоном. Русскому императору Николаю I добиться успеха на этих переговорах не удалось. На обратном пути император на длительное время задерживался в разных местах и только 13 июня прибыл в Пруссию. 7 июля в час полуночи Николай I на пароходе «Богатырь» прибыл в Петергоф, откуда уехал в Царское село.

Оплошностью Николая I было прибытие в Англию на чужом пароходе, что не способствовало рейтингу российского императора. И он решил следующий визит совершить на своем корабле.

В этот же 1844 г. весной будущий глава российского флота, шеф Гвардейского экипажа генерал-адмирал Константин Николаевич отправился для изучения северных территорий и морей России. Со своим воспитателем вице-адмиралом Ф. П. Литке и сопровождающими лицами на пароходе «Ладога» по Неве, через Ладожское озеро, реку Свирь они вышли в Онежское озеро и прибыли в Петрозаводск. Там высокий гость посетил оружейный завод, осмотрел производство орудий, наблюдал из них стрельбу. Из Онежского озера сухим путем Константин Николаевич доехал до бассейна Северной Двины и на пароходе «Архангельск» прибыл в Архангельск. Там в готовности стояли построенные на Соломбальской верфи для Балтийского флота 74-пушечный линейный корабль «Ингерманланд» и 58-пушечный фрегат «Константин». Отряд кораблей в июне вышел из Архангельска, по маршруту плавания посетил Копенгаген и в июле прибыл в Кронштадт. В августе-сентябре на Балтийском море Константин Николаевич на фрегате «Константин» в должности старшего офицера, осваивал управление фрегатом и одновременно умение держать место в строю отряда кораблей, выполнять маневры в составе отряда.

Император Николай I на 1845 год назначил поездку и проверку южных территорий России, в том числе и проверку Черноморского флота и Севастополя. Весной в апреле он предварительно на Черное море отправил Константина со своим воспитателем Ф. П. Литке.

Черноморский флот в тот период был лучшей частью российского флота с точки зрения морской и боевой подготовки и в силу постоянно напряженной обстановки на черноморском театре, и благодаря выдающейся деятельности там главных командиров флота адмиралов А. С. Грейга и сменившего его адмирала М. П. Лазарева. Корабли Черноморского флота находились в кампании почти целый год. Там вдоль берегов Кавказа уже многие годы корабли несли боевую службу, связанную с операциями против горцев кавказского побережья и поддерживающих их турок.

Сначала в мае-июне Константин на фрегате «Флора» в качестве старшего офицера плавал для ознакомления с побережьем Черного моря. Сюда же из Петербурга на Черное море был направлен и живописец Главного Морского Штаба И. К. Айвазовский, который также был определен на фрегат «Флора» для зарисовок побережья и приметных ориентиров, готовя материал для оформления морских лоций. Это тоже была хорошая учеба для Константина - познание на практике и маринистики, и картографии. Здесь и состоялась их встреча и знакомство. До двух месяцев длилась практика на фрегате, после чего Константин перешел для практического и теоретического обучения в море на лучший корабль российского флота линейный корабль «Двенадцать Апостолов», командиром которого был капитан 1 ранга Владимир Алексеевич Корнилов.

На линейном корабле началась настоящая учеба молодого генерал-адмирала, которая продолжалась в июле-августе. Каждый раз, отправляя будущего главу флота в «командировку», император выдавал ему письменный наказ-инструкцию, в которой четко было сформулировано задание, что он обязан изучать и в какой степени, что осваивать практически и как сдавать экзамены. Подобные инструкции получали и наставник вице-адмирал Ф. П. Литке, и командир корабля. Так, например, необходимо было осваивать практически профессии и обязанности нижних чинов: боцманов, канониров, плотников, офицеров-штурманов и офицеров-артиллеристов, вахтенных начальников и старших офицеров, капитанов. А руководствовались в корабельной службе в то время «Уставом морским» Петра I. Все эти знания и практические навыки впоследствии, когда Константин Николаевич станет во главе флота, будут очень полезны ему как председателю комиссии по разработке взамен петровского нового Морского Устава 1853 года.

Огромный трехдечный корабль, экипаж около тысячи человек, 124 орудия, из них 28 тяжелых 68-фунтовых, так называемых бомбических орудий. Ежедневные учения по морской практике, постановка на якорь, съёмка с якоря, верпование корабля, спуск и подъем барказов, катеров и шлюпок, хождение на катерах на веслах и под парусом, спасение упавшего за борт, парусные учения корабля с выполнением маневров, артиллерийские учения со стрельбами по мишеням и другие.

А тем временем на юг России мчался император, его там уже давно ожидали. Он выехал из Петербурга 20 августа и в начале сентября уже был в Севастополе. В Николаев император прибыл через 10 дней после выезда из Петербурга, а в Севастополь, как всегда, прибыл на пароходе.

Система передвижения высших лиц в России в то время была организована четко - это была государственная система связи, для этой цели существовала специальная служба - Фельдъегерский корпус. По тракту, который проходил от Петербурга через Псков-Витебск-Могилев-Чернигов-Елисаветград-Николаев-Перекоп-Симферополь-Севастополь, где расстояние составляло около 2100 км, на расстоянии около 20 км друг от друга располагались почтовые станции. На станциях постоянно находились в готовности лошади, повозки разных типов и соответствующий персонал. Скорость поездки в зависимости от погоды и необходимости достигала от 13 до 20 км/час. Бывали случаи, что фельдъегеря со срочными донесениями проезжали за сутки расстояние до 500 км. В частности, в 1825 г. сообщение о смерти императора Александра I из Таганрога в Варшаву великому князю Константину Павловичу, фельдъегерь доставил за 6 дней.

В первых числах сентября император с адмиралом М. П. Лазаревым, который встретил его в Николаеве, прибыл на пароходе в Севастополь. Это было его четвертое посещение.

М. П. Лазарев в письме своему другу А. А. Шестакову встречу описывает так: «Эскадру встретили мы в две колонны: перестроение в одну колонну, наветренная спустилась и распушилась (мгновенно, можно сказать) лиселями, то Государь невольно вскричал «Смотрите, смотрите, какой прекрасный вид! Признаюсь я, что столько парусов на кораблях вижу в первый раз» [30].

В парадном строю под парусами в одной кильватерной колонне шли корабли:

-120-пушечный линейный корабль «Двенадцать Апостолов»,

- 120-пушечный линейный корабль «Три Святителя»,
- 120-пушечный линейный корабль «Варшава»,
- 84-пушечный линейный корабль «Ягудиил»,
- 84-пушечный линейный корабль «Варна»,
- 84-пушечный линейный корабль «Гавриил»,
- 84-пушечный линейный корабль «Уриил»,
- 84-пушечный линейный корабль «Трех Иерархов»,
- 84-пушечный линейный корабль «Селафаил»,
- 84-пушечный линейный корабль «Султан Махмуд»,
- 84-пушечный линейный корабль «Силистрия»

За линейными кораблями под парусами в кильватерной колонне следовали фрегаты:

- 60-пушечный фрегат «Мидия»,
- 60-пушечный фрегат «Сизополь»,
- 60-пушечный фрегат «Мессемврия»,
- 60-пушечный фрегат «Агатополь»,
- 44-пушечный фрегат «Кагул»,
- 44-пушечный фрегат «Флора»,
- 44-пушечный фрегат «Браилов».

Действительно, император такую картину на море видел впервые. Дело в том, что лисели - выдвижные дополнительные паруса, наращивающие основные прямые паруса по бокам, на Балтийском флоте еще не использовались.

Дальше по плану должны были проводиться маневры флота, но ветер стих, безветрие специалистами прогнозировалось надолго, поэтому маневры были отменены. По возможности, и на буксирах у пароходов, и буксировкой судовыми барказами на веслах, и способом верпования корабли и фрегаты возвратились в бухту, где на следующий день и начался смотр. Особое внимание император уделил линейному кораблю «Двенадцать Апостолов», стрельба 68-фунтовых бомбических орудий, разрушительная сила их мощных бомб произвели должное впечатление.

В письме М. П. Лазарева А. А. Шестакову [30] говорится об этом: «...Государь остался всем, что видел, решительно доволен, и это видно было на его радостном лице. На корабле “Двенадцать Апостолов” приказал ударить тревогу и подобную штуку в настоящем ее виде, казалось мне, он видел в первый раз, он с изумлением смотрел на живость и проворство людей, с которою действовали орудиями - 68-фунтовые бомбические пушки казались игрушками! Я рад был случаю; тут в первый раз он увидел, что значит в настоящем смысле: Sailtrimers, Firemen и Boarders, и, наконец, что значит хорошее боевое расписание. Он ходил по всем декам и особенно долго оставался в нижнем..., я стоял близ него, — он, наконец, невольным образом сказал: “Этот корабль порядком отделаёт своего противника, кто бы он ни был!”».

Севастополь как морская крепость находился под неусыпным вниманием императора. Прошло восемь лет с последнего посещения, 10 лет реконструкции Севастопольской крепости по его планам. Здесь много произошло изменений, сооружены мощные, грандиозные, до сих пор удивляющие своей грациозностью рavelины Константиновский, Михайловский и не сохранившиеся Александровский, Николаевский, Павловский. В состав флота вступило много боевых кораблей, фрегатов и других военных судов: 9 линейных кораблей, в том числе два 120-пушечных «Три Святителя» и «Двенадцать Апостолов», пять фрегатов, пять построенных в Англии пароходо-фрегатов «Херсонес», «Бессарабия», «Крым», «Громомосец» и «Одесса». Итого 19 крупных военных кораблей и судов пополнили Черноморский флот. Энергично шло строительство в Корабельной бухте нового Адмиралтейства, доков, водопровода, жилых домов и казарм. Император в сопровождении Константина Николаевича и других лиц объездил новостройки, похвалил за хорошую работу, но по-прежнему недоволен был строительством сухопутных укреплений. Ну а главный командир Черноморского флота и портов адмирал М. П. Лазарев был удостоен ордена Святого Владимира 1 степени. Были отмечены наградами и другие севастопольцы.

В конце сентября император и сын Константин уже были в столице. Императора ожидали многие дела и европейские, и российские, и внутрirosсийские. А Константин Николаевич начал подготовку к очередному длительному плаванию, к более пространному ознакомлению с Европой.

10 октября 1845 г. отряд кораблей в составе линейного корабля «Ингерманланд», на котором вахтенным начальником служил шеф Гвардейского экипажа Константин Николаевич, и Гвардейского экипажа корвета «Князь Варшавский» под флагом вице-адмирала Ф. П. Литке вышел из Кронштадта в длительное плавание. По маршруту движения отряд русских кораблей с соответствующими церемониями для представителя российского императора Константина Николаевича посетил порты Копенгаген-Плимут-Палермо-Неаполь-Тулон-Алжир-Гибралтар-Танжер-Лиссабон-Портсмут-Копенгаген и 23 июня 1846 г. вернулся в Кронштадт.

В этот же период, весной 1846 г. император Николай I совершал поездку по европейским странам, он следовал в сопровождении Императрицы Александры Федоровны, посетил Вену, Рим, где встречался с Папой Римским, императрицу оставил в Италии на вилле Чевита Векия, а сам убыл в Париж, откуда проследовал в Гавр. Там на рейде в ожидании императора и его свиты уже стояли на якорях: линейный корабль «Ингерманланд», корвет «Князь Варшавский», и черноморский Гвардейского экипажа корвет «Оливуца», который присоединился к отряду в Италии, как это и было спланировано заранее.

Поэтому визиты отряда кораблей в порты Италии Палермо и Неаполь были не случайны. В это время там находился император и императрица Александра Федоровна. Дело в том, что она страдала заболеванием легких и по рекомендации врачей вынуждена была проходить лечение на Средиземном море. Для этой цели были приобретены: вилла Чевита Векия вблизи и севернее Рима, вилла Оливуца на острове Сицилия возле Палермо и вилла Вилафранка в королевстве Сардиния (позже территория Франции).

Этот отряд кораблей с императором и сыном Константином на борту совершил в начале июня заход в базу английского флота Портсмут, откуда Николай I с Константином убыли в Лондон на встречу с королевой Викторией. И вновь главной темой переговоров был «восточный вопрос».

В Палестине, которая территориально входила во владения Османской империи, обострялись отношения между католиками и православными за право владения христианскими святынями в Иерусалиме, что далеко выходило за пределы этого вопроса, накладывало отпечаток на отношения между государствами и в конечном итоге привело к войне 1853-1856 гг.

Художник Н. М. Конди был свидетелем этой торжественной встречи Российского императора с королевой Викторией в Портсмуте и написал серию из десяти картин, которые предназначались для украшения яхты «Королева Виктория», построенной в Англии и подаренной Российскому императору.

Корабли и суда Гвардейского экипажа продолжали плавать в Балтийском море и выходить в заграничные походы. Так, в 1845 г. корвет экипажа «Князь Варшавский» совершил длительное плавание в Средиземное море.

В 1847 г. фрегат Гвардейского экипажа «Паллада» под командованием генерал-адмирала, шефа Гвардейского экипажа 20-летнего великого князя Константина Николаевича, корвет Гвардейского экипажа «Оливуца», линейный корабль «Россия» под командованием вице-адмирала Ф. П. Литке совершили официальный визит в Англию в Портсмут.

А.П. Боголюбов. Фрегат «Паллада» 1847 года. 1847. Бумага, акварель. 25,2 x 35. [20]

Неизвестный художник. Портрет Великого князя Константина Николаевича. Государственный Эрмитаж, часть 5. [22]

Примечание: 1. Второй сын императора Николая I, великий князь Константин Николаевич, с рождения предназначался к морской службе. 22 августа 1831 года, в возрасте 4-х лет он был назначен генерал-адмиралом российского флота и шефом Гвардейского экипажа. На картине Константин Николаевич изображен в форме штаб-офицера экипажа. В 1846 году он был произведён в капитаны 1-го ранга по экипажу и назначен командиром

фрегата «Паллада». На следующий год этот 20-летний генерал-адмирал, командуя Гвардейского экипажа фрегатом «Паллада», в составе отряда кораблей совместно с линейным кораблем «Россия» и корветом «Оливуца» под флагом вице-адмирала Ф. П. Литке ходил из Кронштадта с визитом в Англию. Скорее всего, именно тогда и был сделан этот портрет великого князя неизвестным художником. В 1849 году августейший шеф Гвардейского экипажа Константин Николаевич женился и был произведен в контр-адмиралы, а в 1853 году в вице-адмиралы. В 1855 году он вступил в управление морским ведомством на правах министра, и произведен в адмиралы. С 1853 по 1856 годы руководил реализацией программ возрождения флота. При этом он ввел гласное обсуждение основных проблем флота и привлек к морской деятельности лучшие силы России. В 1881 году уволен императором Александром III от управления морским ведомством, но оставлен в звании генерал-адмирала и являлся шефом Гвардейского экипажа 61 год – до своей смерти в 1892 году.

2. А что касается корвета «Оливуца», то ему была уготована исключительно удивительная судьба, о которой следует рассказать. Корвет был построен в Севастополе в 1841 г. и носил имя героя греческой мифологии «Менелай». Использовался при российском посольстве в Греции (Пирей) в качестве стационара, в 1844 г. он был отправлен с пароходом «Бессарабия» в Палермо для обеспечения отдыха на вилле Оливуца императорской семьи. Там он настолько понравился своим порядком, обходительным обслуживанием, что в 1846 г. был переименован и причислен к Гвардейскому экипажу. С отрядом кораблей корвет прибыл из солнечного юга в мрачный Кронштадт и вступил в состав Балтийского флота. В сентябре 1850 г. корвет был выведен из состава Гвардейского Экипажа и отправлен на Дальний Восток. Корвет «Оливуца» был первым военным судном российского флота, специально отправленным туда для охраны дальневосточных рубежей России. Посетив Рио-де-Жанейро, обойдя мыс Горн, корвет через девять месяцев в мае 1851 г. прибыл в Петропавловск-Камчатский. Два года корвет использовался для перевозки людей, грузов, в интересах Российско-Американской Компании, посещал Ново - Архангельск, Охотск, Аян, Гавайские острова, попутно охраняя промыслы. С прибытием на Дальний Восток на фрегате «Паллада» с дипломатической миссией вице-адмирала Е. В. Путятина, корвет был включен в состав отряда, посетил Нагасаки, Манилу, затем вновь вернулся в Петропавловск, куда в марте 1854 г. прибыл фрегат «Аврора». Летом в Петропавловске узнали о начале войны, а уже в августе в ожесточенном бою сражались с английской эскадрой. Весной 1855 г., опасаясь второго нападения английского флота, эти суда были эвакуированы из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре. После окончания войны корвет «Оливуца» посетил Японию (Симодо), откуда вышел в Россию, обогнул Африку и в сентябре 1857 г. прибыл в Кронштадт, совершив в течение семи лет кругосветное плавание.

Произошли и организационные изменения: в 1848 году Гвардейский экипаж из 9-ти ротного был преобразован опять в 4-х ротный.

К середине 40-х годов XIX века флот России, особенно корабельный, как главная ударная сила, значительно вырос. Император Николай I строго следил за выполнением судостроительной программы и гордился своим флотом. Однако к началу 50-х годов его основу составляли деревянные парусные корабли, фрегаты, корветы и пароходо-фрегаты с гребными колесами. Гребной винт и броня в России на флоте пока не находили применения.

С началом Венгерской кампании Гвардейский экипаж под командованием капитана 1 ранга С. И. Мофетта 30 апреля 1849 года снова предстал на смотр перед государем как гвардейский батальон, а 20 мая выступил в г. Белосток, куда и прибыл 29 июля. Но 18 августа венгерская война закончилась, и экипаж совершил обратный сухопутный переход в Санкт-Петербург, куда прибыл 4 сентября 1849 года.

В 1850 г. император вновь собирался посетить Севастополь, но отложил свою поездку и послал туда своего брата Михаила Павловича, который тщательно обследовал все построенные и строящиеся объекты, и составил отчет. Генерал-инспектор по инженерной части великий князь Михаил Павлович вместе с командованием, адмиралами и генералами обследовал укрепления. Он советовался с командующим флотом адмиралом М. П. Лазаревым, адмиралами и генералами, выслушивал их советы и рекомендации. Если оборона со стороны моря представляла собой серьезную мощь, что и подтвердилось в ходе последовавшей Крымской войны, то оборона крепости с суши была еще совершенно слабой. О результатах поездки, состоянии Севастополя и вкладе М. П. Лазарева в строительство флота и крепости Михаил Павлович с прибытием в столицу доложил императору.

Гвардейский Экипаж все больше «оморячивался», все чаще на боевых кораблях ходил в длительные дальние походы, занимался усиленной боевой подготовкой и постепенно преобразовывался в боевой экипаж.

В это время на два года с 1851 по 1852 год к Гвардейскому экипажу был приписан новый 84-пушечный корабль «Прохор» для практики офицеров и нижних чинов по боевому использованию больших парусных кораблей.

В августе 1851 г. Николай I отправился вместе со своими сыновьями великими князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем на юг России, но доехал только до Елисаветграда, где производил смотр войск, квартировавших в том регионе. Сложившиеся обстоятельства не позволили императору продолжить поездку к морю и посетить Севастополь. 18 сентября он уехал в Петербург, а в Севастополь отправил сыновей.

19 сентября они прибыли в Николаев, а на следующий день на пароходо-фрегате «Владимир» убыли в Одессу, куда прибыли в тот же день. Три дня великие князья осматривали город, посетили театр, а 24 сентября на «Владимире» отправились в Севастополь, куда и прибыли в тот же день вечером. Поездка великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича носила просто ознакомительный характер. 27 сентября они поехали сухим путем на южный берег Крыма, посетили Алупку, Массандру, Бахчисарай, откуда вернулись в Алупку. 2 октября на пароходо-фрегате «Владимир» они ушли в Одессу, прибыли туда на следующий день, а ночью отправились в Петербург.

Летом 1852 г. императорская семья с большой свитой совершила поездку в Европу. 25 июня отряд паровых судов в составе пароходо-фрегатов «Грозный» и «Камчатка», пароходов «Грозный» и «Смелый», небольших пароходов «Елизавета» и «Никса» вышли из Петербурга и через 65 часов 28 июня прибыли в Свинемюнде, откуда через Штеттин, Потсдам отправились в Берлин, где были торжественно встречены королем и королевой Пруссии. Из Берлина императорская семья отправилась с визитом в Вену к императору Австрии, где совершила на речных судах плавание по Дунаю. 2 июля императорская семья прибыла из Штеттина в Свинемюнде для следования в Россию. Их провожали король и королева Пруссии. Императорская эскадра 2 июля отправилась в прежнем составе из Свинемюнде в Петергоф.

Наконец-то осенью 1852 г. император Николай I выбрал время и отправился к Черному морю. Его сопровождали великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. По пути император навестил Полтаву и Вознесенск, где провел смотры квартировавших там войск.

Из Вознесенска Николай I убыл в Николаев и прибыл туда 28 сентября. На следующий день в присутствии императора в Спасском адмиралтействе был спущен на воду новый мощнейший 120-пушечный линейный корабль «Великий Князь Константин» - один из самых совершенных и сильнейших по боевым качествам кораблей, и заложен другой, еще более сильный 130-пушечный линейный корабль «Босфор», вскоре переименованный в «Синоп». После торжественных мероприятий по спуску и закладке линейных кораблей, император осмотрел Спасское и Главное Николаевские Адмиралтейства. Вечером Николай I с великими князьями разместились на ночлег на пароходо-фрегате «Владимир». 30 сентября утром «Владимир» вышел из Николаева и 1 октября прибыл в Севастополь.

Примечание: Со времени последнего посещения императором Севастополя в 1845 г. прошло семь лет. К этому времени в крепости было сделано много. Но не было в Севастополе его подлинного творца и создателя, в буквальном смысле этого слова, командующего Черноморским флотом адмирала М. П. Лазарева. 11 апреля 1851 г. он скончался в Вене от рака желудка, куда уехал на лечение. Тело его было на австрийском пароходе доставлено по Дунаю в Килю, где перенесено на пароходо-фрегат «Владимир», доставлено в Севастополь и захоронено на месте строящегося собора Святого Владимира, который сохранился до наших дней. Здесь уместно будет отметить, что император по достоинству оценивал деятельность и труды командующего флотом, и в каждый свой приезд награждал М. П. Лазарева орденами: в 1837 г. - орденом Александра Невского, в 1845 г. - орденом Святого Владимира 1 ст., в 1850 г. - по докладу Михаила Павловича после его посещения Севастополя - орденом Святого Андрея Первозванного.

В Севастопольской бухте для встречи императора в кильватерной колонне на якорях стояли корабли 5-ой дивизии контр-адмирала П. С. Нахимова и 4-ой дивизии вице-адмирала В. А. Юрьева. Колонна кораблей стояла без парусов, но, тем не менее, зрелище было впечатляющим. Это событие и этот вид (панорама) производили сильное впечатление. В бухте на якорях стоял по-настоящему мощный линейный Черноморский флот.

Император на пароходе-фрегате «Владимир» прошел вдоль строя кораблей под императорский артиллерийский салют из 31 залпа, посетил линейные корабли «Двенадцать Апостолов» и «Париж», а затем произвел смотр войск севастопольского гарнизона. Здесь следует отметить такую деталь: на корабле «Париж», командиром которого был капитан 1 ранга Истомин В. И. неудачно или забортный трап поставили, или неудачно определили салютные орудия, что привело к тому, что при выстреле трап разлетелся вдребезги. Брат Истомина, морской офицер, находящийся на «Владимире» в числе сопровождающих это видел и от корабля «Двенадцать Апостолов» прислал на шлюпке записку примерно такого содержания: «Поставь трап, иначе ты знаешь, что тебя ожидает!». Трап с другого борта срочно был снят и к прибытию императора стоял на месте.

Программа пребывания Императора в Севастополе была крайне насыщена. Он осмотрел Адмиралтейство, сухие доки, порт, место для Нового Адмиралтейства. Затем он осмотрел Морской госпиталь, после чего на катере переправился через Южную бухту, проехал по городу, посетил Морскую библиотеку, Благородное собрание.

2 октября Император с утра осматривал укрепления. Здесь же он подписал указы о производствах в чины и назначениях:

–в адмиралы–исправляющего должность Главного Командира Черноморского флота и портов Николаевского и Севастопольского вице-адмирала М. Б. Берха;

–в вице-адмиралы–командующего 5-ой флотской дивизией П. С. Нахимова с утверждением начальником сей дивизии;

–в вице-адмиралы–начальника штаба Черноморского флота и портов свиты его императорского величества (ЕИВ) В. А. Корнилова с назначением в генерал-адъютанты;

–командира парохода-фрегата «Владимир» капитана 2 ранга Аркаса во флигель-адъютанты с переводом в Гвардейский Экипаж, и другие.

И в этот приезд Николай I все в Севастополе обошел, объездил, осмотрел, и был очень доволен сделанным. А сделано было очень много. В сторону моря Севастопольская крепость оштетинилась артиллерией фортов Константиновского, Михайловского, с городской стороны Севастопольской бухты - фортов Александровского, Николаевского, Павловского и открытых батарей. Сотни орудий грозно смотрели в сторону моря. Император понял, что ни один флот никогда не решится совершить прорыв в Севастопольскую бухту.

В Севастопольском адмиралтействе были построены три сухих дока, мастерские, складские и административные здания–все это в комплексе называлось: Лазаревское адмиралтейство. На горе над Адмиралтейством высились флотские казармы из белого инкерманского камня. Впоследствии там будет установлена на постаменте скульптура адмирала М. П. Лазарева.

В городе ярко смотрелись здание Морского собрания - Дом собраний флагманов и капитанов, морская библиотека, астрономической обсерватории. Гордостью флота был Морской госпиталь.

Было построено много жилых домов, флигелей для офицеров и другого жилья. Строящийся город со всех сторон обрастал частными застройками. Из Инкермана от Черной речки был построен акведук для подачи пресной воды для доков, снабжения кораблей и города. Умельцы-искатели находили много родников с пресной водой. Город зеленел и украшался цветами. Развивалось садоводство, огородничество, животноводство. Отслужившие сроки матросы и солдаты оставались в благодатном крае Севастополе, получали участки под застройку, а камня для сооружения жилищ было достаточно.

2 октября 1852 г. вечером на пароходе-фрегате «Владимир» император с великими князьями вышел из Севастополя, 3 октября прибыл в Николаев, откуда прибыл 10 октября в Царское Село.

С началом Крымской войны 1853-1856 годов Гвардейскому экипажу пришлось участвовать в обороне г. Кронштадта от объединенного англо-французского флота. Экипажу для этого был придан 84-пушечный корабль «Лефорт», который стоял на Малом Кронштадтском рейде на

случай прорыва противника. Но противник настолько был удивлен мощью Кронштадтских фортов, системой минных заграждений и многообразием подводных препятствий, что даже не пытался пойти на прорыв или штурм крепости.

Зимой 1854-1855 года было построено 40 винтовых 3-пушечных канонерских лодок и 16-ть из них были приписаны к экипажу. Весь отряд канонерских лодок Гвардейского экипажа обеспечивал охрану Северного фарватера, а 14 июля вступил в бой с неприятелем и нанес ему урон.

Винтовой флот к этому времени уже имел преимущество над парусным и паровым колесным флотом. Таким образом, Гвардейский экипаж принял непосредственное участие в боевых действиях первого в России отряда винтовых судов.

При императоре Николае I Россия старалась упрочить своё влияние на Балканах и добиться беспрепятственного мореходства не только на Черном море, но и в турецких проливах Босфор и Дарданеллы. Более того, после успешной русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Россия объявила себя покровительницей всех христианских подданных султана.

В 1833 г. Россия своим Черноморским флотом и войсками оказала помощь Турции в борьбе с восставшим против султана египетским пашой. Это дало возможность заключить выгодный для России договор о проливах: запрет прохода через проливы в Черное море кораблей других стран и свобода плавания русских кораблей.

В течение последующих лет Турция признала независимость Греции и автономию Сербии. В 1833 году Россия добилась права контролировать проход кораблей в Черное море, однако в 1841 году это право было ею утрачено.

Настойчивая поддержка православных христиан Османской империи и разногласия по Восточному вопросу подтолкнули Россию к обострению отношений с Турцией. В 1853 году Турция объявила войну России. Начало этой войны было ознаменовано блестящей победой русского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова, разгромившего турецкий флот в Синопской бухте. Этот бой стал последним крупным сражением парусного флота.

Турецкая эскадра под командованием Осман-паши, пришедшая в порт Синоп из Стамбула, готовилась высадить десант против русских войск на Кавказе в районе Сухум-Кале. Русская эскадра Черноморского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова решила пресечь эти активные действия турок.

Во время крейсерства в юго-восточной части Черного моря 8 ноября 1853 года русские корабли обнаружили турецкую эскадру и блокировали ее в Синопской бухте. С прибытием подкреплений русская эскадра увеличилась до шести линейных кораблей и двух фрегатов (720 орудий). Нахимов решил атаковать турецкую эскадру (7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохода-фрегата, 2 бригада, 2 транспорта, всего 510 орудий). Преодолев заградительный огонь турецких береговых батарей (38 орудий), 18 ноября русские корабли в строю кильватерных колонн прорвались в Синопскую бухту, встали на якорь и открыли артиллерийский огонь по кораблям и батареям противника. Через четыре часа все турецкие корабли и большинство береговых батарей были уничтожены. Избежать поражения удалось лишь пароходу «Гаиф» под командованием английского советника турок – А. Слейда.

Общие турок составили свыше 3 тысяч человек. Около 200 человек, в том числе раненый Осман-паша, были взяты в плен. Русские моряки потеряли на кораблях 37 человек убитыми и 235 ранеными. Победой в Синопском сражении русский флот завоевал господство на Черном море и сорвал турецкие планы высадки десанта на Кавказе.

И. К. Айвазовский. Синопский бой. 1853. [21]

Военные успехи России вызвали крайне негативную реакцию на Западе. Ведущие мировые державы не были заинтересованы в усилении России на Черном море за счет ослабления Османской империи. Такое положение создало основу для военного союза Англии, Франции и даже Австрии. Просчёт Николая I в оценке внутривосточной обстановки в этих странах привел к тому, что Россия оказалась в изоляции. В 1854 году Англия и Франция вступили в войну на стороне Турции. Одной России было сложно противостоять этим европейским державам. Основные военные действия развернулись в Крыму.

Моряки-черноморцы в ходе Крымской войны отличились не только при героической обороне Севастополя в 1854-1855 гг., но и в первом сражении с противником на суше у реки Альма. Архивные и мемуарные источники содержат лишь фрагменты об участии в этом бою Сводного морского отряда в составе двух батальонов, сформированных из абордажных и стрелковых корабельных партий Черноморского флота.

Примечание: 1. Сражению при Альме предшествовала высадка десанта союзников (Великобритании, Франции, Италии и Турции) южнее Евпатории, в Каламитском заливе, около Сакских озер. Погода благоприятствовала высадке. 1 сентября 1854 года был ясный день, и море представляло зеркальную поверхность. Армада союзников состояла из 34 военных кораблей, 55 фрегатов и других военных судов и более 300 транспортов. 2-го сентября при такой же благоприятной погоде союзники успели свезти на берег 3 французских пехотных дивизии, 59 орудий и 2 английские дивизии с частью артиллерии. Всего за этот день было перевезено 45 тыс. чел., но 3-4 сентября десанта не было из-за свежей погоды: сильного ветра и больших волн. В последующие дни десант союзников был увеличен до 61000 чел. и они немедленно начали быстрое продвижение вдоль побережья Черного моря на юг, в сторону Севастополя [39,40]. Однако русские решили остановить союзников в районе реки Альмы и выиграть время для подготовки к отражению штурма основной базы Черноморского флота.

2. Любой автор, рассказывая своим читателям о былых сражениях, опирается, прежде всего, на архивные исторические документы и факты, статистику, мемуарную литературу, полковые истории и многое другое. При этом на достоверность изложения влияют и другие факторы, например, политические предпочтения в период написания книги, авторские амбиции, личный военный опыт или глубокие знания тактики и стратегии описываемой эпохи. Поэтому, лишь некоторые военные сочинения и очерки переживают своих авторов на столетия. По Крымской войне 1854-55 гг. к таким монографиям относится, безусловно, 4-х томная «Восточная война 1853-1856 годов. Сочинение генерал-лейтенанта М.И. Богдановича» [39]. Эти книги служат для нас основным источником статистики и главных исторических фактов.

3. Из современных публикаций по Крымской войне выделяется «Исторический очерк Крымской компании (1854-1856 гг.) Восточной войны (1853-1856 гг.)» в 4-х частях: «Вторжение», «Альма», «Противостояние» и «От Балаклавы к Инкерману» известного крымского военного историка Сергея Викторовича Ченныка [40-43]. Эта монография отличается от других по Крымской войне авторским профессионализмом и критическим анализом

событий и эпизодов сражений. Она лишена авторских амбиций, не навязывает читателю своих убеждений, но при этом разрушает многие устоявшиеся мифы и легенды.

Командующим русскими войсками в Крыму с июня 1854 г. был назначен генерал-адъютант, адмирал князь Александр Сергеевич Меншиков, который до этого самостоятельно прибыл в Севастополь как Морской министр Российской империи. В своей записке императору Николаю I от 29 июня 1854 г. за № 384 князь Меншиков, оценив обстановку на месте, изложил свой взгляд по предстоящей обороне Севастополя и всего Крыма пророческими словами: «...численное превосходство будет на стороне неприятеля. Равномерно на его же стороне будет и выгода, какая в выборе места для высадки войск, так и по возможности держать нас в недоумении фальшивыми десантами. Морской атаки он, без сомнения, не предпримет. Но, имея в своём распоряжении значительно превосходящую нас силу, поведет атаку берегом. Высадку для этого войска может сделать за два или три перехода севернее Севастополя, в Евпатории, например, ... и следовать вдоль берега, фланкируемого флотами» [40].

Крюгер Франц. Портрет А. С. Меншикова. 1851. [22].

Примечание: Адмирал А.С. Меншиков (1787 - 1869 гг.) с 1805 г., в возрасте 18 лет начал службу на дипломатической работе, а с 1809 г. – военную. Воевал с 1809 по 1811 гг. в русско-турецкой кампании и состоял адъютантом при генерале от инфантерии графе Н. М. Каменском (Каменский 2-й) - командующим Молдавской армией. В 1810 году участвовал в штурме турецкой крепости Рузук на Дунае и был ранен пулей в правую ногу, затем - при взятии Никополя, и получил свой первый орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1811 году 24-летний Александр Меншиков был пожалован во флигель-адъютанты к императору Александру I. Таким образом, он вошёл в свиту императора и часто выполнял его поручения. Будучи «лично храбр... за отличие при Бородино» 21 ноября 1812 года произведён в штабс-капитаны. В конце 1812 года князь Меншиков был переведён в лейб-гвардии Преображенский полк и произведён в поручики, а 16 января 1813 г. - в капитаны этого полка. Отличился в сражениях при Кульме (август) и Лейпциге (октябрь). 20 сентября 1813 года за отличие в Кульмском сражении произведён в полковники. В марте 1814 года при взятии Парижа вторично был ранен в ногу. В 1814 году за храбрость награждён орденом Св. Анны 2-й степени с алмазными знаками, а 2 апреля 1814 - золотой шапкой с надписью «за храбрость». В ноябре 1824 года он вышел в отставку, уехал в деревню, где изучал морское дело. В 1826 г. императором Николаем I Меншиков был послан для переговоров в Тегеран, где его продержали в плену. По возвращении из плена был повторно пожалован Николаем I генерал-адъютантом. В 1828 г. контр-адмирал Меншиков назначается Начальником Главного морского штаба и членом комитета министров для преобразования флота. В турецкую кампанию 1828 года, командуя десантным отрядом, посланным к восточным берегам Чёрного

моря, овладел крепостью Анапа, после чего был назначен командующим русскими войсками, при штурме Варны. Энергично повел осаду этой крепости, но был ранен ядром в обе ноги и вынужден был оставить армию для лечения. В 1829 году в должности Начальника Главного морского штаба принял командование над морскими силами Российской Империи. В 1833 году произведен в адмиралы. Пятый Морской министр Российской империи (с 5 февраля 1836 г. По 23 февраля 1855г.). В 1853 году, для переговоров с Портой, был направлен Чрезвычайным послом в Константинополь. После Альминского сражения, 30 сентября 1854 года, в возрасте 67 лет, генерал-адъютант адмирал А.С.Меншиков был назначен Главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму и оставался на этом посту до февраля 1855 года.

27 марта 1854 г. начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А.Корнилов и командующий эскадрой флота вице-адмирал П.С.Нахимов отдали приказы об обороне города и порта Севастополя. Согласно этим приказам из стрелковых партий кораблей были сформированы два нештатных десантных батальона (1-й и 2-й), по 6 взводов каждый. Численность взводов была по 48 человек. Линейные корабли: «Селафаил», «Ягудиил», «Храбрый», «Три Святителя», «Чесма» и «Париж» выделили по взводу для 1-го десантного батальона. 2-ой десантный батальон комплектовался кораблями: «Ростислав», «Двенадцать Апостолов», «Императрица Мария», «Великий князь Константин» и «Варна». Этим батальонам были приданы десять горных единорогов, снятых с кораблей.

В июле 1854 г. были дополнительно сформированы 3-й и 4-й десантные батальоны из десантных партий кораблей. При этом 3-й батальон (8 взводов) формировался на кораблях 4-й флотской дивизии, а 4-й - (6 взводов) на кораблях 5-й флотской дивизии. Этим батальонам были выделены из арсенала 16-ть горных единорогов, из которых были созданы две батареи (по 8 единорогов в каждой) [41].

Офицеры и матросы сформированных морских батальонов (особенно 1-го и 2-го) получили уже боевой опыт во время десантных операций на кавказском побережье и прошли в Севастополе дополнительную подготовку по линейной и егерской тактике, а также стрельбе в цель. Об участии 1-го и 2-го морских десантных батальонов в деле при Альме автор [45] - капитан-лейтенант Д.В.Ильинский пишет:

«Утром 4 сентября 1854 г. по сигналу с адмиральского корабля “Великий Князь Константин” я был потребован к начальнику штаба флота вице-адмиралу В.А.Корнилову. В штабе мне было объявлено о назначении начальником Сводного морского отряда из двух подразделений: сводного батальона из абордажных партий кораблей под командой капитан-лейтенанта графа Колленш-Рачинского и полубатальона из стрелковых партий кораблей под командой командира брига «Язон» капитан-лейтенанта князя Ширинского-Шихматова. Этот Сводный отряд направлялся по суше для поддержки русских полков, спешно собираемых князем А.С. Меншиковым накануне Альминского сражения». <...>

Командир особого отряда моряков в сражении при Альме капитан-лейтенант Дмитрий Васильевич Ильинский. [44].

«Выход отряда был назначен на 4 часа пополудни с тем, чтобы до ночи успеть подойти к реке Альме, которая находилась в 40 верстах от Севастополя. Приказание на переход было с точностью исполнено и отряд с песнями, как на приятную прогулку, отправился в путь».

Бывший флаг-офицер вице-адмирала В.А.Корнилова, капитан-лейтенант А.Жард также вспоминает, что «... утром 04 сентября от Качи ... отряд этот под командой кап.-лейт. Ильинского отправился к р. Альма в состав действующей армии» [41].

Этот бодрый, жизнерадостный переход к месту предстоящего боя запомнился Ильинскому на всю оставшуюся жизнь, еще и тем, что большинству участников этого перехода оставалось жить не многим более месяца: «Ночь застала нас на Каче. Мы остановились, разложили огонь, матросики острили, балагурили, Да и мы, кажется, до поздней ночи тем же занимались. В радужных, безмятежных упованиях о предстоящих победах и о полном уничтожении врага разговоры, смолкли, и настал час отдохновения и сна. Этот здоровый, живительный сон по прошествии не более одного месяца для многих из нас обратился в непробудный сон смерти. Мы, все три начальника, были товарищи по службе, кроме того искренняя дружба связывала нас. Я один остался жив. (В первую же бомбардировку Севастополя графа Рачинского разорвало ядром надвое, когда он стоял во весь рост на бруствере 3 бастиона. Шихматову штуцерная пуля прострелила челюсть на пятом бастионе, и он в страшных мучениях умер на перевязочном пункте). Мало кто из окружающей нас молодежи остался в живых. Все эти юнаки, смело, с улыбкой презрения, кидавшиеся в огонь, гибли без ропота» [45].

Переночевав у костра, поднявшись с рассветом (*05 сент ября авт.*) и позавтракав, Ильинский явился с докладом о прибытии к князю А.С. Меншикову. Князь встретил Ильинского со словами: «Я рад, любезный Ильинский, что моряки пришли со мной погибнуть или победить» [45].

Всеми видами обеспечения отряда моряков занялся, недавно поступивший в свиту князя А.С. Меншикова мичман князь Ухтомский и, благодаря его заботам, моряки ни в чем не нуждались. Почти все матросы были вооружены нарезными Литтихскими штуцерами и штуцерами Гартунга, а также абордажными саблями и абордажными пиками. Своим подчеркнуто агрессивным видом и всевозможным вооружением этот морской отряд запомнились многим участникам Альминского сражения. При нём были также четыре (по другим сведениям только два!) горных единорога, которые поставлялись на корабли для поддержки абордажных партий.

Вначале капитан-лейтенант Д.В.Ильинский получил приказание расположить Сводный морской отряд на правом фланге русской позиции за Владимирским полком. По словам адъютанта князя Меншикова А.А.Панаева: «...в скрытом месте, как... определенного назначения не имевший, и его участие в деле зависело от случая крайней необходимости» [41].

«6 числа утром, на Альминскую позицию приезжал начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А.Корнилов. Он предложил князю А.С.Меншикову возвести на возвышенном, скалистом, обрывистом берегу моря, на левом фланге, редут из 4-х морских орудий для действия против пароходов противника, которые в противном случае могли безнаказанно подходить к самому устью реки Альмы и наносить вред русским войскам, но князь Меншиков отверг это предложение», - вспоминает автор [45].

Моряки Сводного батальона Ильинского были рассыпаны перед Альминским сражением, вечером 07 сентября, в цепь перед центром и правым флангом русской позиции: «Я был потребован к князю Меншикову и получил приказание морскими стрелками занять цепь от центра до нашего правого фланга, левый же фланг охранялся стрелковым батальоном» [45].

Рано утром, 08 сентября с рассветом, в день сражения, капитан-лейтенант Ильинский пишет, что он «...покинул стрелковый полубатальон в распоряжение начальника его князя Ширинского-Шахматова, оставив ему лучших офицеров-охотников, Николая Яковлевича Скарятин и Обезьянинова, а сам пошел к батальону графа Колленш-Рачинского. Оставив моряков на прежде занимаемой ими позиции, я сам поехал на возвышенную гору, на которой до начала сражения стояла палатка главнокомандующего. С этого пункта расстилалась широкая панорама, и вся подходящая армия была видна, как на ладони. Делал я это в намерении, получив приказание двинуть в дело моряков не отыскивать под ружейным и артиллерийским огнем места, где именно

помощь эта нужна, а прямо вести людей на угрожаемый участок самой кратчайшей дорогой» [45].

«Следует описать здесь и критическую ситуацию, которая окончательно переломило ход сражения в пользу союзников. Едва только зуавы успели взобраться на высоты левого берега Альмы, (который, кстати, считался нашим командованием неприступным), как оборонявший левый фланг 2-ой батальон Минского полка оказался в крайне затруднительном положении. Не имея возможности удержать за собой позицию у деревни Аклес, подвергаясь перекрестному огню с фронта и тыла, опасаясь быть отрезанными от основных войск, батальон этот завязал лишь перестрелку с французскими зуавами, и попытался сдерживать их натиск, но по малочисленности своей не смог этого сделать и начал отступать. В это же время, подвергаясь продольному огню морской артиллерии с пароходов, полки генерала Кирьякова начали отход, обнажая левый фланг русских войск.

В этот критический момент на левом фланге появился князь Меншиков, и здесь он проявил себя: «Князь Меншиков все время находился в первой линии под убийственным артиллерийским и штуцерным огнём. Из 4-х человек его свиты, молодой офицер генерального штаба Жолобов был убит, а флигель-адъютанту Сколкову оторвало руку. Подкрепив позицию 3-мя оставшимися батальонами Минского полка, двумя Донскими батареями и двумя дивизионами гусар и этим остановил стремительный натиск неприятеля, князь поехал для осмотра положения центральной позиции. <...>

«Князь А.С. Меншиков, вероятно, предвидел исхода сражения и поэтому не стал принимать каких-либо контрнаступлений русских войск при Альме. Князь Барятинский в своих воспоминаниях утверждает, что “...присутствие вице-адмирала Корнилова могло бы в корне изменить исход сражения”. Это утверждение спорно, однако бесспорно другое в этом эпизоде - будь Корнилов рядом с Меншиковым во время сражения, то отряду моряков Ильинского наверняка бы досталась боевая работа», - пишется в [46].

Для подтверждения достаточно вспомнить, что наиболее яркий период в службе капитан-лейтенанта Д. В. Ильинского (участие в героической обороне Севастополя) изложен двумя строчками его послужного списка: «С 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года состоял в гарнизоне Севастополя. 6 декабря 1854 года награжден Орденом Святого Георгия 4 степени» [47].

Специфика участия моряков в обороне Севастополя заключалась в том, что они оставались на защите своего города и Черноморского флота с первого и до последнего дня обороны. Из числа защитников моряк выбывал либо по причине смерти, либо по увечью. Это положение существенно отличалось от участия в боях по защите Севастополя армейских подразделений. Полки и батареи направлялись в Севастополь на определенный срок, обычно не превышавший 2-3-х месяцев, а потом выводились из смертоносного кольца на переформирование и отдых. Моряки, находящиеся на бастионах, редутах и на кораблях позволить себе такого не могли, поэтому и потери моряков были значительно выше средних по гарнизону.

«Несмотря на отход русских войск, сражение при Альме приостановило быстрое продвижение союзных экспедиционных корпусов к Севастополю и задержало выполнение их главной задачи в начавшейся Крымской войне – уничтожение Черноморского флота. Союзники стали действовать осторожнее, полагая, что имеют дело только с авангардом русской армии. Это позволило избежать быстрого захвата оставленного без войск Севастополя и дало некоторое время для подготовки города к обороне», пишется в [47].

«Известно, что позже Севастополь остались защищать с суши в основном русские матросы под командованием адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина, срочно построивших вокруг города оборонительные бастионы. Например, к 28 марта (9 апреля) 1855 г. из 10562 чел. орудийной прислуги на бастионах 8886 были моряками, 1285 – армейскими артиллеристами гарнизонной артиллерии Севастополя и 391 – офицерами и солдатами полевой артиллерии», - уточняется в [47].

Итак, достигли ли союзники в Альминском сражении полного успеха над русскими? Отвечая на этот вопрос, автор [41] утверждает: «Это была, бесспорно, безоговорочная победа», которая, например, “...вдохнула уверенность во французскую армию...”. Но, был ли этот успех полным?

Ответ также является однозначным: “Нет!”. Известный в истории Крымской войны английский адмирал Слейд («Мушавар Паша») пишет о результатах союзников при Альме так: “Они заняли спорную территорию, и не более. Их мертвые лежат вперемешку с русскими мертвыми в пропорции один к четырём; но нет никаких захваченных батарей, нет разрушенных укреплений, не видно колонн пленных, которые говорили бы о полном поражении”».

Далее автор [41] заключает: «Главкомандующие союзников англичанин Раглан и француз Сент-Арно видимо понимали, что главной цели – полного разгрома русской армии им достичь не удалось. Отступление – не поражение. Тем более для русских, которые всегда умели поражения обращать в победы. Более походило, что Меншиков вывел войска из-под удара и как опытный шахматист расположил так, что в случае попытки идти прямо на Севастополь союзники сами попали в ситуацию с туманными перспективами, оказались между молотом (Меншиков) и наковальней (Севастополь)». С этими славками заключения трудно не согласиться.

В октябре 1854 года союзники осадили Севастополь. Несмотря на героическую оборону, после 11-месячной осады, в августе 1855 года защитники Севастополя были вынуждены оставить южную часть города и перейти на Северную сторону.

В начале 1856 г. по итогам Крымской войны был подписан Парижский мирный трактат. По его условиям России запрещалось иметь на Черном море военно-морские силы, арсеналы и крепости. Россия становилась уязвима с моря и лишалась возможности вести активную внешнюю политику в этом регионе.

Император Николай I очень тяжело переживал неудачи в войне с коалицией европейских государств, заболел и скончался 18 февраля 1855 года в Санкт-Петербурге.

Богдан Виллевалде (1818-1903). Николай I с цесаревичем Александром Николаевичем в мастерской художника в 1854 году. 1884. Холст, масло. [21]

В 1856 году Гвардейский экипаж был увеличен на 100 матросов георгиевских кавалеров, переведенных за отличие в службе с Черноморского флота. Это было сделано для приведения количества матросов экипажа в соответствие с численностью лейб-гвардии Саперного батальона. Одновременно из экипажа были уволены в отставку матросы, чей 20-летний срок службы закончился. Тогда же был организован понтонный парк гвардейского корпуса из матросов Гвардейского экипажа.

В 1856 году Гвардейский экипаж начал компанию, имея в своем составе суда:

- 15 винтовых канонерских лодок;
- паровую яхту «Александрия»;
- пароходы «Петербург» и «Невка»;
- парусные яхты: «Королева Виктория», «Никса», «Волна», «Дружба», «Костя», «Нева», «Рыбка»;
- два голландских буера;
- гребные катера императорской фамилии.

В заграничном плавании в Средиземном море находился фрегат Гвардейского экипажа «Кастор».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гв. эк. лейтенант И. А. Виноградский. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной компании 1812 года. Морской сборник, № 4, 5. 1899.
2. Гв. эк. лейтенант И. А. Виноградский. Действия Морского Гвардейского экипажа в войну 1813 года. Морской сборник, № 4, 5, 6. 1903.
3. В. Т. Поливанов, Г. И. Бякин. Морской Гвардейский Экипаж. Страницы истории. Издательство «ПиК», СПб, 1996.
4. Л.А. Малышев. Морской Гвардейский Экипаж. 300 лет. История и современность. Изд-во «МСТ», СПб, 2011. 335 с.
5. М.Н. Лермонтов. Очерк истории Гвардейского Экипажа от времени формирования до 1830 года. РГА ВМФ. Фонд 935. Дело № 166, опись 2. Объём - 502 листа.
6. М.Н. Лермонтов. Материалы по истории Гвардейского Экипажа. РГА ВМФ. Фонд 935. Дело № 164, опись 2. Объём - 170 листов.
7. М.Н. Лермонтов. Дополнительные материалы, комментарии и статьи для истории Гвардейского Экипажа. РГА ВМФ. Фонд 935. Дело № 165, опись 2. Объём - 90 листов.
8. Малышев Л.А. Создание морской гвардии в России: 1690-1830 гг. – СПб., изд-во «Нестор-История», 2014. – 176 с., 56 илл.
9. А.М. Рембелинский. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского Экипажа. Сорок восьмой год. Русский архив. М.; Синодальная типография. 1910, с. 323-338.
10. Юбилей Гвардейского экипажа. Морской сборник, издаваемый Морским Ученым комитетом. Том XLVI. № 4. Апрель. Санктпетербург. Типография Морского Министерства. 1860, с. 159-166.
11. А.А. Бочаров. Гвардейский флотский экипаж и его корабли. Гангут – вып. 20: Сб.ст. – СПб.:, издательство «Гангут», 1999 – 112 с., ил.
12. Сайт: <http://Muzei-mira.com>.
13. Альбом. Русские императорские яхты. «ЭГО», СПб.:, 1997.
14. Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Сайт: www.museumpereslavl.ru.
15. Сайт: <http://www.navy.su/-1850/poteshnaya/index.htm>.
16. Альбом. Морская слава России. Центральный военно-морской музей. Под общей редакцией Е.Н. Корчагина. Издательство «Белый город», М.: 2003. - 383 с.

17. Альбом. Балтийский флот. Три века на службе Отечеству. Издательский Дом «Измайловский», СПб.: 2002. - 255 с.
18. В. Я. Милованов, Н. Н. Семенович. Флаги отечественного флота 1667–1996. Военный парад. Фонд Большая Российская энциклопедия. М.:1996.
19. Альбом рисунков, снимков и фотографий, преподнесенных императрице Марии Федоровне в декабре 1892 г. Из фондов ЦВММ.
20. Электронные копии картин и экспонатов ЦВММ. Санкт-Петербург, ЦВММ. 2010 год.
21. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Сайт: [http:// www.Gallerix.ru](http://www.Gallerix.ru). Альбом 200 русских живописцев.
22. Сайт: Государственный Эрмитаж, часть 5.
23. А.А. Чернышев. Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. Т.2. - М.: Воениздат, 2002. – 480 с., ил.- (Корабли и суда Российского флота).
24. А. Л. Ларионов. Из истории императорских яхт Российского флота. Журнал Гангут № 22–24. Санкт-Петербург, 2000.
25. Книга Устав морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. Напечатан. По указу Государственной Адмиралтейской Коллегии, в типографии морского шляхетского кадетского корпуса. Санктпетербург. 1763 года.
26. А.А. Чернышев. Морская гвардия отечества. М.: Вече, 2013.
27. Сайт: [http:// www.allfleet.info.ru](http://www.allfleet.info.ru).
28. Сайт РВИО: dok.histf.ru. 100 Главных документов Российской истории. Манифест «О кончине Императора Павла I, и о вступлении на Престол Императора Александра I».
29. Сайт: [http:// www.Gallerix.ru](http://www.Gallerix.ru). часть 5.
30. Г.А. Гребенщикова. 120-пушечный корабль «Двенадцать апостолов». СПб.:, издательство «Гангут», журнал «Мидель-шпангоут», № 5(10). 2003.
31. Н.К. Шильдер. Император Николай I. СПб.:, издательство А.С. Суворина в 2-х томах, 1903. 1802 с.
32. Джорж Доу. Военная галерея портретов Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. 1826 г. Государственный Эрмитаж.
33. М.И. Богданович. История войны 1813 года по достоверным источникам, т. 1.
34. А. А. Тронь. Выставка акварелей в ЦВММ: «О морях, кораблях, моряках». Декабрь 2010. Фото акварелей с выставки.
35. Л.А. Малышев. Морской Гвардейский экипаж в боях за Отечество (1812-1814). Журнал «Морское наследие», № 2/2012. СПб., с.18-24.
36. А.А. Григоров. Из истории костромского дворянства / Сост., вступ. ст. и примечания Н.А. Зонтикова. — Кострома, 1993. — 472 с.
37. Николай I, император. Записки о вступлении на престол.- В кн.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов... М.- Л., 1926, с. 9-35.
38. Г.С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 года: Военно-историческая справка — в кн.: Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 — М.-Л.: 1926, с. 153—206.
39. Восточная война 1853-1856 годов. Соч. М.И. Богдановича. Глава XX. Высадка Союзной армии и сражение на Альме. (Со 2-го (14-го) по 8-е (20-е) сентября 1854 г.). С.-Петербург, 1876.
40. С.В. Ченнык. Крымская кампания 1854-1856 гг. Восточной войны 1853-1856 гг. Часть I. Вторжение. Военно-исторический очерк. Севастополь. Изд-во «Полмет ГМБХ». 2010. 320 с.
41. С.В. Ченнык. Крымская кампания 1854-1856 гг. Восточной войны 1853-1856 гг. Часть II. Альма. Военно-исторический очерк. Севастополь. Изд-во «Полмет ГМБХ». 2011. 320 с.
42. С.В. Ченнык. Крымская кампания 1854-1856 гг. Восточной войны 1853-1856 гг. Часть III. Противостояние. Военно-исторический очерк. Севастополь. Изд-во «Полмет ГМБХ». 2012. 320 с.
43. С.В. Ченнык. Крымская кампания 1854-1856 гг. Восточной войны 1853-1856 гг. Часть IV. От Балаклавы к Инкерману. Севастополь. Изд-во «Полмет ГМБХ». 2014. 304 с.
44. Альбом. Портреты лиц, отличившихся заслугами и командовавших действующими частями в войне 1853-1856 годов. СПб., 1856-1861 гг.
45. Д.В. Ильинский. Из воспоминаний и заметок севастопольца. Русский архив. 1892, кн. 3, вып.12., с 447-464.

46. Л.А. Малышев. Крымская война. Первый бой. Журнал «Морское наследие», № 1(9)/2014. СПб., с.62-67.
47. С.В. Ченнык. Георгиевские кресты Крымской войны. Military Крым.